

научно-
атеистическая
библиотека

А.Н.Радищев
и декабристы

Научно-
атеистическая
библиотека

А.Н.Радищев и декабристы

Из атеистического наследия
первых русских
революционеров

Москва
«Мысль»
1986

ББК 80.1

Р 15

РЕДАКЦИИ НАУЧНОЙ
И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
АОН при ЦК КПСС

Редакционная
коллегия:

доктор философских наук
А. Ф. Окулов
(председатель)

доктор философских наук
Х. Н. Момджян

доктор философских наук
А. Д. Сухов

кандидат философских наук
Ю. П. Зуев

кандидат исторических наук
Г. С. Лялина
(ученый секретарь)

Составитель
и автор комментариев
и указателей
кандидат философских наук
Л. В. Поляков

Автор вступительной статьи
доктор философских наук
А. Д. Сухов

Первые русские революционеры и их атеистические взгляды

В 1790 г. вышла в свет книга А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», в которой впервые были сформулированы чаяния самой угнетенной социальной группы России — крестьянства. Это были первые контуры русской революционной демократии. В развитом виде она установилась в России значительно позже — в 40-х годах XIX в.

Революционная демократия — это идеология не только крестьянства, но и демократических слоев города. Но поскольку в России крестьянство было самой значительной частью народа, то в русской революционной демократии и отразились прежде всего интересы русского крестьянства.

Взгляды революционной демократии существенно отличны от тех взглядов, которые были свойственны крестьянству (и демократическим элементам феодального общества вообще) в предшествующий период.

В средние века и в начале нового времени воззрения крестьянства проявлялись в основном на социально-психологическом уровне. Социальная психология крестьянства постоянно подвергалась сильнейшему воздействию господствовавшей в обществе идеологии, трансформировалась ею в соответствии с потребностями верхов. Временами, особенно в период кризисных ситуаций, социальная психология низов в какой-то мере выходила из-под контроля феодальной идеологии, и над ней начинал образовываться собственный идеологический уровень. По сравнению с традиционной идеологией он был тонок, непрочен; некоторое время он с трудом противостоял натиску господствующей идеологии, но в конце концов не выдерживал его. Правда, когда складывались благоприятные условия, он появлялся вновь.

Недостаточная теоретическая и тем более философская обоснованность социальных требований — общий признак крестьянских движений, где бы они ни

происходили — в Западной Европе, в России или в странах Востока. С появлением на идейной арене революционной демократии положение меняется. По своему теоретическому уровню ее представители не только не уступают идеологам других социальных групп, но даже — и это случается нередко — имеют превосходство над ними. В числе величайших философских умов XVIII столетия — революционные демократы Ж. Ж. Руссо и А. Н. Радищев.

Революционные демократы на теоретическом уровне осваивали социальный опыт крестьянства. Они были не только историками, но и современниками крестьянских движений. Мировоззрение А. Н. Радищева, как отмечают исследователи, «формировалось под значительным воздействием классовой борьбы крестьянства», а в его произведениях «сквозят мотивы пугачевских манифестов»¹.

Традиция связывает революционную демократию с наследием прошлого, хотя это — новый этап в развитии демократических воззрений. Революционную демократию отличает не только степень теоретичности, но и революционный характер.

История средневековья знает многочисленные и мощные крестьянские восстания и войны, которые потрясали существовавшие порядки. Иногда восставшие даже брали верх над своими угнетателями. В Китае в ходе крестьянских движений феодальное войско временами бывало разгромлено, феодальное сословие гибло в борьбе или экспроприировалось, правящая династия утрачивала престол. Новыми феодалами становились представители повстанцев, а их вожди восходили на императорский трон. Династии Хань и Мин были основаны предводителями восставших крестьян, и каждая из этих династий просуществовала несколько сот лет.

В Западной Европе в ходе борьбы крестьяне выдвигали из своей среды «королей», которые претендовали на государственную власть. У них появлялись придворные и приближенные, и если бы новый режим, переживавший стадию формирования, просу-

* * *

¹ Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974, с. 50—51.

ществовал длительное время, то лидеры повстанческого движения имели бы все шансы стать новыми феодалами².

Крестьянская война в России под предводительством Е. И. Пугачева также не обошлась без Петра III, графа Чернышева, копирования некоторых порядков, установлений и государственных учреждений, существовавших в Петербурге³.

Крестьянские движения до тех пор, пока они не находили социального противовеса феодализму, не имели революционной значимости: они не были революциями и сами по себе, не могли они также стать и компонентами каких-либо революций. Цели, задачи крестьянских движений, мероприятия, которые осуществлялись ими на практике, не имели выхода за пределы феодальной формации, не содержали даже возможностей формационной смены. Феодализм, несмотря на пережитые потрясения, возрождался вновь и вновь.

Это не значит, что крестьянские движения в историческом плане были бесперспективны, бесплодны. Они выправляли деформации феодализма, возникавшие, когда нажим верхов на низы превосходил исторически допустимые пределы: степень эксплуатации крестьянства оказывалась соотнесенной с тем сопротивлением, на которое наталкивался класс феодалов.

Стихийный протест крестьянства против феодального угнетения сменяется в революционной демократии сознательным, стремление обеспечить себе сносное положение в феодальном обществе — идейным отрицанием самого этого общества. Поэтому революционная демократия даже в период своего становления, когда ее влияние было весьма ограниченным, все же представляла угрозу существующему строю. Реакция на книгу «Путешествие из Петербурга в Москву» в правительственных кругах и репрессии, обрушившиеся на ее автора, — подтверждение того, что эта угроза сразу же была осознана.

* * *

² См.: Гутнова Е. В. Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Западной Европе (XI—XV вв.). М., 1984, с. 241.

³ См.: Буганов В. Пугачев. М., 1984, с. 207.

В это время феодальное общество России еще переживало недавно закончившуюся войну с крестьянским войском Е. И. Пугачева. Победа в этой войне стоила дворянству немалых усилий. Когда шли военные действия, даже столицы империи временами не чувствовали себя в безопасности. По свидетельствам очевидцев, московское дворянство после занятия армией Е. И. Пугачева Казани было охвачено неопишуемой паникой, а в Петербурге воцарилось уныние⁴ — столь велико было впечатление от успехов, которых добивались повстанцы и их вождь, по словам одного из современников, «потрясший самый престол»⁵.

Казалось бы, что могла представлять собой книга А. Н. Радищева по сравнению с этим мощным крестьянским движением? Но Екатерина II полагала иначе: она говорила, что Радищев — бунтовщик хуже Пугачева.

И это, несмотря на то что в книге А. Н. Радищева не содержалось призывов к немедленному революционному выступлению, свержению правительства и слову утвердившихся в стране порядков: революция в России, в какой бы то ни было форме ее проявления, еще не созрела, не была возможна, что вполне сознавалось и самим А. Н. Радищевым. Он не разрабатывал специально учения о революции, ее стратегии и тактике. Конкретизация идей А. Н. Радищева являлась делом будущего. Он был провозвестником революционной России, первым русским идеологом крестьянской революции.

Крестьянские революции — особое явление всемирной истории. Они свойственны крестьянским движениям на позднейших этапах их развития. Если прежде не было социального противовеса феодализму, так что, несмотря на все усилия и намерения, выйти за его пределы было просто невозможно, то теперь такой противовес существует.

Крестьянские революции, как это было показано в работах В. И. Ленина, революционизируют специ-

* * *
⁴ См.: *Рознер И. Г.* Придворные круги накануне и во время Крестьянской войны 1773—1775 годов. — Вопросы истории, 1974, № 4, с. 111.

⁵ См.: Сочинения М. М. Щербатова, т. 1. СПб., 1896, с. 445.

ально касающиеся крестьянства поземельные отношения и выдвигают его в число активных общественных сил, творящих революцию⁶. Крестьянская революция оказывается компонентом буржуазной революции, и, если этот компонент превалирует, сама буржуазная революция приобретает по преимуществу крестьянский характер. Она может стать и демократической, когда наряду с крестьянством в ней участвуют слои городского населения. Но конечный и основной результат, который достигается, один — замена феодальных отношений капиталистическими.

Во время Великой французской революции народное восстание, происшедшее 31 мая — 2 июня 1793 г., привело к установлению во Франции революционно-демократической диктатуры якобинцев, которая просуществовала более года — до 27 июля 1794 г. Мощной социальной опорой этой диктатуры было крестьянство, и именно его требования были прежде всего осуществлены якобинцами. В первые шесть недель якобинское правительство приняло решение о льготной распродаже крестьянам земель эмигрантов, возвратило им общинные земли, которые были захвачены помещиками, ликвидировало все феодальные права, повинности и поборы. За этот короткий срок крестьянство получило больше, чем за четыре предшествовавших года революции. Феодализму был нанесен сокрушительный удар, сломивший его⁷.

На руинах феодализма якобинцы воздвигали новое общество, созвучное идеям Ж. Ж. Руссо, который являлся для них высшим авторитетом в социальной политике и философии. Они стремились ограничить размеры частной собственности, потеснить сферу буржуазных отношений и даже устранить угнетение человека человеком. Но эти задачи так и остались неосуществленными. Буржуазные отношения распространялись стихийно, опрокидывая или обходя встречаемые преграды. Заменить их какими-либо иными не было возможности.

Неумение и нежелание считаться с исторической реальностью имели трагические последствия.

* * *

⁶ См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 16, с. 331.

⁷ См.: История Франции в трех томах, т. 2. М., 1973, с. 44.

Террор, использовавшийся первоначально в борьбе с феодализмом, сделался, по словам Ф. Энгельса, для М. Робеспьера средством самосохранения «и тем самым стал абсурдом»⁸. Режим приобретал тоталитарный, тиранический характер. С неизбежностью наступила и экономическая разруха. Правительство, действовавшее от имени народа, утрачивало его доверие, якобинская диктатура быстро приближалась к своему краху. Конец ей положил переворот 9 термидора, передавший власть деятелям буржуазии.

Невозможность господства масс при тогдашних отношениях была доказана⁹.

Неудача, постигшая якобинцев, имела далеко идущие следствия для общественной мысли, особенно революционно-демократической. Стало ясно, что для осуществления революционно-демократических идеалов нужны иные революционные действия и что их воплощение в жизнь — дело будущего. Исследователи мировоззрения Радищева подчеркивают, что он не просто первый русский революционер, «но он также первый в России революционер, задумавшийся над трудностью и сложностью пути революции, ответственностью революционной мысли и особенно революционного действия»¹⁰.

Дальнейший поиск в этом направлении осуществлялся в русской философии революционными демократами XIX в.; итогом его стали работы Н. Г. Чернышевского, выявившие в новых условиях реальность некапиталистического пути развития.

А. Н. Радищев был основоположником атеистической традиции в русской революционной демократии. Конечно, к атеистическим воззрениям А. Н. Радищева, как, впрочем, и ко всему материализму и атеизму XVIII в., нельзя подходить с меркой более позднего времени. Принцип историзма здесь особенно необходим.

В книге А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» и в его трактате «О человеке, о его

* * *

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 127.

⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 268—269.

¹⁰ Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Запретная мысль обретает свободу: 175 лет борьбы вокруг идейного наследия Радищева. М., 1966, с. 302.

смертности и бессмертии», так же как и у его русского предшественника М. В. Ломоносова, атеизм существует под покровом деизма. Деизм, признававший первый толчок, данный миру творцом, отрицал, однако, какое-либо дальнейшее вмешательство божества в дела мира. Ссылки на бога у деистов нередко имели формальный характер — ими они платили дань религии, влияние которой было уже подорвано, но все еще оставалось значительным. К. Маркс подчеркивал, что для материалиста той эпохи деизм «есть не более, как удобный и легкий способ отделаться от религии»¹¹. Эта форма мировоззрения не всегда отличалась последовательностью.

Именно таким был деизм А. Н. Радищева. Хотя в его произведениях встречается понятие бога, в них же даются трактовки его, не имеющие ничего общего с религиозными. В главе «Бронницы» своего «Путешествия» Радищев по существу отождествляет деизм с атеизмом, считая, что признание законов природы безбожником эквивалентно признанию божества. В другой главе «Путешествия» — «Тверь» А. Н. Радищев, цитируя собственную оду «Вольность» (отрывок из нее, по сюжету, зачитывает путешественнику один из его попутчиков), утверждает, что бог и природа — одно и то же.

В трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии» Радищев, вновь возвращаясь к вопросу о боге, ссылаясь на авторитет Т. Гоббса и Б. Спинозы, истолковывавших это понятие материалистически. Разрабатывая атеистические традиции мировой философии, он приходил к выводу: «И поистине, не напрасное ли умствование говорить о том, что могло быть до сотворения мира? Мы видим, он существует, и все движется; имеем право неоспоримое утверждать, что движение в мире существует, и оно есть свойство вещественности, ибо от нее неотступно»¹². Отрицание сотворения мира и первотолчка ничего не оставляет от бога даже и в деистической его интерпретации.

Таким образом, одна из особенностей сочинений А. Н. Радищева — использование общепринятых поня-

* * *

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 144.

¹² Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 2. М.— Л., 1941, с. 81.

тий, и в их числе бога, которым дается неординарная трактовка, кардинально меняющая их смысл.

Другой прием А. Н. Радищева — параллельное изложение противоположных по содержанию текстов — материалистических и идеалистических, атеистических и религиозных. Прием этот не был нов: он использовался передовыми мыслителями различных стран Европы. К. Маркс, обращая внимание на подобную практику, писал об уловке, к которой прибегали все еретики, о том, что она использовалась еще в XVIII столетии. К. Маркс подчеркивал, что подобная двойственность изложения производила на читателя того времени не разноплановое, а весьма однозначное воздействие. «Разве не был сожжен Ванيني,— писал Маркс,— несмотря на то, что он в своем «Театре мира», провозглашая атеизм, весьма старательно и красноречиво развивает при этом все аргументы, говорящие против атеизма? А разве Вольтер в своей книге «Библия, получившая, наконец, объяснение» не проповедует в тексте безверие, а в примечаниях защищает религию,— и верил ли кто-нибудь в очистительную силу этих примечаний?»¹³

В соответствии с тогдашней антирелигиозной практикой построен трактат А. Н. Радищева «О человеке, о его смертности и бессмертии». Посвященный одной из наиболее трудных для публичного рассмотрения в XVIII в. проблем — проблеме души, трактат состоит из четырех книг. В первых двух доказывається, что бессмертие души — не что иное, как воображение, сон, пустая мечта. В третьей и четвертой книгах изложены религиозные представления о душе. Они были известны читателю по урокам закона божьего, регулярно читавшимся в церквах проповедям, постоянно издававшейся религиозной литературе.

Ценность содержащейся в трактате взаимоисключающей информации — атеистической и религиозной — не являлась равнозначной. Одна была трудно доступной, вторая — тривиальной. К тому же вторая половина трактата наряду с религиозным имеет и иной контекст. Здесь вкраплены замечания, реплики, в ка-

* * *
¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 178.

кой-то мере перечеркивающие религиозную аргументацию.

Поэтому трактат (впервые был издан после смерти А. Н. Радищева, в 1809 г.), противоречивый по содержанию, воспринимался читателями того времени однозначно. Характеризуя мировоззренческую позицию его автора, А. С. Пушкин писал: «Он охотнее излагает, нежели опровергает доводы чистого афеизма»¹⁴.

В начале XIX в. русский атеизм продолжал быстро развиваться. Атеистические традиции А. Н. Радищева были продолжены декабристами.

Доподлинно известно, что декабристы знали и ценили его произведения. Некоторые из них признавали на следствии, что среди книг, формировавших их убеждения, было «Путешествие из Петербурга в Москву». М. В. Нечкина считала, что такие заявления могли бы быть повторены подавляющим большинством декабристов. Они, как правило, не делали этого, так как чтение запрещенной книги А. Н. Радищева являлось обстоятельством, усугублявшим обвинение¹⁵.

Революционность декабристов, хотя она и испытала воздействие А. Н. Радищева, была в общем иной по своей социальной природе.

Декабристы, как и А. Н. Радищев,— дворянские революционеры, т. е. дворяне по своей классовой и сословной принадлежности и революционеры по убеждениям. По идеологическим воззрениям и деятельности они, однако, в отличие от А. Н. Радищева представляли не революционную демократию, а нараставшие в России тенденции буржуазного развития. Ни в малой мере не являясь людьми буржуазно ограниченными, руководствуясь гуманистическими идеалами, декабристы объективно призваны были открыть пути для беспрепятственного развития в стране капитализма.

Ими были созданы программные документы. М. В. Нечкина, подчеркивая, что написанная П. И. Пе-

* * *
¹⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти томах, т. 7. Л., 1978, с. 244.

¹⁵ См.: Нечкина М. В. Движение декабристов, т. I. М., 1955, с. 91.

стелем и принятая Южным обществом как наказ временному революционному правительству «Русская Правда» была самым решительным из всех конституционных проектов, созданных декабристами, утверждала, что «Русская Правда» является все же не чем иным, как «революционным проектом буржуазного переустройства феодально-крепостной России»¹⁶. «Русская Правда» предусматривала отмену крепостничества и создание республиканского строя, ликвидацию сословий, свободу печати и вероисповеданий, привлечение крестьянства к управлению страной, но также отстаивала кардинальный принцип буржуазной общественно-экономической формации — священность и неприкосновенность частной собственности.

Социальная философия декабристов формировалась в условиях, когда недовольство французской революцией 1789—1814 гг. было распространенным явлением. В частности, революционная демократия была разочарована тем, что народ, главный участник революционных событий, оказался обделенным. Декабристы, напротив, были в числе тех, кто высоко оценивал результаты великой революции, даже несмотря на то, что они претерпели существенную деформацию после реставрации Бурбонов. Они не считали опыт французской революции разочаровывающим.

Идеи декабризма напоминают революционную буржуазную идеологию во Франции в канун революции. Известные аналогии и элементы сходства — в этом плане — отмечали еще те историки, которым, несмотря на то что они не являлись марксистами, не были чужды реалистические оценки исторического процесса. Н. П. Павлов-Сильванский существующие в данном случае совпадения объяснял тем, что «у нас в начале XIX века декабристы стояли перед такою же стеною отживших учреждений, как французы перед революцией...»¹⁷.

Но декабристы не пытались копировать те методы, которые применялись революционерами Фран-

* * *

¹⁶ Нечкина М. В. О нас в истории страницы напишут... Из истории декабристов: Материалы и исследования. Иркутск, 1982, с. 263.

¹⁷ Павлов-Сильванский Н. П. Соч., т. II. СПб., 1910, с. 240.

ции в XVIII в. Того, чего достигла французская революция, они предполагали добиться иными средствами.

Декабристы рассчитывали не на революцию, которая будет совершена пришедшими в движение массами, а на военный переворот, в котором примут участие воинские части, находящиеся под командованием членов тайного общества. Этот переворот не был бы верхушечным, наподобие тех, что уже не раз осуществлялись в России. За ним последовала бы смена политической власти, перестройка всей системы общественных отношений. Военный переворот стал бы началом социальной и политической революции, и эта революция могла быть только буржуазной.

В 1808—1827 гг., менее чем в двадцатилетний период истории, с интервалами в несколько лет, а то и месяцев, развертывались события, знаменовавшие движение многих стран от феодальной общественно-экономической формации к капиталистической¹⁸. Эти события происходили в Испании, Португалии, Неаполитанском королевстве, Греции, некоторых других европейских странах, в странах южной части Американского континента. Уровень социального развития этих стран был сравнительно невысок, значительно уступая тому, которого достигла Франция к 1789 г. Революционные события нередко начинались военными переворотами, и дворянские революционеры являлись активными деятелями этих событий, в некоторых из них им принадлежала даже ведущая, руководящая роль. Движение декабристов — один из эпизодов этого отрезка всемирной истории.

Весь опыт революционных действий данного периода тщательно изучался декабристами и использовался ими. «Происшествия 1812, 13, 14 и 15 годов, равно как предшествовавших и следовавших времен,— писал П. И. Пестель,— показали столько престолов низверженных, столько других постановленных, столько царств уничтоженных, столько новых учреждений, столько царей изгнанных, столько возвратившихся или призванных и столько опять изгнанных,

* * *

¹⁸ См.: Нечкина М. В. О нас в истории страницы напишут..., с. 286—296.

столько революций совершенных, столько переворотов произведенных, что все сии происшествия ознакомили умы с революциями, с возможностями и удобствами оныя производить... От одного конца Европы до другого видно везде одно и то же, от Португалии до России...»¹⁹

В литературе о декабристах отмечается, что та форма освободительного движения, которая только и являлась единственно возможной в конкретно-исторических условиях России первой четверти XIX в., могла «развиваться только за счет сужения общедемократического масштаба привлекаемых к революционному движению сил...»²⁰.

Методы борьбы, которые были избраны в это время дворянскими революционерами в различных странах мира, в том числе и в России, не могут считаться фатально обрекающими на поражение. Международная практика говорит о другом: были не только неудачи, но и успехи. Исход возникавшего противоборства в каждом конкретном случае зависел от многих факторов и обстоятельств, как постоянно действующих, так и привходящих. К. Маркс писал, что «творить мировую историю было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо-благоприятных шансов. С другой стороны, история носила бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, и сами составной частью в общий ход развития, уравниваясь другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависят от этих «случайностей», среди которых фигурирует также и такой «случай», как характер людей, стоящих вначале во главе движения»²¹.

Никакой предопределенности неудачи у декабризма не было. Поэтому в его философии отсутствуют

* * *

¹⁹ Восстание декабристов: Материалы, т. IV. М.—Л., 1927, с. 105.

²⁰ Ланда С. С. Дух революционных преобразований... Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816—1825. М., 1975, с. 296.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 175.

пессимизм и обреченность; мотивы мессианства и жертвенности распространения в ней не получили.

Выступления декабристов с оружием в руках, которые состоялись в конце 1825 — начале 1826 г., не были предусмотрены в разработанных ими планах. Ситуация, благоприятная для восстания, сложилась неожиданно: 19 ноября 1825 г. в Таганроге умер Александр I, и на какое-то время из-за нечетко оформленного престолонаследия возникло междуцарствие.

Необходимо отличать общие возможности декабризма от тех, которые существовали, в частности, в день 14 декабря. Но и 14 декабря шансы у декабризма были.

Значительное воздействие на современников оказала интерпретация событий Николаем I и его ближайшим окружением сразу же после восстания на Сенатской площади. Впоследствии она получила «научную» разработку у некоторых историков, непосредственно выполнявших социальный заказ правительства, в особенности у М. А. Корфа. Его книга «Восшествие на престол императора Николая I» была написана, как свидетельствует о том сам автор, «по высочайшему повелению». В искаженном виде в ней изображалось восстание декабристов, так же как и все их движение в целом.

Восстание 14 декабря было представлено авантюрой, заранее обреченной и совсем не опасной для правительства. Материалы следствия не предавались гласности, и так как восстание действительно окончилось поражением, то официальная трактовка событий оказалась живучей и получила известное распространение. В трактовке возможностей декабризма складывалась определенная традиция, приобретающая большую устойчивость.

Некоторые обстоятельства содействовали, однако, ее расшатыванию, и прежде всего публикация идейного наследия декабристов. Их сочинения и мемуары, все в большей мере становившиеся доступными для исследования, не оставляли сомнения в том, что им были свойственны оптимистические оценки возможного исхода борьбы. Есть свидетельства, что участники тайного общества накануне выступления

«все надеялись на успех»²². И даже после постигшей их неудачи декабристы не утратили убежденности в том, что воинская сила, находившаяся в день восстания на их стороне, «могла бы все решить», что «успех предназначенного предприятия был возможен»²³, что «окончательная победа могла бы остаться на стороне тайного общества»²⁴, что «14-е могло бы кончиться совсем не так, как оно кончилось»²⁵. При этом обращалось внимание на ненадежность войск, оставшихся верными правительству; симпатии, которые откровенно проявлял к восставшим народ, собравшийся на Сенатской площади, панику в правительственном лагере. Высказывалось также предположение, что занятие Петропавловской крепости, планировавшееся при подготовке восстания, но не осуществленное в ходе его, могло кардинально изменить ситуацию.

Естественно, что наряду с оптимистическими прогнозами в канун выступления существовали и сомнения в его исходе. К. Ф. Рылеев, проделавший вместе с группой единомышленников большую работу по организации восстания, в кругу близких друзей не скрывал трудностей предстоящей борьбы, говорил о вероятности неудачи. Однако он глубоко переживал поражение, считая, что исход его мог бы быть иным, если бы все члены организации выполнили возложенные на них поручения.

О критической ситуации, сложившейся в Петербурге 14 декабря 1825 г., сообщали своим правительствам дипломатические представители, аккредитованные в России. В их донесениях говорилось о трудном положении, в котором оказалось российское правительство, о том, что, если бы восставшие в подходящий момент предприняли наступление на Зимний дворец, «ничто не могло бы помешать им достигнуть его», что в случае присоединения к восстанию еще и Преображенского полка, «настроение которого было неопределенным», правительство должно было бы «опа-

* * *

²² Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984, с. 123.

²³ Там же, с. 128, 133.

²⁴ Фонвизин М. А. Сочинения и письма, т. II. Иркутск, 1982, с. 192.

²⁵ Декабристы па поселении. Из архива Якушкиных. Л., 1926, с. 37.

саться самых ужасных последствий», что при более энергичных действиях и лучшем руководстве восставшим «был бы обеспечен успех» и они разделились бы с империей и с императором, что возможность государственного переворота в России была и «зависела от одной счастливой случайности»²⁶.

А. И. Герцен и Н. П. Огарев, в юности глубоко пережившие поражение восстания, а впоследствии познакомившиеся с обстоятельствами дела и некоторыми декабристами, также не исключали успеха, хотя и не считали, что он был обеспечен. По-видимому, Н. П. Огарев весьма точно оценивал шансы тайного общества, когда писал, что оно «могло рассчитывать только на вероятный, но не на верный успех»²⁷. А. И. Герцен полагал, что «попытка 14 декабря вовсе не была так безумна, как ее представляют... Им,— писал он о декабристах,— не удалось, вот все, что можно сказать, но успех не был безусловно невозможен»²⁸. А изучение различных данных, проясняющих подготовку выступления и его ход, приводило его даже к заключению, что «революция была близка к успешному осуществлению...»²⁹.

Как же сложилась та интерпретация событий, которая не дала никаких шансов только что происшедшему восстанию? Произведенный анализ позволяет судить, что она появилась именно вследствие пережитого правительством потрясения, реальной угрозы, возникшей для него. 14 декабря вступивший на престол Николай I чувствовал себя растерянным, был готов к бегству. Его и впоследствии не покидала мысль о возможной победе восставших, он даже удивлялся, что все кончилось для него благополучно³⁰.

Шаткость режима усугублялась тем, что недовольство им шло не только снизу — оно затронуло и

* * *

²⁶ Цит. по: *Невелев Г. А.* 14 декабря 1825 года (официальные версии и Западная Европа).— Вопросы истории, 1975, № 12, с. 96, 98.

²⁷ *Огарев Н. П.* Избранные социально-политические и философские произведения, т. 1. М., 1952, с. 234.

²⁸ *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30-ти томах, т. XIII. М., 1958, с. 43—44.

²⁹ Там же, т. VI. М., 1955, с. 216.

³⁰ См.: *Нечкина М. В.* Движение декабристов, т. I, с. 7; т. II. М., 1955, с. 299.

самые верхи общества. В своей деятельности, в том числе и при вооруженном выступлении, члены тайного общества учитывали это. По словам С. П. Трубецкого, они «уверены были в содействии некоторых из высших сановников государства, которые, опасаясь действовать ясно, когда еще общество не оказало своей силы, являли себя готовыми пристать, как скоро увидели бы, что достаточная военная сила может поддержать их»³¹.

Сразу же после военного переворота декабристы предполагали создать временное революционное правительство, в которое вместе с их собственными представителями вошли бы также некоторые государственные и военные деятели России, известные своим критическим отношением к существовавшим в стране порядкам, крепостническим и абсолютистским. Декабристы рассчитывали на участие в правительстве М. М. Сперанского, адмирала Н. С. Мордвинова, генералов А. П. Ермолова, П. Д. Киселева и др., и эти расчеты имели определенные основания. Все эти лица обладали обширными знакомствами в декабристской среде, знали о существовании их организаций и сочувствовали их намерениям. Предпочитая до поры до времени оставаться доброжелательными, но сторонними наблюдателями, объективно они нередко оказывали декабризму содействие. В литературе о декабристах обращается внимание на «поведение Киселева, в течение ряда лет «не желавшего» замечать тайной организации во 2-й армии, усиленное покровительство со стороны Мордвинова и Ермолова членам тайных обществ, негласное информирование Сперанским декабристов о важных для них событиях накануне 14 декабря...»³².

Социальный кризис, опасный для режима и распространившийся даже на верхи общества, создал в стране особую ситуацию. М. В. Нечкина считает возможным характеризовать положение, сложившееся накануне восстания декабристов, как «первую, не

* * *

³¹ Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности, т. I. Иркутск, 1983, с. 244.

³² Семенова А. В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982, с. 179.

вполне созревшую, но уже возникшую революционную ситуацию»³³. Эта революционная ситуация наряду с двумя другими, существовавшими в России в конце 50-х — начале 60-х и в конце 70-х — начале 80-х годов, относится к таким, которые в революцию не перешли.

Вооруженные выступления — это кульминация декабризма, составившего целый этап в истории русского освободительного движения. В течение примерно десяти лет функционировали декабристские организации, призванные подготовить и осуществить революционные действия. Составлялись конституционные проекты (конституция Н. М. Муравьева, «Русская Правда» П. И. Пестеля), которые после смены власти позволили бы произвести быстрые перемены в сфере государственного, политического и общественного устройства. В своей деятельности декабристы руководствовались совершенно определенными мировоззренческими установками. Им были свойственны собственные философские и социально-политические взгляды.

В основе любого мировоззрения, известного истории общественной мысли, всегда находятся политические идеи, правосознание; философия же и религия, имеющие более общий характер, по словам Ф. Энгельса, парят в воздухе выше других идейных образований³⁴. Поэтому политические и правовые взгляды всегда существенно сказываются на философских и религиозных (испытывая в свою очередь их обратное воздействие). Философские и религиозные идеи приобретают при этом нормативно-оценочный характер; они не безразличны к тем или иным явлениям социальной действительности — поддерживают и одобряют их или отвергают, осуждают.

По своей социально-политической ориентации философия декабризма представляет собой систему, которую можно рассматривать как одну из разновидностей философии, буржуазной в своем существе. Основной же вопрос всякой философии решался неод-

* * *

³³ Нечкина М. В. О нас в истории страницы напишут..., с. 309.

³⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 419.

нозначно, в философии декабризма существовали и материалистическое и религиозно-идеалистическое направления.

Н. П. Павлов-Сильванский, проводивший параллели между декабристами и предшественниками Великой французской революции, считал, что для декабризма, как и для французского Просвещения, характерны не мечтательные поклонники небесной метафизики, а материалисты. Он писал о том, что декабристы «не удалялись от жизни в монашескую келью философии и уроками философов пользовались для своих политических целей. Источником их воодушевления была борьба с действительностью, и в этой борьбе отрицание церкви и религии у них тесно соединялось с отрицанием старого политического строя». В то время как во Франции в канун 1789 г. монархия опиралась на католичество, в России самодержавие опиралось на православие. Поэтому «боевое отрицание» декабризма «направлено было одновременно против церкви и против самодержавия и рабства»³⁵.

Видными представителями атеистического направления в декабризме были В. Ф. Раевский, И. Д. Якушкин, А. П. Барятинский, Н. А. Крюков, П. И. Борисов. В их сочинениях атеизм освобождался от неизбежных для XVIII в. камуфляжа и уступок религии (нередко уже и тогда формальных), давалась вполне откровенная и достаточно последовательная ее критика.

Атеистические идеи, изложенные некоторыми идеологами декабризма, имели прочную социально-психологическую основу: стихийно-материалистические и атеистические убеждения в декабризме были распространены широко. А. Н. Муравьев за отход от движения и проявленные симпатии к религии осуждался другими участниками тайного общества и, по его мнению, много «потерпел в публике, ибо выставлен был как ханжа, святоша, лицемер и религиозный фанатик»³⁶. Н. С. Бобринцев-Пушкин, принимавший социальную платформу декабристов, но склонный в то

* * *

³⁵ См.: Павлов-Сильванский Н. П. Соч., т. II, с. 240.

³⁶ Восстание декабристов. Материалы, т. III. М.—Л., 1927, с. 24.

же время к религии, испытывал колебания при вступлении в их организацию, так как отдавал себе отчет в том, что *«большая часть из членов безбожники»*³⁷. Атеистические настроения сохранились и после того, как движение декабристов потерпело поражение и многие его участники оказались на каторге. И здесь, по словам А. П. Беляева, *«много было неверующих, отвергавших всякую религию...»*³⁸.

Атеистические высказывания и выступления некоторых идеологов декабризма, публикуемые в настоящем издании, опирались, таким образом, на настроения и убеждения, получившие значительное распространение в освободительном движении и в тех кругах русского общества, которые ему сочувствовали.

Атеистическое наследие декабристов сохранилось далеко не в полном объеме. После 14 декабря 1825 г. некоторые произведения, содержавшие критику религии, погибли от рук их же создателей, а также были уничтожены родственниками и друзьями декабристов, чтобы не увеличивать тяжесть выдвинутых против них обвинений. Многие по тем же причинам погибли в годы каторги и ссылки. Кроме того, Николай I, когда закончилось следствие и был вынесен приговор, распорядился, чтобы из дел декабристов изъяли и сожгли все стихотворные тексты как наиболее запоминающиеся. Но и те материалы, которые сохранились, дают представление об атеизме декабристов.

Атеистические взгляды Радищева и декабристов послужили той основой, на которой происходило дальнейшее развитие атеизма в русском освободительном движении — в революционной демократии 40—60-х годов и революционном народничестве, предшественниках русской социал-демократии.

Конечно, не все декабристы являлись атеистами; среди них было немало и верующих. Поскольку в России в начале XIX столетия все еще сохранялись феодально-крепостнические порядки, многие представители политической оппозиции, в том числе и революционной, по-прежнему, как и в средние века, обле-

* * *

³⁷ Восстание декабристов. Документы, т. XII. М., 1969, с. 400.

³⁸ Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. 1805—1850. СПб., 1882, с. 227.

кали свои мировоззренческие принципы в религиозные одежды.

Одни декабристы считали, что религия имеет этическую значимость и может быть полезна для улучшения морали. Другие предполагали, что религию можно использовать в тактических целях и, опираясь на некоторые библейские изречения, доказать несостоятельность режима, основанного на несправедливости и угнетении.

Религиозные взгляды декабристов существенно отличались от ортодоксально-православных: сочетать политическое инакомыслие с официальным православием, находившимся на службе у феодализма, ставшего к тому же крайне архаичным, было невозможно. Верующие декабристы проявляли поэтому религиозное свободомыслие. В произведениях К. Ф. Рылеева, М. С. Лунина, М. А. Фонвизина, М. А. Бестужева и др., склонных к религии, содержатся высказывания, направленные против церкви и некоторых аспектов религиозной идеологии.

В 50-х годах к И. Д. Якушкину, находившемуся в ссылке в Тобольской губернии, приезжал его сын Е. И. Якушкин. Там он познакомился со многими сосланными декабристами, в том числе и верующими. Характер их верований поразил его. Он и его отец в шутку называли этих декабристов «тобольскими раскольниками», так как хотя они и «выдают себя за православных,— писал Е. И. Якушкин,— но, собственно говоря, православного в них ничего нет, потому что, какие ни стараются они делать натяжки, чтобы примирить свои убеждения с православием, этого сделать им все-таки не удается...»³⁹.

Это религиозное течение в декабризме являлось инакомыслием по отношению к православию.

Два мировоззренческих направления, существовавшие в декабризме, находились в противоборстве.

Вступивший в Южное общество Н. С. Бобрищев-Пушкин вскоре убедился, что, по мнению его товарищей, религия упала «совершенно и навеки», является вредной и ничтожной. Склонность к ней иронически рассматривалась как род помешательства, а

* * *

³⁹ Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных, с. 39.

религиозный Н. С. Бобрищев-Пушкин получил прозвища «начальник секты» и «новый Магомет»⁴⁰.

Осенью 1825 г. между Обществом соединенных славян и Южным обществом велись переговоры, закончившиеся их слиянием. В ходе дебатов был поднят и религиозный вопрос. Видный деятель Южного общества С. И. Муравьев-Апостол считал, что некоторые места Библии, в которых, по его мнению, и выражена сущность христианства, помогут вести революционную агитацию среди солдат, поднять их на борьбу с феодальными порядками. Его предложение использовать религию в революционной деятельности встретило, однако, противодействие. При этом были высказаны соображения, что духовенство не пользуется уважением в народе, что народ не настолько религиозен, чтобы стоило обращаться к нему с религиозной проповедью, и что если некоторые тексты Библии и могут быть истолкованы как порицающие существующий режим, то другие способны послужить его оправданию. Предложение С. И. Муравьева-Апостола принято не было.

Споры по религиозному вопросу не прекращались даже в тюрьме, на каторге и в ссылке.

В каторжных тюрьмах — в Чите и впоследствии в Петровском заводе — образовались два кружка противоположной мировоззренческой ориентации. В одном объединились сторонники религии, в другом — атеизма. Между участниками различных кружков велись постоянные споры по проблемам атеизма и религии. «Конечно,— сообщает А. П. Беляев,— начало этих прений имело поводом насмешечки над верою, над соблюдением праздников, таинств, постов, над церковною обрядностью и т. д.»⁴¹

Теоретические дебаты, несмотря на всю их принципиальность и остроту, никогда не сопровождались идейными разрывами. По словам участника этих диспутов И. Д. Якушкина, «бывали часто жаркие прения, но без ожесточения противников друг против друга»⁴². Споры о религии не выдвигались на первый

* * *

⁴⁰ Восстание декабристов. Документы, т. XII, с. 365—369.

⁴¹ Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. 1805—1850, с. 227.

⁴² Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951, с. 112.

план и не подменяли собой других, более важных — политических вопросов.

Принцип свободы совести, привнесенный в мировую философию новым общественным укладом, в этих условиях был совершенно необходим, и в декабризме он соблюдался.

В настоящее издание включены атеистические тексты А. Н. Радищева и декабристов — первых русских революционеров. Атеистические высказывания их можно найти в произведениях, вышедших в свет при жизни или оставшихся в рукописях, а также в следственных делах о тайных обществах. Несмотря на то что наследие А. Н. Радищева и декабристов опубликовано, а знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву» издавалось в Советском Союзе неоднократно, атеистические фрагменты из этих публикаций никогда еще не были собраны и представлены читателю как нечто целое. Такая работа проделана впервые.

А. Сухов

А. Н. Радищев

А. Н. Радищев

Александр Николаевич Радищев (1749—1802) — русский революционер, философ, писатель. Родился в богатой дворянской семье. Воспитывался в Пажеском корпусе. Образование получил в Лейпцигском университете (1766—1771). С 1777 г. служил в Коммерц-коллегии. С 70-х годов начинается его литературно-переводческая деятельность. Он создает ряд прозаических и стихотворных произведений («Житие Ф. В. Ушакова», оду «Вольность» и др.), в которых излагает революционную трактовку теории естественного права, критикует деспотизм с точки зрения концепции общественного договора, высказывает антиклерикальные идеи.

В 1790 г. за публикацию антикрепостнического и антисамодержавного «Путешествия из Петербурга в Москву», в котором антиклерикализм усиливается постулатом свободы совести, А. Н. Радищев был арестован (30 июня), отдан под суд и 24 июля приговорен палатой Уголовного суда к смертной казни. Однако Екатерина II заменила ему смертную казнь десятилетней ссылкой в Илимск.

В Сибири А. Н. Радищев продолжает литературную деятельность. Здесь он пишет работы по истории, экономике и этнографии Сибири, а также создает философский трактат «О человеке, его смертности и бессмертии» (1792—1796).

После смерти Екатерины II и восшествия на престол Павла I (1796) А. Н. Радищеву разрешено вернуться из Сибири с правом проживания в своем подмосковном имении. В 1801 г. Александр I амнистирует Радищева и привлекает его к работе в комиссии по составлению Свода законов Российской Империи. Однако антикрепостнические и конституционные идеи, развитые А. Н. Радищевым в работе «О законоположении» и «Проекте гражданского уложения», были враждебно встречены придворными кругами, а председатель комиссии министр народного образования граф П. В. Завадовский, называвший его «господин демократ», даже намекнул на возможность новой ссылки в Сибирь. Будучи в подавленном состоянии духа, А. Н. Радищев 11(23) сентября 1802 г. принял яд и на следующий день умер.

Житие Федора Васильевича Ушакова, с приобщением некоторых его сочинений

Фрагменты

.

Первые годы жизни Федора Васильевича¹ мало мне известны; и хотя бы охотно и с удовольствием их я начертал, находя в первейших детских и отроческих деяниях начальное образование души его, находя в пятилетнем Ушакове семена твердости, душу его возвышавшей в возмужалых летах: но лучше признаюсь в неведении моем, нежели поставлю что-либо гадательное вместо истины, и единственного да не отыму побуждения ко чтению сего повествования во истине.

Но не гадательным предположением назвать можно, если скажу, что воспитанием своим в Сухопутном кадетском корпусе² положил он основательное образование прекрасная своя душа. Ибо в душе своей более предугадать мог, нежели в разуме, скончав жизнь свою тогда, когда юношескою крепостию мозга представления, воображения и мысли, проницая друг друга, первые полагают украшения верховного нашего члена главы; когда разум, хотя собрав посредством чувств много понятий, не имел еще довольного времени устроить их в порядок, дабы и последнее возбуждало первое, преходя все между стоящее.

Успехи Федора Васильевича в науках побудили тогда тайного советника Теплова³ взять его к себе в должность секретаря, с чином титулярного советника⁴. По издании Рижского торгового устава, при составлении которого он много трудился, получил он чин коллежского асессора⁵. Люди, ослепляющиеся внешностью и чтущие в человеке чин, а не человека, завидуя ему и преуказуя его возвышение, обучались уже его почитать заранее: но сколь не равных с ними он сам о себе был мыслей, доказал то самым делом.

Императрица Екатерина, между многими учреждениями на пользу государства, восхотела, чтобы между людьми, в делах судебных, или судопроизводных обращающимися, было некоторое число судей, имею-

щих понятие, каким образом отличившиеся законоположением своим народы оное сообразовали с деяниями граждан на суде. На сей конец определила послать в Лейпцигский университет двенадцать юношей⁶ для обучения юриспруденции и другим к оной относящимся наукам. Будучи извещен о сем благом намерении императрицы, Федор Васильевич прибегнул просьбою к начальнику своему, да участвует в приобретении знаний, сотовариществуя юношам, избранным для отправления в Лейпцигский университет.

Узнав о его предприятии, многие из его друзей увещевали его, да останется при своем месте и да не предпочтет неверную стезю к почестям, ученость, покровительству своего начальника и да не подроеет тем основания своего возвышения. В делах житейских, говорили они ему, все зависит от расчета и уловки. Кто в них следует единому рассудку и добродетели, тот не брежет о себе. Благоразумие, а иногда один расторопный поступок далее возводят стяжающего почестей, нежели все добродетели и дарования совокупно. Положим, что государь истинное достоинство только награждает и пристрастен не бывает николи; но если бы возможно было ему хотя одному быть беспристрастному в своем государстве, все другие начальствующие в его образе таковы не будут; ибо если он возможет чужд быть родству, приязни, дружбе, любви, хотя потому, что равного себе не имеет, то кого найдешь ему подобного. Сверх же того, он малого токмо числа отечеству или ему служащих сам по себе знает истинные заслуги, о всех других судит по слуху, награждает того, кого назначают вельможи, казнит нередко того, кто им не нравится. Из нескольких миллионов ему подвластных едва единое сто служат ему; все другие (источая кровавые слезы, признаться в том должно), все другие служат вельможам. Доказательства для сего не нужны. Скажу только одно: посмотри на поступающих в чины; кто чин, или место, или награждение какого бы рода ни было получит, обязанным себя, да и справедливо, почитает благодарить за то вельможей. Одного благодарит за то, что его рекомендовал государю, другого за то, что не был ему противен, третьего, чтобы вперед не говорил о нем худо. Государь нередко бывает в сем случае не что

иное, как корабль, направляемый тем ветром, который других превозмогает. Итак, оставь пустую мысль и тщетное намерение быть известным государю в низком состоянии, следуй начатому пути и предупеешь.

Положим, что ты пребыванием своим в училище приобретешь знания превосходнейшие, что достоин будешь управлять не токмо важным отделением, но достоин будешь венца; неужели думаешь, что тебя государь поставит на первую по себе степень? Тщетная мечта юного воображения! По возвращении твоём имя твоё будет забыто. Вместо того, что ты известен ныне чрез твоего начальника, о тебе тогда и не вспомнят, ибо не удостоит тебя государь, может быть, воззрения, отвлеченный от того или правления заботою, или надменностию сана своего, или завистию вельможей, которые, осаждая непрестанно престол царский, претят проникнуть до него достоинству. А если истекает на него награждение, то уделяют его всегда в виде милости, а не должным за заслуги воздаянием. Ты поместись в число таких людей, кои не токмо не равны будут тебе в познаниях, но и душевными качествами иногда ниже скотов почестья могут; гнушаться их будешь, но ежедневно с ними обращаться должен. Окрест себя узришь нередко согбенные разумы и души и самую мерзость. Возненавиден будешь ими; поженут тебя, да оставишь ристание им свободно. А если тогда начальник твой будет таковых же качеств, как и раболепствующие ему, берегись, гибель твоя неизбежна.

Таковыми ужасными представлениями друзья Федора Васильевича старались отворотить его от его предприятия. Начальник его, хотя другими доводами, то же имел намерение: но все старания их были тщетны. Полагаясь твердо на правосудие своего государя и алкая науки, Федор Васильевич пребыл неколебим в своем намерении и учения ради сложил с себя мужественный возраст, что степень почестей ему уже дано в обществе, стал неопытный юноша, или паче дитя, преклоняясь в управление наставнику, управляв уже собою несколько лет в разных жизни обращениях.

.

Как со времени начатия нашего путешествия повествование о Федоре Васильевиче сопряжено

с повествованием об общем нашем пребывании в Лейпциге, то не удивляйся, мой друг, если оно коснется вообще положения, в котором мы находились, и если найдешь здесь некоторые черты расположения твоих мыслей в тогдашнее время, ибо забыть того нельзя, koliko единомыслие между нами царствовало.

В продолжение нашего пути Федор Васильевич навлек на себя ненависть путеводителя нашего⁷, и самое то качество, которое ему приобрело нашу приверженность, самое то было причиною, что Бокум его возненавидел. Твердость мыслей и вольное оных изречение были в нем противны, и с первого раза, когда они в нем явны стали, начал путеводитель наш помышлять, как бы погубить его. Но удивиться не должно, что противоречие в подчиненном, справедливое хотя противоречие, или, лучше сказать, единое напоминовение справедливости, произвело здесь со стороны сильного негодование и прещение. Сие в самодержавных правлениях почти повсеместно. Пример самовластия государя, не имеющего закона на последование, ниже в расположениях своих других правил, кроме своей воли или прихотей, побуждает каждого начальника мыслить, что, пользуясь уделом власти беспредельной, он такой же властитель частно, как тот в общем. И сие столь справедливо, что нередко правилом приемлется, что противоречие власти начальника * есть оскорбление верховной власти. Мысль несчастная, тысячи любящих отечество граждан заключающая в темницу и предающая их смерти, теснящая дух и разум и на месте величия водворяющая робость, рабство и замешательство под личиною устройства и покоя! Да сие иначе и быть не может

* * *

* С вероятностно корень сего правила о непрекословном повиновении найти можем в воинских законоположениях и в смешении гражданских чиновников с военными. Большая часть у нас начальников в гражданском звании начали обращение свое в службе отечеству с военного состояния и, привыкнув давать подчиненным свои приказы, на которые возражения не терпит воинское повиновение, вступают в гражданскую службу с приобретенными в военной мысли. Им кажется везде строй; кричит в суде «на караул» и определение нередко подписывает палкою. (Здесь и в дальнейшем знаком * отмечены пояснения автора.)

по сродному человеку стремлению к самовластию, и Гельвецеиево о сем мнение⁸ ежечасно подтверждается.

.

Между людьми, получившими воспитание разного рода, понятия о священных вещах должныствовали быть и были разные. Если бы возможно было определить, какое каждый из нас имел тогда понятие о боге и о должном ему почитании, то бы описание сие показалось взятым из какого-либо путешествия, в коем описывается исповедание веры неизвестных народов. Иной почитал бога не иначе, как палача, орудием кары вооруженного, и боялся думать о нем, столь застрашен был силою его прещения. Другому казался он вскруженным толпою младенцев, азбучный учитель, которого дразнить ни во что вменяется, ибо уловкою какую-нибудь можно избегнуть его розги и скоро с ним опять поладить. Иной думал, что не токмо дразнить его можно, но делать все ему насмех и вопреки его велениям. Все мы, однакоже, воспитаны были в греческом исповедании, и для сохранения нас в православии отправлен с нами был монах, которому в должность предписано было наставлять нас в христианском законе, отправлять для нас службу церковную и быть нашим духовником.

Отец Павел⁹ был в своем роде человек полученый, знал по-латыне, по-гречески и несколько по-еврейски. В семинарии прошел все нижние и вышние философские и богословские классы и был учителем риторики. Но если ему известны были правила красноречия, древними авторами преподанного, если знал он, что есть метафора, антитезис и прочие риторические фигуры, то никто столь мало не был красноречив, как наш отец Павел. Добродушие было первое в нем качество, другими же он не отличался и более способствовал к возродившемуся в нас в то время непочтению к свяственным вещам, нежели удобен был дать наставление в священном законе. Судить можно из следующего.

Исправление наше (ибо при первом нашем свидании он почел нас богоотступниками, хотя ручаться можно, что ни один из нас в то время ниже

повести не читывал о афеистах), исправление наше начал он тем, что заставил нас при утренних и вечерних на молитве собраниях петь. Если вспомнишь, мой друг, сколь нестройный, несогласный и шумный у нас был всегда концерт, то и теперь еще улыбнешься. Иной тянул очень низко, иной высоко, иной тонко, иной звонко, иной чресчур кудряво, и наконец устроенное на приучение ко благоговению превратилось постепенно в шутку и посмеялище.

Отец Павел, если припомнишь, гораздо был смешлив, и если случалось ему во время богослужения видеть что-либо смешное, то, забыв важность своего действия, начинал смеяться, как то случилось ему в Лейпциге, увидев одного из нас, а именно к[нязя] Т[рубецкого], поющего на крылосе¹⁰, искривив лице для высокого напева. Для сей-то причины он отправлял богослужение, большею частию зажмурившись.

В Риге на молитве случилось весьма смешное происшествие. Отец Павел, опасаясь увидеть что-либо пред глазами, могущее подвигнуть его на смех, зажмурился, начиная пение. Сим М[ихаил] У[шаков], человек шутливый и проказливый, захотел воспользоваться, дабы рассмешить нашего отца Павла.

Икона, пред коей совершался наш молитвенный напев, стояла вверху довольно просторного стола, на котором раскладены лежали наши шапки, шляпы, муфты, перчатки. Пред столом стоял отец Павел, зажмурившись. М. У[шаков], взяв легонько одну из перчаток, на столе лежавших, и согнув персты ее образом смешного кукиша, положил оную возвышенно прямо пред поющего нашего духовника. При делании поясных поклонов растворил зажмурившийся глаза свои, и первое представилась ему сложенная перчатка. Не мог он воздержаться, захохотал громко, и мы все за ним.

Отец Павел, не привыкнув еще к нашим проказам, обретал в них более, нежели простые и юношеские шутки. Оборотясь, наименовал он нас богоотступниками, непотребными и другими в приложении юности смешными названиями; сделавшего же вину смеха называл, неграмматикально может быть, мошенником, да и того хуже. При первых уже

словах М. У[шаков], будучи весьма вспыльчив, восколебался и столь же смешным деянием, как сей неприличными словами, представили нам позорище, какого ни на каком феатре за рубль купить не можно. М. У[шаков], схватив висящую на стене шпагу и привесив ее к бедре своей, бодро приступил к чернецу; показывая ему эфес с темляком, говорил ему, немного заикаясь от природы: «Забыл разве, батюшка, что я кирасирский офицер». В таком вкусе было продолжение сего действия, которое для нас кончилось смехом, для М. У[шакова] мнимою победою, а для отца Павла отытием с негодованием в свою комнату.

Сие и подобные сему происшествия умалили в нас почтение к духовной над нами власти так, как шутки над нашим гофмейстером некоторого проезжавшего российского гвардии офицера, о чем я скажу после, возбудили к нему в нас совершенное пренебрежение.

Еще о красноречии отца Павла: следуя, не ведаю, данному предписанию или по собственному своему побуждению, он каждое воскресенье по совершении литургии становился пред царскими дверьми за налоем и преподавал нам толкование о чтенном того дня евангелии. Вследствие сего обряда в некакой праздник, во благовещение, если хорошо помню, он объяснить нам старался, что в священном писании разумеется под ангелом Божиим. «Ангел есть слуга господень, которого он посылал для посылок; он то же, что у государя курьер, как то г. Гуляев». Тогда был в Лейпциге приехавший из Петербурга с некоторыми приказаниями курьер кабинета и был с нами присутствен на литургии. При изречении сего забыли мы должное к церкви благоговение, забыли ангела, видели действительного курьера и все захохотали громко. Отец Павел засмеялся за нами вслед, зажмурил глаза, потом заплакал и сказал: аминь.

.

Признаться надлежит, что Ф...¹¹ присутствием своим в Лейпциге и обхождением с нами возбудил как в Федоре Васильевиче, так и во всех нас великое желание к чтению, дав нам случай узнать книгу

Гельвециеву *О разуме*. Ф... толикое пристрастие имел к сему сочинению, что почитал его выше всех других, да других, может быть, и не знал. По его совету Федор Васильевич и мы за ним читали сию книгу, читали со вниманием и в оной мыслить научались. Лестна всякому сочинителю похвала иногда и невежды, но Гельвеций, конечно, равнодушно не принял, узнав, что целое общество юношей в его сочинении мыслить * училось. В сем отношении сочинение его немалую может всегда приносить пользу.

.

Между разными науками, коих основания алчная Федора Васильевича душа пожрать, так сказать, хотела вдруг, отменно прилепился он к математике. Сходствуя с расположением его разума, точность сей науки услаждала его рассудок. С какою жадностью он проходил все части сей, в началах своих столь отвратительныя, так сказать, науки, но столь общепользующей в ее употреблении! Свойственно душе Федора Васильевича было мыслить, что огромнейшие в мире тела, наиотдаленнейшие от нашего обиталища, коих единое наше зрение, сие наивластительнейшее и великолепнейшее из чувств наших, может постигать при вспоможениях, человеком изобретенных, что сия малейшие точки во зрении, необъятные в действительности громады, повинуются в течении своем исчислению. И как не возгордиться человеку во бренности своей, подчиняя власти своей звук, свет, гром, молнию, лучи солнечные, двигая тяжести необъятные, досягая дальнейших пределов вселенныя, постигая и предузнавая будущее. Таковые размышления побудили некогда сказать Архимеда: если бы возможно было иметь вне земли опору неподвижную, то бы он землю превратил в ее течении. Дай мне вещество и движение, и мир созижду, вещал Декарт¹³. Таковые размышления составили все системы о мире, все правдоподобия о нем и все нелепости.

* * *
* Г. Грим¹² в бытность свою в Лейпциге, извещен будучи, с каким прилежанием мы читали Гельвециеву книгу *О разуме*, по возвращении своем в Париж сказывал о сем Гельвецию.

.

Вращаясь всечасно между разными предметами разумения человеческого, невозможно было, чтобы в учении разум Федора Васильевича пребыл всегда, так сказать, страдательным, упражняясь только в исследовании мнений чуждых. Но в сем-то и состоит различие обыкновенных умов от изящных. Одни приемлют все, что до них доходит, и трудятся над чуждым изданием, другие, укрепив природные силы своя учением, устраняются от проложенных стезей и вдаются в неизвестные и непроложенные. Деятельность есть знаменующая их отличность, и в них-то сродное человеку беспокойствие становится явно — беспокойствие, произведшее все, что есть изящное, и все уродливое, касающееся обоюдно до пределов даже невозможного и непонятого, возродившее вольность и рабство, веселие и муку, не щадящее ни дружбы, ни любви, терпящее хладнокровно скорбь и кончину, покорившее стихии, родившее мечтание и истину...

Последнее время жития своего, среди терзания болезни и грусти, от нее рождающейся, Федор Васильевич не забыл учения, и разве истощение сил отвлекало его от упражнения в науке. Наконец, наступило время, когда почувствовал он совершенное сил своих изнеможение. За неделю еще пред кончиною своею ходил он с нами на гулянье и наслаждался еще беседою любящих его, но силы его, ослабев, принудили лечь в постелю. Надежда, сие утешительное чувство в человеке, не покидала его; но за три дни до кончины своя почувствовал он во внутренности своей болезнь несказанную, конечное разрушение тела его предвещающую. Не хотел он пребыть в неведении; призвав своего врача, на искусство коего он справедливо во всем полагался, просил его прилежно, да объявит ему истину, есть ли еще возможность дать ему облегчение, и да не льстит ему напрасною надеждою исцеления, буде само естество положило уже тому преграду. «Не мни,— вещал зрящий кончину своего шествия томным хотя гласом, но мужественно,— не мни, что, возвещая мне смерть, востревожишь меня безвременно или дух мой приведешь в трепет. Умереть нам должно; днем ранее или днем позже, какая соразмерность с вечностию!»

Долго человеколюбивый врач колебался в мыслях своих, откроет ли ему грозную тайну, ведая, что утешение страждущего есть надежда и что она не покидает человека до последнего издыхания. Но, видя упорное желание в больном ведать истину о своей болезни и понимая его нетрепетность, возвестил ему, что силы его не более одних суток противиться возмогут свирепости болезни, что завтра он жизни не будет уже причастен.

Случается, и много имеем примеров в повествованиях, что человек, коему возвещают, что умереть ему должно, с презрением и нетрепетно взирает на шествующую к нему смерть во сретение. Много видали и видим людей, отъемлющих самих у себя жизнь мужественно. И поистине нужна неробость и крепость душевных сил, дабы взирати твердым оком на разрушение свое. Но страсть, действовавшая в умирающем без болезни, пред кончиною его живет в нем до последняя минуты и крепит дух. Нередко таковой зрит и за предел гроба и чает возродиться. Когда же в человеке истощением сил телесных истощаются и душевные, сколь трудно укрепить дух противу страха кончины, а тем паче тому, кто, нисходя во гроб, за оным ничего не видит. Сравни умирающего на лобном месте или отъемлющего у себя жизнь насильственно с умирающим нетрепетно по долговременной болезни на одре своем и скажи, кто мужественнее был, испуская дух бодрственно?

.

Предвещание врача начало совершаться. Доселе нечувствительным покатом состав жизни спускался ко смерти, но вдруг она повлекла его всесильною рукою. За несколько часов пред кончиною Федор Васильевич почувствовал во внутренности своей болезнь несносную, возвещающую ему отшествие жизни. Доселе уста его не испускали жалобного стона, но, скорбь одолев сопротивлением, страждущий вскричал содрогающимся гласом. Знаки антонова огня, внутренность его объявшего, начинали казаться на поверхности тела; в окрестностях желудка видны были черные пятна. Терзаемый паче всякого истяза-

ния, суеверием или мучительством на казнь невинности изобретаемого, прибегнул Федор Васильевич к тебе, мой друг, да скончаешь его болезнь, болезнь, а не жизни скончати называю, ибо врата кончины ему уже были отверсты. Тебя, мой друг, просил он, да будешь его при издыхании благодетель и дашь ему яду, да скоро пресечется его терзание. Ты сего не исполнил, и я был в приговоре, да не исполнится требование умирающего. Но почто толика в нас была робость? Или боялися мы почестья убийцами? Напрасно: не есть убийца, избавляя страждущего от конечного бедствия или скорби. Друг наш долженствовал умереть, и час врачом был ему назначен по нелживым признакам, то не все ли равно было для нас, что болящий скончает жизнь свою мгновенно или продлится она в нем на час еще един; но то не равно, что продолжится в терзании несносном. Мы потерять его были уже осуждены. Скажет некто, что врач мог ошибиться. Согласен; но болящий не ошибался в мучении своем и прав был, желая скончания оногo, а мы не правы, дав оному продолжиться.

Мой друг, ты укоснил дать помощь Федору Васильевичу, но не избавился вперед, может быть, от требования такого же рода. Если еще услышишь глас стнящего твоего друга, если гибель ему предстоять будет необходимая и воззову к тебе на спасение мое, не медли, о, любезнейший мой; ты жизнь несносную скончаешь и дашь отраду жизнию гнуша[ющ]емуся и ее возненавидевшему.

Наконец, естественным склонением к разрушению пресеклась жизнь Федора Васильевича¹⁴. Он был, и его не стало. Из миллионов единый исторгнутый неприметен в обращении миров. Хотя не можно о нем сказать во всем пространстве, как некогда Тацит говорил о Агриколе и Даламбер о Монтескью: «Конец жизни его для нас был скорбен, для отечества печален, чуждым и даже неизвестным не без прискорбия»¹⁵. Но то скажу справедливо, что всяк, кто знал Федора Васильевича, жалел о безвременной его кончине; тот кто провидит в темноту будущего и уразумеет, что бы он мог быть в обществе, тот чрез многие веки потужит о нем; друзья его о нем воспла-

кали; а ты, если можешь днесь внимать гласу стнящего, приинкни, о, возлюбленный, к душе моей, ты в ней увидишь себя живого.

Путешествие из Петербурга в Москву

Фрагменты

«Чудище обло, озорно, огромно,
стозевно и лайя». *Тилемахида*, том II,
кн. XVIII, стих. 514¹

А. М. К.²

Любезнейшему другу.

Что бы разум и сердце произвести ни захотели, тебе оно, о! сочувственник мой, посвящено да будет. Хотя мнения мои о многих вещах различествуют с твоими, но сердце твое бьет моему согласно — и ты мой друг.

Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала. Обратил взоры мои во внутренность мою — и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы. Ужели, вещал я сам себе, природа толико скупа была к своим чадам, что от блудящего невинно сокрыла истину навеки? Ужели сия грозная мачиха произвела нас для того, чтоб чувствовали мы бедствия, а блаженство николи? Разум мой вострепетал от сея мысли, и сердце мое далеко ее от себя оттолкнуло. Я человеку нашел утешителя в нем самом. «Отыми завесу с очей природного чувствования — и блажен буду». Сей глас природы раздавался громко в сложении моем. Воспрянул я от уныния моего, в которое повергли меня чувствительность и сострадание; я ощутил в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению; и — веселие неизреченное! — я почувствовал, что возможно всякому соучастником быть во благодействии себе подобных³.

.....

Подберезье

.....

Слово за слово я с новым моим знакомцом поладил. Узнал, что он был из Новгородской семинарии и шел пешком в Петербург повидаться с дядею, который был секретарем в губернском штате. Но главное его намерение было, чтоб сыскать случай для приобретения науки.— Сколь великий недостаток еще у нас в пособиях просвещения,— говорил он мне.— Одно сведение латинского языка не может удовлетворить разума, алчущего науки. *Виргилия, Горация, Тита Ливия, даже Тацита почти знаю наизусть, но когда сравню знания семинаристов с тем, что я имел случай по счастью моему узнать, то почитаю училище наше принадлежащим к прошедшим столетиям. Классические авторы нам все известны, но мы лучше знаем критические объяснения текстов, нежели то, что их до днесь делает приятными, что вечность для них уготовало. Нас учат философии, проходим мы логику, метафизику, ифику, богословие, но, по словам Кутейкина⁴ в «Недоросле», дойдем до конца философского учения и возвратимся вспять. Чему дивиться: Аристотель и схоластика донныне царствуют в семинар[и]ях. Я, по счастью моему, знаком стал в доме одного из губернских членов в Новгороде, имел случай приобрести в оном малое знание во французском и немецком языках и пользовался книгами хозяина того дома. Какая разница в просвещении времен, когда один латинский язык был в училищах употребителен, с нынешним временем! Какое пособие к учению, когда науки не суть таинства, для сведущих латинский язык токмо отверстия, но преподаются на языке народном! — Но для чего,— прервав он свою речь, продолжал,— для чего не заведут у нас вышних училищ, в которых бы преподавались науки на языке общественном, на языке российском? Учение всем бы было внятнее; просвещение доходило бы до всех поспешнее, и одним поколением позже за одного латинщика нашлось бы двести человек просвещенных; по край-*

ней мере в каждом суде был бы хотя один член, понимающий, что есть юриспруденция, или законоучение.— Боже мой! — продолжал он с восклицанием,— если бы привести примеры из размышлений и разглагольствований судей наших о делах! Что бы сказали Гроций, Монтескью, Блекстон! — Ты читал Блекстона? — Читал первые две части, на российский язык переведенные⁵. Не худо бы было заставлять судей наших иметь сию книгу вместо святцов, заставлять их чаще в нее заглядывать, нежели в календарь. Как не потужить,— повторил он,— что у нас нет училищ, где бы науки преподавались на языке народном.

Вошедший почталион помешал продолжению нашей беседы. Я успел семинаристу сказать, что скоро желание его исполнится, что уже есть повеление о учреждении новых университетов⁶, где науки будут преподаваться по его желанию.— Пора, государь мой, пора...

Между тем как я платил почталиону прогонные деньги, семинарист вышел вон. Выходя, выронил небольшой пук бумаги. Я поднял упавшее и не отдал ему. Не обличи меня, любезный читатель, в моем воровстве; с таким условием я и тебе сообщу, что я подтибрил. Когда же прочтешь, то знаю, что кражи моей наружу не выведешь; ибо не тот один вор, кто крал, но и тот, кто принимал,— так писано в законе русском. Признаюсь, я на руку нечист; где что немного похожее на рассудительное увижу, то тотчас стяну; смотри, ты не клади мыслей плохо.— Читай, что мой семинарист говорит.

Кто мир нравственный уподобил колесу, тот, сказав великую истину, не иное что, может быть, сделал, как взглянул-на круглый образ земли и других великих в пространстве носящихся тел, изрек только то, что зрел. Поступая в познании естества, откроют, может быть, смертные тайную связь веществ духовных или нравственных с веществами телесными или естественными; что причина всех перемен, превращений, превратностей мира нравственного или духовного зависит, может быть, от кругообразного вида нашего обиталища и других к солнечной системе принадлежащих тел, равно, как и оно, кругообразных

и коловращающихся... На мартиниста⁷ похоже; на ученика Шведенборга ... Нет, мой друг! я пью и ем не для того только, чтоб быть живу, но для того, что в том нахожу немалое услаждение чувств. И покаюсь тебе, как отцу духовному, я лучше ночь просижу с пригоженькою девочкою и усну упоенный сладострастием в объятиях ее, нежели, зарывшись в еврейские или арабские буквы, в цыфири или египетские иероглифы, потщуся отделить дух мой от тела и рыскать в пространных полях бредоумствований, подобен древним и новым духовным витязям. Когда умру, будет время довольно на неосязательность, и душенька моя набродится досыта.

Оглянись назад, кажется, еще время то за плечами близко, в которое царствовало суеверие и весь его причет; невежество, рабство, инквизиция и многое кое-что. Давно ли то было, как Вольтер кричал против суеверия до безголосицы; давно ли Фридрих неутолимый его был враг не токмо словом своим и деяниями, но, что для него страшнее, державным своим примером. Но в мире сем все приходит на прежнюю степень, ибо все в разрушении свое имеет начало. Животное, прозябаемое, рождается, растет, дабы произвести себе подобных, потом умереть и уступить им свое место. Бродящие народы собираются во грады, основывают царства, мужают, славятся, слабеют, изнемогают, разрушаются. Места пребывания их не видно; даже имена их погибнут. Христианское общество вначале было смиренно, кротко, скрывалось в пустынях и вертепах, потом усилилось, вознесло главу, устранилось своего пути, вдалось суеверию; в исступлении шло стезею, народам обыкновенною; воздвигло начальника, расширило его власть, и папа стал всесильный из царей. Лутер начал преобразование, воздвиг раскол, изъялся из-под власти его и много имел последователей. Здание предубеждения о власти папской рушиться стало, стало исчезать и суеверие, истина нашла любителей, поправа огромный оплот предрассуждений, но недолго пребыла в сей стезе. Вольность мыслей вдалась необузданности. Не было ничего святого, на все посягали. Дошед до краев возможности, вольномыслие возвратится вспять. Сия перемена в образе мыслей

предстоит нашему времени. Не дошли еще до последнего края беспрепятственного вольномыслия, но многие уже начинают обращаться к суеверию. Разверни новейшие таинственные творения⁸, возмнишь быти во времена схоластики и словопрений, когда о речениях заботился разум человеческий, не мысля о том, был ли в речении смысл, когда задачею любомудрия почиталось и на решение исследователей истины отдавали вопрос, сколько на игольном острии может уместиться душ.

Если потомкам нашим предлежит заблуждение, если, оставя естественность, гоняться будут за мечтаниями, то весьма полезный бы был труд писателя, показавшего нам из прежних деяний шествие разума человеческого, когда, сотрясший мглу предубеждений, он начал преследовать истину до выпренности ее и когда, утомленный, так сказать, своим бодрствованием, растлевать начинал паки свои силы, томиться и ниспускаться в туманы предрассудков и суеверия. Труд сего писателя бесполезен не будет, ибо, обнажая шествие наших мыслей к истине и заблуждению, устранил хотя некоторых от пагубных стези и заградит полет невежества; блажен писатель, если творением своим мог просветить хотя единого, блажен, если в едином хотя сердце посеял добродетель.

Счастливыми назваться мы можем: ибо не будем свидетели крайнего посрамления разумных твари. Ближние наши потомки счастливее нас еще быть могут. Но парь, в грязи омерзения почившие, уже воздымаются и предопределяются объяти зрения круг. Блаженны, если не узрим нового Магомета⁹; час заблуждения еще отдалится. Внемли, когда в умствованиях, когда в суждениях о вещах нравственных и духовных начинается ферментация и восстает муж твердый и предприимчивый на истину или на прельщение,— тогда последует премена царств, тогда премена в исповеданиях.

На лестнице, по которой разум человеческий нисходит долженствует во тьму заблуждений, если покажем что-либо смешное и улыбкою соделаем добро, блаженны наречемся. Бродя из умствования в умствование, о возлюбленные, блюдитесь, да не вступите на путь следующих исследований.

Вещал Акиба: вошел по стезе равви Иошуа в сокровенное место, я познал тройственное. Познал 1-е: не на восток и не на запад, но на север и юг обратиться довлеет. Познал 2-е: не на ногах стоящему, но восседая надлежит испражняться. Познал 3-е: не десницею, но шуйцею отирать надлежит задняя. На сие возразил Бен Газас: дотоле обесстудил еси чело свое на учителя, да извергающего присматривал? Ответствовал он: сии суть таинства закона; и нужно было, да сотворю сотворенное и их познаю. Смотри Белев словарь ¹⁰, статью Акиба.

Бронницы

Между тем как в кибитке моей лошадей переменили, я захотел посетить высокую гору, близ Бронниц находящуюся, на которой, сказывают, в древние времена, до пришествия, думаю, славян, стоял храм, славившийся тогда издаваемыми в оном прорицаниями, для слышания коих многие северные владельцы прихаживали. На том месте, повествуют, где ныне стоит село Бронницы, стоял известный в северной древней истории город Холмоград ¹¹. Ныне же на месте славного древнего капища построена малая церковь.

Восходя на гору, я вообразил себя преселенного в древность и пришедшего, да познаю от державного божества грядущее и обрящу спокойствие моей нерешимости. Божественный ужас объемлет мои члены, грудь моя начинает воздыматься, взоры мои тупеют и свет в них меркнет. Мне слышится глас, грому подобный, вещая: «Безумный! почто желаешь познати тайну, которую я сокрыл от смертных непроницаемым покровом неизвестности? Почто, о, дерзновенный! познати жаждешь то, что единая мысль предвечная постигать может? Ведай, что неизвестность будущего соразмерна бренности твоего сложения. Ведай, что предузнанное блаженство теряет свою сладость долговременным ожиданием, что прелестность настоящего веселия, нашед утомленные силы, немощна произвести в душе столь приятного дрожания, какое веселие получает от нечаянности. Ведай, что предузнанная гибель отнимает безвременно спокойствие, отравляет утеху, ими же наслаждался бы, если бы скончание их не

предузнал. Чего ищешь, чадо безрассудное? Премудрость моя все нужное насадила в разуме твоём и сердце. Вопросы их во дни печали и обрящешь утешителей. Вопросы их во дни радости и найдешь обуздателей наглого счастья. Возвратись в дом свой, возвратись к семье своей; успокой востревоженные мысли, вниди во внутренность свою, там обрящешь мое божество, там услышишь мое вещание». — И треск сильного удара, гремящего во власти Перуна¹², раздался в долинах далеко. Я опомнился. Достиг вершины горы и, узрев церковь, возвел я руки на небо. Господи, — возопил я, — се храм твой, се храм, вещают, истинного, единого бога. На месте сем, на месте твоего ныне пребывания, повествуют, стоял храм заблуждения. Но не могу поверить, о всемогущий! чтобы человек мольбу сердца своего воссылал ко другому какому-либо существу, а не к тебе. Мощная десница твоя, невидимо всюду простертая, и самого отрицателя всемогущия воли твоя нудит признавати природы строителя и содержателя. Если смертный в заблуждении своем странными, непристойными и зверскими нарицает тебя именованиями, почитание его, однакоже, стремится к тебе, предвечному, и он трепещет пред твоим могуществом. Егова, Юпитер, Брама, бог Авраама, бог Моисея¹³, бог Конфуция, бог Зороастра, бог Сократа, бог Марка Аврелия, бог христиан, о, бог мой! ты един повсюду. Если в заблуждении своем смертные, казалось, не тебя чтили единого, но боготворили они твои несравненные силы, твои неуподобляемые дела. Могущество твое, везде и во всем ощущаемое, было везде и во всем поклоняемо. Безбожник, тебя отрицающий, признавая природы закон непременный, тебе же приносит тем хвалу, хваля тебя паче нашего леснопения. Ибо, проникнутый до глубины своя изящностью твоего творения, ему предстоит трепетен. — Ты ищешь, отец всещедрый, искреннего сердца и души непорочной; они отверсты везде на твое пришествие. Сниди, господи, и воцарися в них. — И пребыл я несколько мгновений отриновен окрестных мне предметов, нисшед во внутренность мою глубоко. Возвед потом очи мои, обратив взоры на близстоящие селения; се хижины уничижения, вещал я, — на месте, где некогда град великий гордые воз-

носил свои стены. Ни малейшего даже признака оных не осталось. Рассудок претит имети веру и самой повести: столь жаждущ он убедительных и чувственных доводов.— И все, что зрим, прейдет; все рушится, все будет прах. Но некий тайный глас вещает мне, пребудет нечто веки живо.

С течением времен все звезды помрачатся,
померкнет солнца блеск; природа, обветшав
лет дряхлостью, падет.
Но ты во юности бессмертной процветешь,
незыблемый средн сражения стихиев,
развалин вещества, миров всех разрушенья*.

.....

Крестьцы ¹⁵

В Крестьцах был я свидетелем расставания у отца с детьми, которое меня тем чувствительнее тронуло, что я сам отец и скоро, может быть, с детьми расставаться буду. Несчастный предрассудок дворянского звания велит им итти в службу. Одно название сие приводит всю кровь в необычайное движение! Тысячу против одного держать можно, что изо ста дворянчиков, вступающих в службу, 98 становятся повесами, а два под старость или, правильнее сказать, два в дряхлые их, хотя нестарые, лета становятся добрыми людьми. Прочие происходят в чины, расточают или наживают имение и проч. Смотря иногда на большого моего сына и размышляя, что он скоро войдет в службу, или, другими сказать словами, что птичка вылетит из клетки, у меня волосы дыбом становятся. Не для того, чтобы служба сама по себе развращала нравы, но для того, чтобы со зрелыми нравами надлежало начинать службу.— Иной скажет: а кто таких молокососов толкает в шею? — Кто? Пример общий. Штаб-офицер семнадцати лет; полковник двадцатилетний; генерал двадцатилетний; камергер, сенатор, наместник, начальник войск. И какому отцу не захочется, чтобы дети его хотя в малолетстве были в знатных чинах, за которыми идут вслед богатство, честь

* * *

* Смерть Катонина, трагедия Еддесонова ¹⁴. Действ. V. Явл. I.

и разум.— Смотри на сына моего, представляется мне: он начал служить, познакомился с вертопрахами, распутными, игроками, щеголями. Выучился чистенько наряжаться, играть в карты, картами доставать прокормление, говорить обо всем, ничего не мысля, таскаться по девкам или врать чепуху барыням. Каким-то образом фортуна, вертясь на курей ножке, приголубила его; и сынок мой, не брея еще бороды, стал знатным боярином. Возмечтал он о себе, что умнее всех на свете. Чего доброго ожидать от такого полководца или градоначальника? — Скажи поистине, отец чадолюбивый, скажи, о, истинный гражданин! не захочется ли тебе сынка твоего лучше удавить, нежели отпустить в службу? Не больно ли сердцу твоему, что сынок твой, знатный боярин, презирает заслуги и достоинства, для того что их участь пресмыкаться в стезе чинов, пронырства гнушаяся? Не возрыдаешь ли ты, что сынок твой любезный с приятною улыбкою отнимать будет имение, честь, отравлять и резать людей, не своими всегда боярскими руками, но посредством лап своих любимцев.

Крестницкий дворянин, казалось мне, был лет пятидесяти. Редкие седины едва пробивались сквозь светлорусые власы главы его. Правильные черты лица его знаменовали души его спокойствие, страстям неприступное. Нежная улыбка безмятежного удовольствия, незлобием рождаемого, изрыла ланиты его ямками, в женщинах столь прельщающими; взоры его, когда я вошел в ту комнату, где он сидел, были устремлены на двух его сыновей. Очи его, очи благорастворенного рассудка, казались подернуты легкою пленю печали; но искры твердости и упования пролетали оную быстротечно. Пред ним стояли два юноши, возраста почти равного, единым годом во времени рождения, но не в шествии разума и сердца они разнствовали между собою, ибо горячность родителя ускоряла во младшем развержение ума, а любовь братня умеряла успех в науках во старшем. Понятия о вещах были в них равные, правила жизни знали они равно, но остроту разума и движения сердца природа в них насадила различно. В старшем взоры были тверды, черты лица незыбки, являли начатки души неробкой и непоколебимости в предприятиях. Вз-

ры младшего были остры, черты лица шатки и непостоянны. Но плавное движение оных необманчивый был знак благих советов отчих.— На отца своего взирали они с несвойственною им робостию, от горести предстоящей разлуки происходящею, а не от чувствования над собою власти или начальства.— Редкие капли слез точились из их очей.— Друзья мои,— сказал отец,— сегодня мы расстанемся,— и, обняв их, прижал возрыдавших к перси своей.— Я уже несколько минут был свидетелем сего зрелища, стоя у дверей неподвижен, как отец, обратясь ко мне: — Будь свидетелем, чувствительный путешественник, будь свидетелем мне пред светом, сколь тяжко сердцу моему исполнять державную волю обычая. Я, отлучая детей моих от бдящего родительского ока, единственное к тому имею побуждение, да приобретут опытности, да познают человека из его деяний и, наскучив гремлением мирского жития, да оставят его с радостию; но да имут отишие в гонении и хлеб насущный в скудости. А для сего-то остаюся я на ниве моей. Не даждь, владыко всещедрый, не даждь им скитатися за милостынею вельмож и обретати в них утешителя! Да будет соболезнуяй о них их сердце; да будет им творяй благостыню их рассудок. Воссядите и внемлите моему слову, еже пребывати во внутренности душ ваших долженствует.— Еще повторю вам, сегодня мы разлучимся.— С неизреченным услаждением зрю слезы ваши, орошающие ланиты вашего лица. Да отнесет сие души вашей зыбление совет мой во святая ея, да восколеблется она при моем воспоминовении и да буду отсутствен оградю вам от зол и печалей.

Прияв вас даже от чрева материя в объятии мои, не восхотел николи, чтобы кто-либо был рачителем в исполнениях, до вас касающихся. Никогда наемная рачительница не касалася телеси вашего и никогда наемный наставник не коснулся вашего сердца и разума. Неусыпное око моя горячности бдело над вами денно-ночно, да не приблизится вас оскорбление; и блажен нарицаюся, доведши вас до разлучения со мною. Но не воображайте себе, чтобы я хотел исторгнуть из уст ваших благодарность за мое о вас попечение или же признание, хотя слабое, ради вас мною соделанного. Вождаем собственныя корысти по-

буждением. Предприемлемое на вашу пользу имело всегда в виду собственное мое услаждение. Итак, изжените из мыслей ваших, что вы есте под властью моею. Вы мне ничем не обязаны. Не в рассудке, а меньше еще в законе хочу искати твердости союза нашего. Он оснуется на вашем сердце. Горе вам, если его в забвении оставите! Образ мой, преследуя нарушителю союза наша дружбы, поженет его в сокровенности его и устроит ему казнь несносную, дондеже не возвратится к союзу. Еще вещаю вам, вы мне ничем не должны. Воззрите на меня, яко на странника и пришельца, и если сердце ваше ко мне ощутит некую нежную склонность, то поживем в дружбе, в сем величайшем на земли благоденствии. Если же оно без ощущения пребудет — да забвени будем друг друга, яко же нам не родитися. Дажь, всещедрый, сего да не узрю, отошед в недра твоя сие предваряяй! Не должны вы мне ни за воскормление, ни за наставление, а меньше всего за рождение.— За рождение? — Участники были ли вы в нем? Вопрошаемы были ли, да рождени будете? На пользу ли вашу родитися имели или во вред? Известен ли отец и мать, рождая сына своего, блажен будет в житии или злополучен? Кто скажет, что, вступая в супружество, помышлял о наследии и потомках; а если имел сие намерение, то блаженства ли их ради произвести их желал или же на сохранение своего имени? Как желать добра тому, кого не знаю, и что сие? Добром назваться может ли желание неопределенное, помаваемое неизвестностию? — Побуждение к супруеству покажет и вину рождения. Прельщенный душевною паче добротуо матери ваша, нежели лепотою лица, я употребил способ верный на взаимную горячность, любовь искренную. Я получил мать вашу себе в супруги. Но какое было побуждение наша любви? Взаимное услаждение; услаждение плоти и духа. Вкушая веселие, природой повеленное, о вас мы не мыслили. Рождение ваше нам было приятно, но не для вас. Произведение самого себя льстило тщеславию; рождение ваше было новый и чувственный, так сказать, союз, союз сердец подтверждающий. Он есть источник начальной горячности родителей к сынам своим; подкрепляется он привычкою, ощущением своея власти, отражением по-

хвал сыновних к отцу.— Мать ваша равного со мною была мнения о ничтожности должностей ваших, от рождения проистекающих. Не гордилася она пред вами, что носила вас во чреве своем, не требовала признательности, питая вас своею кровию; не хотела почтения за болезни рождения, ни за скуку вскармливания сосцами своими. Она тщила благу вам дать душу, яко же и сама имела, и в ней хотела насадить дружбу, но не обязанность, не должность или рабское повиновение. Не допустил ее рок зрети плодов ее насаждений. Она нас оставила с твердостью хотя духа, но кончины еще не желала, зря ваше младенчество и мою горячность. Уподобляясь ей, мы совсем ее не потеряем. Она поживет с нами, доколе к ней не отыдем. Ведаете, что любезнейшая моя с вами беседа есть беседовати о родшей вас. Тогда, мнится, душа ее беседует с нами, тогда становится она нам присутственна, тогда в нас она является, тогда она еще жива.— И отирал вещающий капли задержанных в душе слез.

Сколь мало обязаны вы мне за рождение, толико же обязаны и за вскармливание. Когда я угощаю пришельца, когда питаю птенцов пернатых, когда даю пищу псу, лижущему мою десницу,— их ли ради сие делаю? — Отраду, увеселение или пользу в том нахожу мою собственную. С таковым же побуждением производят вскармливание детей. Родившись в свет, вы стали граждане общества, в коем живете. Мой был долг вас воскормить, ибо, если бы допустил до вас кончину безвременную, был бы убийца. Если я рачительнее был в вскармлении вашем, нежели бывают многие, то следовал чувствованию моего сердца. Власть моя, да пекуся о вскармлении вашем или небрегу о нем; да сохраню дни ваши или расточителем в них буду; оставлю вас живых или дам умереть завременно,— есть ясное доказательство, что вы мне не обязаны в том, что живы. Если бы умерли от моего о вас небрежения, как то многие умирают, мщение закона меня бы не преследовало.— Но, скажут, обязаны вы мне за учение и наставление.— Не моей ли я в том искал пользы, да благи будете. Похвалы, воздаваемые доброму вашему поведению, рассудку, знаниям, искусству вашему, распростирая на вас, отра-

жаются на меня, яко лучи солнечны от зеркала. Хваля вас, меня хвалят. Что успел бы я, если бы вы вдалились пороку, чужды были учения, тупы в рассуждениях, злобны, подлы, чувствительности не имея? Не только сострадатель был бы я в вашем косвенном хождении, но жертва, может быть, вашего неистовства. Но ныне спокоен остаюся, отлучая вас от себя; разум прям, сердце ваше крепко, и я живу в нем. О, друзья мои, сыны моего сердца! родив вас, многие имел я обязанности в отношении к вам, но вы мне ничем не должны; я ищу вашей дружбы и любви; если вы мне ее дадите, блажен отыду к началу жизни и не возмущуся при кончине, оставляя вас навеки, ибо поживу на памяти вашей.

Но, если я исполнил должность мою в воспитании вашем, обязан сказать ныне вам вину, почто вас так, а не иначе воспитывал и для чего сему, а не другому вас научил; и для того услышите повесть о воспитании вашем и познайте вину всех моих над вами деяний.

Со младенчества вашего принуждения вы не чувствовали. Хотя в деяниях ваших вождаемы были рукою моею, не ощущали, однакоже, николи ее направления. Деяния ваши были предузнаты и предваряемы; не хотел я, чтобы робость или послушание повиновения малейшею чертою ознаменовала на вас тяжесть своего перста. И для того дух ваш, нетерпящ веления безрассудного, кроток к совету дружества. Но если, младенцам вам сущим, находил я, что уклонялись от пути, мною назначенного, устремляемы случайным ударением, тогда останавливал я ваше шествие или, лучше сказать, неприметно вводил в прежний путь, яко поток, оплоты прорывающий, искусною рукою обращается в свои берега.

Робкая нежность не присутствовала во мне, когда, казалось, не рачил об охранении вас от неприязненности стихий и погоды. Желал лучше, чтобы на мгновение тело ваше оскорбилось преходящею болью, нежели дебели пребудете в возрасте совершенном! И для того почасту ходили вы босы, непокровенную имея главу; в пыли, в грязи возлежали, на отдохновение, на скамии или на камени. Не меньше старался я удалить вас от убивственной пищи и пития. Труды наши лучшая была приправа в обеде нашем.

Вспомните, с каким удовольствием обедали мы в деревне, нам неизвестной, не нашед дороги к дому. Сколь вкусен нам казался тогда хлеб ржаной и квас деревенский!

Не ропщите на меня, если будете иногда осмеяны, что не имеете казистого восшествия, что стоите, как телу вашему покойнее, а не как обычай или мода велит, что одеаетесь не со вкусом, что волосы ваши кудрятся рукою природы, а не чесателя. Не ропщите, если будете небрежены в собраниях, а особливо от женщин, для того что не умеете хвалить их красоту; но вспомните, что вы бегаєте быстро, что плаваете не утомляясь, что подымаете тяжести без натуги, что умеете водить соху, вскопать гряду, владеете косою и топором, стругом и долотом; умеете ездить верхом, стрелять. Не опечальтесь, что вы скакать не умеете как скоморохи. Ведайте, что лучшее плясание ничего не представляет величественного; и если некогда тронуты будете зрением оного, то любострастие будет тому корень, все же другое оному постороннее.— Но вы умеете изображать животных и неодушевленных, изображать черты царя природы, человека. В живописи найдете вы истинное услаждение не токмо чувств, но и разума.— Я вас научил музыке, дабы дрожащая струна согласно вашим нервам возбуждала дремлющее сердце; ибо музыка, приводя внутренность в движение, делает мягкосердие в нас привычкою.— Научил я вас и варварскому искусству сражаться мечем. Но сие искусство да пребудет в вас мертво, доколе собственная сохранность того не востребует. Оно, уповаю, не сделает вас наглыми; ибо вы твердый имеете дух и обидою не сочтете, если осел вас улягнет или свинья смрадным до вас коснется рылом.— Не бойтесь сказать никому, что вы корову доить умеете, что шти и кашу сварите или зажаренный вами кусок мяса будет вкусен. Тот, кто сам умеет что сделать, умеет заставить сделать и будет на погрешности снисходителен, зная все в исполнении трудности.

Во младенчестве и отрочестве не отягощал я рассудка вашего готовыми размышлениями или мыслями чуждыми, не отягощал памяти вашей излишними предметами. Но, предложив вам пути к познаниям, с тех пор как начали разума своего ощущати

силы, сами шествуете к отверстой вам стезе. Познания ваши тем основательнее, что вы их приобрели не твердя, как то говорят по пословице, как сорока Якова. Следуя сему правилу, доколе силы разума не были в вас действующи, не предлагал я вам понятия о всевышнем существе и еще менее об откровении. Ибо то, что бы вы познали прежде, нежели были разумны, было бы в вас предрассудок и рассуждению бы мешало. Когда же я узрел, что вы в суждениях ваших вождаетесь рассудком, то предложил вам связь понятий, ведущих к познанию бога; уверен во внутренности сердца моего, что всещедрому отцу приятнее зрети две непорочные души, в коих светильник познаний не предрассудком возжигается, но что они сами возносятся к начальному огню на возгорение. Предложил я вам тогда и о законе откровенном, не сокрывая от вас все то, что в опровержение оного сказано многими. Ибо желал, чтобы вы могли сами избирать между млеком и желчью, и с радостью видел, что восприяли вы сосуд утешения неробко.

Преподавая вам сведения о науках, не оставил я ознакомить вас с различными народами, изучив вас языкам иностранным. Но прежде всего попечение мое было, да познаете ваш собственный, да умеете на оном изъяснять ваши мысли словесно и письменно, чтобы изъяснение сие было в вас непринужденно и поту на лице не производило. Аглинский язык, а потом латинский, старался я вам известнее сделать других. Ибо упругость духа вольности, переходя в изображение речи, приучит и разум к твердым понятиям, столь во всяких правлениях нужным.

Но, если рассудку вашему предоставлял я направлять стопы ваши в стезях науки, тем бдетельнее тщился быть во нравственности вашей. Старался умерять в вас гнев мгновения, подвергая рассудку гнев продолжительный, мщение производящий. Мщение!.. душа ваша мерзит его. Вы из природного сего чувствительныя твари движения оставили только оберегательность своего сложения, поправ желание возвращать уязвления.

Ныне настало то время, что чувства ваши, дошед до совершенства возбуждения, но не до совершенства еще понятия о возбуждаемом, начинают тревожиться

всякою внешностию и опасную производить зыбь во внутренности вашей. Ныне достигли времени, в которое, как то говорят, рассудок становится определителем делания и неделания; а лучше сказать, когда чувства, доселе одержимые плавностию младенчества, начинают ощущать дрожание, или когда жизненные соки, исполнив сосуд юности, превышать начинают его воскраяя, ища стезю свойственным для них стремлениям. Я сохранил вас неприступными доселе превратным чувств потрясениям, но не сокрыл от вас неведения покровом пагубных следствий совращения от пути умеренности в чувственном услаждении. Вы свидетели были, сколь гнусно избыточество чувственного насыщения, и возгнушались; свидетели были страшного волнения страстей, превысивших берега своего естественного течения, познали гибельные их опустошения и ужаснулись. Опытность моя, носяся над вами, яко новый Эгид¹⁶, охраняла вас от неправильных уязвлений. Ныне будете сами себе вожди, и хотя советы мои будут всегда светильником ваших начинаний, ибо сердце и душа ваша мне отверсты, но, яко свет, отдаляясь от предмета, менее его освещает, тако и вы, отринувенны моего присутствия, слабое ощутите согренье моя дружбы. И для того преподам вам правила единожития и общежития, дабы по усмирении страстей не возгнушались деяний, во оных свершенных, и не познали, что есть раскаяние.

Правила единожития, елико то касаться может до вас самих, должны относиться к телесности вашей и нравственности. Не забывайте никогда употреблять ваших телесных сил и чувств. Упражнение оных умеренное укрепит их, не истощеая, и послужит ко здравью вашему и долгой жизни. И для того упражняйтесь в искусствах, художествах и ремеслах, вам известных. Совершенствование в оных иногда может быть нужно. Неизвестно нам грядущее. Если неприязненное счастье отымет у вас все, что оно вам дало,— богаты пребудете во умеренности желаний, кормясь делом рук ваших. Но если во дни блаженства все небрежете, поздно о том думать во дни печали. Нега, излечение и неумеренное чувств услаждение губят и тело и дух. Ибо изнураяя тело невоздержностию изнуряет и крепость духа. Употребление же сил укрепит тело, а с ним

и дух. Если почувствуешь отвращение к яствам и болезнь постучится у дверей, воспрями тогда от одра твоего, на нем же лелеешь чувства твои, приведи уснувшие члены твои в действие упражнением и почувствуешь мгновенное сил обновление; воздержи себя от пищи, нужной во здравии, и глад сделает пищу твою сладкою, огорчавшую от сытости. Помните всегда, что на утоление глада нужен только кусок хлеба и ковш воды. Если благодетельное лишение внешних чувствований, сон, удалится от твоего возглавия и не сможешь возобновить сил разумных и телесных,— беги из чертогов твоих и, утомив члены до усталости, возляги на одре твоём и почнешь во здравие.

Будьте опрятны в одежде вашей; тело содержите в чистоте, ибо чистота служит ко здравью, а неопрятность и смрадность тела нередко отверзает неприметную стезю к гнусным порокам. Но не будьте и в сем неумеренны. Не гнушайтесь пособить, поднимая погрязшую во рве телегу, и тем облегчить упавшего; вымараете руки, ноги и тело, но просветите сердце. Ходите в хижины уничижения; утешайте томящегося нищетою; вкусите его брашна, и сердце ваше усладится, дав отраду скорбящему.

Ныне достигли вы, повторю, того страшного времени и часа, когда страсти пробуждаться начинают, но рассудок слаб еще на их обуздание, ибо чаша рассудка без опытности на весах воли вздымется, а чаша страстей опустится мгновенно долу. Итак, к равновесию не иначе приблизиться можно, как трудолюбием. Трудитесь телом; страсти ваши не столь сильное будут иметь волнение; трудитесь сердцем, упражняясь в мягкосердии, чувствительности, соблезновании, щедроте, отпущении, и страсти ваши направятся ко благому концу. Трудитесь разумом, упражняясь в чтении, размышлении, разыскании истины или происшествий, и разум управлять будет вашею волею и страстьми. Но не возмните в восторге рассудка, что можете сокрушить корени страстей, что нужно быть совсем бесстрастну. Корень страстей благ и основан на нашей чувствительности самую природою. Когда чувства наши, внешние и внутренние, ослабевают и притупляются, тогда ослабевают и страсти. Они благо в человеке производят тревогу, без нее же уснул

бы он в бездействии. Совершенно бесстрастный человек есть глупец и истукан нелепый, невозможаяй ни благого, ни злого. Не достоинство есть воздержаться от худых помыслов, не могши их сотворить. Безрукий не может уязвить никого; но не может подать помощи утопающему, ни удержати на бреге падающего в пучину моря.— Итак, умеренность во страсти есть благо; шествие во стезе средою¹⁷ есть надежно. Чрезвычайность во страсти есть гибель; бесстрастие есть нравственная смерть. Яко же шественик, отдаляясь среды стези, вдается опасности свергнуться в тот или другой ров, таково бывает шествие во нравственности. Но буде страсти ваши опытностию, рассудком и сердцем направлены к концу благому, скинь с них бразды томного благоразумия, не сокращай их полета; мета их будет всегда величие; на нем едином остановиться они умеют.

Но, если я вас побуждаю не быть бесстрастными, паче всего потребна в юности вашей умеренность любовныя страсти. Она природою насаждена в сердце нашем ко блаженству нашему. Итак, в возрождении своем никогда ошибиться не может, но в своем предмете и неумеренности. Итак, блюдитесь, да не ошибетесь в предмете любви вашей и да не почтете взаимною горячностью оныя образ. С благим же предметом любви неумеренность страсти сея будет вам неизвестна. Говоря о любви, естественно бы было говорить и о супружестве, о сем священном союзе общества, коего правила не природа в сердце начертала, но святость коего из начального обществ положения прористекает. Разуму вашему, едва шествие свое начинающему, сие бы было непонятно, а сердцу вашему, не испытавшему самолюбивую в обществе страсть любви, повесть о сем была бы вам неощутительна, а потому и бесполезна. Если желаете о супружестве иметь понятие, вспомните о родшей вас. Представьте меня с нею и с вами, возобновите слуху вашему глаголы наши и взаимные лобызания и приложите картину сию к сердцу вашему. Тогда почувствуете в нем приятное некое содрогание. Что оно есть? Познаете со временем; а днесь довольны будьте оною ошущением.

Приступим ныне вкратце к правилам общежития.

Предписать их не можно с точностию, ибо располагаются они часто по обстоятельствам мгновения. Но, дабы, колико возможно, менее ошибаться, при всяком начинании вопросите ваше сердце; оно есть благо и николи обмануть вас не может. Что вещает оно, то и творите. Следуя сердцу в юности, не ошибетесь, если сердце имеете благое. Но следовати возмнивый рассудку, не имея на браде власов, опытность возвещающих, есть безумец.

Правила общежития относятся ко исполнению обычаев и нравов народных или ко исполнению закона, или ко исполнению добродетели. Если в обществе нравы и обычаи не противны закону, если закон не полагает добродетели преткновений в ее шествии, то исполнение правил общежития есть легко. Но где таковое общество существует? Все известные нам многими наполнены во нравах и обычаях, законах и добродетелях противоречиями. И от того трудно становится исполнение должности человека и гражданина, ибо нередко они находятся в совершенной противоположности.

Понеже добродетель есть вершина деяний человеческих, то исполнение ее ничем не долженствует быть препинаемо. Небреги обычаев и нравов, небреги закона гражданского и священного, столь святые в обществе вещи, буде исполнение оных отлучает тебя от добродетели. Не держай николи нарушения ее прикрывати робостию благоразумия. Благоденствен без нее будешь во внешности, но блажен николи.

Последуя тому, что налагают на нас обычаи и нравы, мы приобретем благоприятство тех, с кем живем. Исполняя предписание закона, можем приобрести название честного человека. Исполняя же добродетель, приобретем общую доверенность, почтение и удивление, даже и в тех, кто бы не желал их ощущать в душе своей. Коварный Афинский сенат, подавая чашу с отравою Сократу¹⁸, трепетал во внутренности своей пред его добродетелию.

Не держай никогда исполнять обычая в предосуждение закона. Закон, каков ни худ, есть связь общества. И, если бы сам государь велел тебе нарушить закон, не повинуйся ему, ибо он заблуждает себе и обществу во вред. Да уничтожит закон, яко

же нарушение одного повелевает; тогда повинуйся, ибо в России государь есть источник законов.

Но, если бы закон или государь, или бы какая-либо на земли власть подвизала тебя на неправду и нарушение добродетели, пребудь в оной неколебим. Не бойся ни осмеяния, ни мучения, ни болезни, ни заточения, ниже самой смерти. Пребудь незыблем в душе твоей, яко камень среди бунтующих, но немощных валов. Ярость мучителей твоих раздробится о твердь твою; и, если предадут тебя смерти, осмеяны будут, а ты поживешь на памяти благородных душ до скончания веков. Убойся заранее именовать благоразумием слабость в деяниях, сего первого добродетели врага. Сегодня нарушишь ее уважение ради какого, завтра нарушение ее казаться будет самою добродетелию; и так порок воцарится в сердце твоём и исказит черты непорочности в душе и на лице твоём.

Добродетели суть или частные, или общественные. Побуждения к первым суть всегда мягкосердие, кротость, соболезнавание, и корень всегда их благ. Побуждения к добродетелям общественным нередко имеют начало свое в тщеславии и любочестии. Но для того не надлежит останавливаться в исполнении их. Предлог, над ним же вращаются, придает им важности. В спасшем Курции¹⁹ отечество свое от пагубоносной язвы никто не зрит ни тщеславного, ни отчаянного или наскучившего жизнью, но ироя. Если же побуждения наши к общественным добродетелям начало свое имеют в человеколюбивой твердости души, тогда блеск их будет гораздо больший. Упражняйтесь всегда в частных добродетелях, дабы могли удостоиться исполнения общественных.

Еще преподам вам некоторые исполнительные правила жизни.— Старайтесь паче всего во всех деяниях ваших заслужить собственное свое почтение, дабы, обращая во уединении взоры свои во внутрь себя, не токмо не могли бы вы раскаиваться о сделанном, но взирали бы на себя со благоговением.

Следуя сему правилу, удаляйтесь, елико то возможно, даже вида раболепствования. Вошед в свет, узнаете скоро, что в обществе существует обычай посещать в праздничные дни по утрам знатных особ; обычай скаредный, ничего не значащий, показующий

в посетителях дух робости, а в посещаемом дух надменности и слабый рассудок. У римлян было похожее сему обыкновение, которое они называли амбицию, то есть снискание, или обхождение; а оттуда и любочестие названо амбицию, ибо посещениями именитых людей юноши снискивали себе путь к чинам и достоинствам. То же делается и ныне. Но если у римлян обычай сей введен был для того, чтобы молодые люди обхождением с испытанными научались, то сомневаюсь, чтобы цель в обычае сем всегда непорочна сохранилась. В наши же времена, посещая знатных господ, учения целию своею никто не имеет, но снискание их благоприятства. Итак, да не преступит нога ваша порога, отделяющего раболепство от исполнения должности. Не посещай николи передней знатного боярина, разве по долгу звания твоего. Тогда среди толпы презренной и тот, на кого она взирает с подобоострастием, в душе своей тебя, хотя с негодованием, но от нее отличит.

Если случится, что смерть пресечет дни мои прежде, нежели в благом пути отвердеете, и, юны еще, восхитят вас страсти из стези рассудка,— то не отчаивайтесь, соглядая иногда превратное ваше шествие. В заблуждении вашем, в забвении самих себя, возлюбите добро. Распутное житие, безмерное любочестие, наглость и все пороки юности оставляют надежду исправления, ибо скользят по поверхности сердца, его не уязвляя. Я лучше желаю, чтобы во младых летах ваших вы были распутны, расточительны, наглы, нежели сребролюбивы или же чрезмерно бережливы, щеголеваты, занимаясь более убранством, нежели чем другим. Систематическое, так сказать, расположение в щегольстве означает всегда сжатый рассудок. Если повествуют, что Юлий Кесарь был щеголь, но щегольство его имело цель. Страсть к женщинам в юности его была к сему побуждением. Но он из щеголя облекся бы мгновенно во смраднейшее рубище, если бы то способствовало к достижению его желаний.

Во младом человеке не токмо щегольство преходящее простительно, но и всякое почти дурачество. Если же наикраснейшими деяниями жизни прикрывать будете коварство, ложь, вероломство, сребролюбие, гордость, любомщение, зверство,— то, хотя ослепите

современников ваших блеском ясной наружности, хотя не найдете никого столь любящего вас, да представит вам зеркало истины, не мните, однако же, затмить взоры прозорливости.— Проникнет она светозарную ризу коварства, и добродетель черноту души вашей обнажит. Возненавидит ее сердце твое, и яко чувственница увядать станет прикосновением твоим, но мгновенно, но стрелы ее издалека язвить тебя станут и терзать.

Простите, возлюбленные мои, простите, друзья души моей; днесь при сопутном ветре отчальте от берега чуждыя опытности ладью вашу; стремитесь по валам жития человеческого, да научитесь управлять сами собою. Блажени, не претерпев крушения, если достигнете пристанища, его же жаждем. Будьте счастливы во плавании вашем. Се искренное мое желание. Естественные силы мои, истощав движением и жизнью, изнемогут и угаснут; оставляю вас навеки; но се мое вам завещание. Если ненавистное счастье истощит над тобою все стрелы свои, если добродетели твоей убежища на земли не останется, если, доведенну до крайности, не будет тебе покрова от угнетения,— тогда вспомни, что ты человек, вспомняи величество твое, восхити венец блаженства, его же отъяти у тебя тщатся.— Умри.— В наследие вам оставляю слово умирающего Катона.— Но, если во добродетели умерти возможешь, умей умереть и в пороке и будь, так сказать, добродетелен в самом зле.— Если, забыв мои наставления, поспешать будешь на злые дела, обыкшая душа добродетели востревожится; явлюся тебе в мечте.— Воспряни от ложа твоего, преследуй душевно моему видению.— Если тогда источится слеза из очей твоих, то усни паки; пробудишься на исправление. Но если среди злых твоих начинаний, вспоминая обо мне, душа твоя не зыбнется и око пребудет сухо... Се сталь, се отрава.— Избавь меня скорби; избавь землю поносныя тяжести.— Будь мой еще сын.— Умри на добродетель.

Вещавшу сие старцу юношеский румянец покрыл сморщенные ланиты его; взоры его испускали лучи надежного радования, черты лица сияли сверхъестественным веществом.— Он облобызал детей своих и, проводив их до повозки, пребыл тверд до последнего

расставания. Но едва звон почтового колокольчика возвестил ему, что они начали от него удаляться, упругая сия душа смягчилась. Слезы проникли сквозь очей его, грудь его воздымалась; он руки свои простирал вслед за отъезжающими; казалось, будто желает остановить стремление коней. Юноши, узрев издали родшего их в такой печали, возрыдали столь громко, что ветер доносил жалостный их стон до слуха нашего. Они простирали также руки к отцу своему; и казалось, будто его к себе звали. Не мог старец снести сего зрелища; силы его ослабели, и он упал в мои объятия. Между тем приговорок скрыл отъехавших юношей от взоров наших; пришед в себя, старец стал на колени и возвел руки и взоры на небо. «Господи,— возопил он,— молю тебя, да укрепишь их в стезях добродетели, молю, блаженни да будут. Веси, николи не утруждал тебя, отец всещедрый, бесполезною молитвою. Уверен в душе моей, яко благ еси и правосуден. Любезнейшее тебе в нас есть добродетель; деяния чистого сердца суть наилучшая для тебя жертва... Отлучил я ныне от себя сынов моих... Господи, да будет на них воля твоя». Смущен, но тверд в надеянии своем, отъехал он в свое жилище.

Слово крестницкого дворянина не выходило у меня из головы. Доказательства его о ничтожестве власти родителей над детьми казались мне неоспоримы. Но если в благоустроенном обществе нужно, чтобы юноши почитали старцев, и неопытность — совершенство, то нет, кажется, нужды власть родительскую делать беспредельною. Если союз между отцом и сыном не на нежных чувствованиях сердца основан, то он, конечно, не тверд; и будет не тверд вопреки всех законоположений. Если отец в сыне своем видит своего раба и власть свою ищет в законоположении, если сын почитает отца наследия ради, то какое благо из того обществу? Или еще один невольник в прибавок ко многим другим, или змия за пазухой... Отец обязан сына воскормить и научить и должен наказан быть за его проступки, доколе он не войдет в совершеннолетие; а сын должности свои да обрящет в своем сердце. Если он ничего не ощущает, то виновен отец, почто ничего не насадил. Сын же вправе требовати от отца вспомоществования, доколе пребывает немощен

и малолетен; но в совершеннолети естественная сия и природная связь рушится. Птенец пернатых не ищет помощи от произведших его, когда сам начнет находить пищу. Самец и самка забывают о птенцах своих, когда сии возмужают. Се есть закон природы. Если гражданские законы от него удалятся, то производят всегда урода. Ребенок любит своего отца, мать или наставника, доколе любление его не обратится ко другому предмету. Да не оскорбится сим сердце твое, отец чадолюбивый; естество того требует. Единое в том тебе утешение да будет, вспоминая, что и сын сына твоего возлюбит отца до совершенного только возраста. Тогда же от тебя зависеть будет обратить его горячность к тебе. Если ты в том успеешь, блажен и почтения достоин.— В таковых размышлениях доехал я до почтового стана.

.....

Валдай

.....

Валдайское озеро, над которым построен сей город, достопамятно останется в повествованиях жертвовавшего монаха жизнью своею ради своей любовницы. В полуторе версте от города, среди озера, на острове находится Иверский монастырь, славным Никоном патриархом построенный. Один из монахов сего монастыря, посещая Валдаи, влюбился в дочь одного валдайского жителя. Скоро любовь их стала взаимною, скоро стремились они к совершению ее. Единожды насладившиеся ее веселием, не в силах они были противиться ее стремлению. Но состояние их полагало оному преграду. Любовнику нельзя было отлучаться часто из монастыря своего; любовнице нельзя было посещать кельи своего любовника. Но горячность их все преодолела; из любострастного монаха она сделала неустрашимого мужа и дала ему силы почти чрезвычайные. Сей новый Леандр²⁰, дабы наслаждаться веселием ежедневно в объятиях своей любовницы, едва ночь покрывала черным покровом все зримое, выходил тихо из своей кельи и, совлекая свои

ризы, преплывал озеро до противустоящего берега, где восприемлем был в объятия своей любезной. Баня и в ней утехи любовные для него были готовы, и он забывал в них опасность и трудность преплывания и боязнь, если бы отлучка его стала известна. За несколько часов до рассвета возвращался он в свою келью. Тако препроводил он долгое время в сих опасных преплываниях, награждая веселием ночным скуку дневного заключения. Но судьба положила конец его любовным подвигам. В одну из ночей, когда сей неустрашимый любовник отправился чрез валы на зрение своей любезной, внезапно восстал ветер, ему противный, будущу ему на среде пути его. Все силы его немощны были на преодоление разъяренных вод. Тщетно он утомлялся, напрягая свои мышцы; тщетно возвышал глас свой, да услышан будет в опасности. Видя невозможность достигнуть берега, вознамерился он возвратиться к монастырю своему, дабы, имея попутный ветер, тем легче оного достигнуть. Но едва обратил он шествие свое, как валы, осилив его утомленные мышцы, затопили его в пучине. На утрие тело его найдено на отдаленном берегу. Если бы я писал поэму на сие, то бы читателю моему представил любовницу его в отчаянии. Но сие было бы здесь излишнее.

.

Выдропуск

. Согласиться всяк должен, что тесные умы и малые души внешность поражать может. Но чем народ просвещеннее, то-есть чем более особенников в просвещении, тем внешность менее действовать может. Нума²¹ мог грубых еще римлян уверить, что нимфа Егерия наставляла его в его законоположениях. Слабые перуанцы охотно верили Манко Капаку²², что он сын солнца и что закон его с небеси истекает. Магомет мог прельстить скитающихся аравитян своими бреднями. Все они употребляли внешность, даже Моисей принял скрывали заповедей на горе среди блеску молнии. Но ныне, буде кто прель-

стити восхощет, не блистательная нужна ему внешность, но внешность доводов, если так сказать можно, внешность убеждений. Кто бы восхотел ныне послание свое утвердить свыше, тот употребит более наружность полезности, и тою все тронутся. Мы же, устремляя все силы наши на пользу всех и каждого, почто нам блеск внешности? Не полезностию ли наших постановлений, ко благу государства текущею, облистает наше лице? Всяк, взирающий на нас, узрит наше благомыслие, узрит в подвиге нашем свою пользу и того ради нам поклонится, не яко во ужасе шествующему, но сидящему во благодати. Если бы древние персы управлялись всегда щедротою, не бы возмечтали быти Ариману²³, или ненавистному началу зла.

.

Торжок

Здесь, на почтовом дворе, встречен я был человеком, отправляющимся в Петербург на скитание прошения. Сие состояло в снискании дозволения завести в сем городе свободное книгопечатание. Я ему говорил, что на сие дозволения не нужно, ибо свобода на то дана всем. Но он хотел свободы в ценсуре, и вот его о том размышлении.

Типографии у нас всем иметь дозволено²⁴, и время то прошло, в которое боялися поступаться оным дозволением частным людям; и для того, что в вольных типографиях ложные могут печатаны быть пропуски, удерживались от общего добра и полезного установления. Теперь свободно иметь всякому орудии печатания, но то, что печатать можно, состоит под опекою. Ценсура сделана нянькою рассудка, остроумия, воображения, всего великого и изящного. Но где есть няньки, то следует, что есть ребята, ходят на помочах, от чего нередко бывают кривые ноги; где есть опекуны, следует, что есть малолетные, незрелые разумы, которые собою править не могут. Если же всегда пребудут няньки и опекуны, то ребенок долго ходить будет на помочах и совершенный на возрасте будет каляка. Недоросль будет всегда Митрофанушка²⁵, без дядьки не ступит, без опекуна не может

править своим наследием. Таковы бывают везде следствия обыкновенной цензуры, и чем она строже, тем следствия ее пагубнее. Послушаем Гердера²⁶.

«Наилучший способ поощрять доброе есть препятствие, дозволение, свобода в помышлениях. Розыск вреден в царстве науки: он сгущает воздух и запирает дыхание. Книга, проходящая десять ценсур прежде, нежели достигнет света, не есть книга, но подделка святой инквизиции; часто изуродованный, сеченный батошьем, с кляпом во рту узник, а раб всегда... В областях истины, в царстве мысли и духа не может никакая земная власть давать решений и не должна; не может того правительство, менее еще его цензор, в клубке ли он или с темляком. В царстве истины он не судия, но ответчик, как и сочинитель. Исправление может только совершиться просвещением; без главы и мозга не шевельнется ни рука ни нога... Чем государство основательнее в своих правилах, чем стройнее, светлее и тверже оно само в себе, тем менее может оно позыбнуться и страстися от дуновения каждого мнения, от каждой насмешки разъяренного писателя; тем более благоволит оно в свободе мыслей и в свободе писаний, а от нее под конец прибыль, конечно, будет истине. Губители бывают подозрительны; тайные злодеи робки. Явный муж, творяй правду и твердый в правилах своих, допустит о себе глагол всякий. Хождает он во дни и на пользу себе строит клевету своих злодеев. Откупы в помышлениях вредны... Правитель государства да будет беспристрастен во мнениях, дабы мог объяти мнения всех и оные в государстве своем дозволять, просвещать и наклонять к общему добру; оттого-то истинно великие государи столь редки».

Правительство, дознав полезность книгопечатания, оное дозволило всем; но, паче еще дознав, что запрещение в мыслях утщетит благое намерение вольности книгопечатания, поручило цензуру или присмотр за изданиями управе благочиния. Долг же ее в отношении сего может быть только тот, чтобы воспрещать продажу язвительных сочинений. Но и сия цензура есть лишняя. Один несмысленный урядник благочиния может величайший в просвещении сделать вред и на многие лета остановку в шествии разума; запретит

полезное изобретение, новую мысль и всех лишит великого. Пример в малости. В управу благочиния принесен для утверждения перевод романа. Переводчик, следуя автору, говоря о любви, назвал ее лукавым богом. Мундирный цензор, исполненный духа благоговения, сие выражение почернил, говоря: «неприлично божество называть лукавым». Кто чего не понимает, тот в то да не мешается. Если хочешь благорастворенного воздуха, удали от себя коптильню; если хочешь света, удали затмение; если хочешь, чтобы дитя не было застенчиво, то выгони лозу из училища. В доме, где плети и батожье в моде, там служители пьяницы, воры и того еще хуже*.

Пускай печатают все, кому что на ум ни взойдет. Кто себя в печати найдет обиженным, тому да дастся суд по форме. Я говорю не смехом. Слова не всегда суть деяния, размышлении же не преступлении. Се правила наказа о новом уложении²⁷. Но брань на словах и в печати всегда брань. В законе никого бранить не велено, и всякому свобода есть жаловаться. Но если кто про кого скажет правду, бранью ли то почитать, того в законе нет. Какой вред может быть, если книги в печати будут без клейма полицейского? Не токмо не может быть вреда, но польза; польза от первого до последнего, от малого до великого, от царя до последнего гражданина.

Обыкновенные правила цензуры суть: почеркивать, марать, не позволять, драть, жечь все то, что противно естественной религии и откровению, все то, что противно правлению, всякая личность, противное благонравию, устройству и тишине общей. Рассмотрим сие подробно. Если безумец в мечтании своем не токмо в сердце, но громким гласом речет: «несть бога», в устах всех безумных раздается громкое и поспешное эхо: «несть бога, несть бога». Но что ж из того?

* * *

* Такого же роду цензор не позволяя, сказывают, печатать те сочинения, где упоминалось о боге, говоря, я с ним дела никакого не имею. Если в каком-либо сочинении порочили народные нравы того или другого государства, он недозволенным сие почитал, говоря, Россия имеет тракт дружбы с ним. Если упоминалось где о князе или графе, того не позволяя он печатать, говоря: сие есть личность, ибо у нас есть князья и графы между знатными особами.

Эхо — звук; ударит в воздух, позабынет его и исчезнет. На разуме редко оставит черту, и то слабую; на сердце же никогда. Бог всегда пребудет бог, ощущаем и неверующим в него. Но если думаешь, что хулением всевышний оскорбится,— урядник ли благочиния может быть за него истец? Всесильный звонящему в трещотку или бьющему в набат доверия не даст. Возгнушается метатель грома и молнии, ему же все стихии повинуются, возгнушается колеблющий сердца из-за пределов вселенная дать мстити за себя и самому царю, мечтающему быти его на земли преемником.— Кто ж может быть судиею в обиде отца предвечного? — Тот его обижает, кто, мнит, возможет судити о его обиде. Тот даст ответ пред ним.

Отступники откровенной религии более доселе в России делали вреда, нежели непризнаватели бытия божия, афеисты. Таковых у нас мало, ибо мало у нас еще думают о метафизике. Афеист заблуждает в метафизике, а раскольник в трех пальцах. Раскольниками называем мы всех россиян, отступающих в чем-либо от общего учения греческия церкви. Их в России много, и для того служение им дозволяется. Но для чего не дозволять всякому заблуждению быть явному? Явнее оно будет, скорее сокрушится. Гонении делали мучеников; жестокость была подпорою самого христианского закона. Действия расколов суть иногда вредны. Воспрети их. Проповедаются они примером. Уничтожь пример. От печатной книги раскольник не бросится в огонь, но от ухищренного примера. Запрещать дурачество есть то же, что его поощрять. Дай ему волю; всяк увидит, что глупо и что умно. Что запрещено, того и хочется. Мы все Евины дети.

Но, запрещая вольное книгопечатание, робкие правительства не богохуления боятся, но боятся сами иметь порицателей. Кто в часы безумия не щадит бога, тот в часы памяти и рассудка не пощадит незаконной власти. Не бояйся громов всеильного смеется виселице. Для того-то вольность мыслей правительствам страшна.

Заключу сим: цензура печатаемого принадлежит обществу, оно дает сочинителю венец или употребит листы на обертки. Равно как ободрение феатральному сочинению дает публика, а не директор феатра, так и

выпускаемому в мир сочинению цензор ни славы не даст, ни бесславия. Завеса поднялась, взоры всех устремились к действию; нравятся — плещут, не нравятся — стучат и свищут. Оставь глупое на волю суждения общего; оно тысящу найдет ценсоров. Настрожайшая полиция не возможет так запретить дряни мыслей, как негодующая на нее публика. Один раз им воньмут, потом умрут они и не воскреснут вовеки. Но если мы признали бесполезность ценсуры или паче ее вред в царстве науки, то познаем обширную и беспредельную пользу вольности печатания.

Доказательства сему, кажется, не нужны. Если свободно всякому мыслить и мысли свои объявлять всем беспрекословно, то естественно, что все, что будет придумано, изобретено, то будет известно; великое будет велико, истина не затмится. Не дерзнут правители народов удалиться от стези правды и убоятся, ибо пути их, злость и ухищрение обнажатся. Вострепещет судия, подписывая несправедный приговор и его раздерет. Устыдится власть имеющий употреблять ее на удовлетворение только своих прихотей. Тайный грабеж назовется грабежом, прикрытое убийство — убийством. Убоятся все злые строгого взора истины. Спокойствие будет действительное, ибо заквасу в нем не будет. Ныне поверхность только гладка, но ил, на дне лежащий, мутится и тмит прозрачность вод.

Прощаясь со мною, порицатель ценсуры дал мне небольшую тетрадку. Если, читатель, ты нескучлив, то читай, что перед тобою лежит. Если же бы случилось, что ты сам принадлежишь к ценсурному комитету, то загни лист и скачи мимо.

КРАТКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЦЕНСУРЫ ²⁸

Если мы скажем и утвердим ясными доводами, что ценсура с инквизициею принадлежат к одному корню; что учредители инквизиции изобрели ценсуру, то-есть рассмотрение приказное книг до издания их в свет, то мы хотя ничего не скажем нового, но из мрака протекших времен извлечем, вдобавок многим другим, ясное доказательство, что священнослужители

были всегда изобретатели оков, которыми отягчался в разные времена разум человеческий, что они подстригали ему крылья, да не обратит полет свой к величию и свободе.

Проходя протекшие времена и столетия, мы везде обретаем терзающие черты власти, везде зрим силу, возникающую на истину, иногда суеверие, ополчающееся на суеверие. Народ афинский, священнослужителями возбужденный, писания Протагоры запретил, велел все списки оных собрать и сжечь. Не он ли, в безумии своем, предал смерти, на неизгладимое во веки себе поношение, вочеловеченную истину — Сократа? В Риме находим мы больше примеров такового свирепствования. Тит Ливий повествует, что найденные во гробе Нумы писания были сожжены повелением сената. В разные времена случалось, что книги гадательные велено было относить к претору²⁹. Светоний повествует, что Кесарь Август таковых книг велел сжечь до двух тысяч. Еще пример несообразности человеческого разума! Неужели, запрещая суеверные писания, властители сии думали, что суеверие истребится? Каждому в особенности своей воспрещали прибегнуть к гаданию, совершаемому нередко на обуздание токмо мгновенное грызущей скорби, оставляли явные и государственные гадания авгугов и аруспицев³⁰. Но если бы во дни просвещения возмнили книги, учащие гаданию или суеверие проповедающие, запрещать или жечь, не смешно ли бы было, чтобы истина приняла жезл гонения на суеверие? чтоб истина искала на поражение заблуждения опоры власти и меча, когда вид ее один есть наижесточайший бич на заблуждение?

Но Кесарь Август не на гадания одни простер свои гонения: он велел сжечь книги Тита Лабиеция. «Злодеи его,— говорит Сенека ритор,— изобрели для него сие нового рода наказание. Неслыханное дело и необычайное — казнь извлекать из учения. Но, по счастью государства, сие разумное свирепствование изобретено после Цицерона. Что быть бы могло, если бы троена начальники³¹ за благо положили осудить разум Цицерона?» Но мучитель скоро отмстил за Лабиеция тому, кто исходатайствовал сожжение его сочинений. При жизни своей видел он, что и его со-

чинения преданы были огню *. «Не злomu какому примеру тут следовано,— говорит Сенека,— его собственному» **. Дажь небо, чтобы зло всегда обращалось на изобретателя его и чтобы воздвигший гонение на мысль зрел всегда свои осмеянными, в поругании и на истребление осужденными! Если мщение когда-либо извинительно быть может, то разве сие.

Во времена народного правления в Риме гонение такого рода обращалось только на суеверие, но при императорах простерлось оно на все твердые мысли. Кремуций Корд в истории своей назвал Кассия, дерзнувшего осмеять мучительство Августово на Лабиевны сочинения, последним римлянином. Римский сенат, ползая пред Тиверием, велел во угождение ему Кремуциеву книгу сжечь. Но многие с оной остались списки. «Тем паче,— говорит Тацит,— смеяться можно над попечением тех, кои мечтают, что всемогуществом своим могут истребить воспоминание следующего поколения. Хотя власть бешенствует на казнь рассудка, но свирепствованием своим себе устроила стыд и посрамление, им славу».

Не избавились сожжения книги иудейские при Антиохе Епифане, царе Сирском. Равной с ними подвержены были участи сочинения христиан. Император Диоклитриан книги священного писания велел предать сожжению. Но христианский закон, одержав победу над мучительством, покорил самих мучителей и ныне остается во свидетельство неложное, что гонения на мысли и мнения не токмо не в силах оные истребить, но укоренят их и распространят. Арнобий справедливо восстает противу такого гонения и мучительства. «Иные вещают,— говорит он,— полезно для государства, чтобы сенат истребить велел писания, в доказательство христианского исповедания служащие, кото-

* * *

* Сочинения Ария Монтана, издавшего в Нидерландах первый реестр запрещенным книгам, вмещены были в тот же реестр.

** Кассий Север, друг Лабиевны, видя писании его в огне, сказал: «теперь меня сжечь надлежит, ибо я их наизусть знаю». Сие подало случай при Августе к законоположению о поносительных сочинениях, которое по природному чело- веку обезьянству принято в Англии и в других государствах.

рые важность опровергают древняя религии. Но запрещать писания и обнародованное хотеть истребить не есть защищать богов, но бояться истины свидетельствования». Но по распространении христианского исповедания священнослужители оного толико же стали злобны против писаний, которые были им противны и не в пользу. Недавно порицали строгость сию в язычниках, недавно почитали ее знаком недоверения к тому, что защищали, но скоро сами ополчились всемогуществом. Греческие императоры, занимаясь более церковными прениями, нежели делами государственными, а потому управляемые священниками, воздвигли гонение на всех тех, кто деяния и учения Иисусовы понимал с ними различно. Таковое гонение распростерлося и на произведение рассудка и разума. Уже мучитель Константин, Великим названный, следуя решению Никейского собора³², предавшему Ариево учение проклятию, запретил его книги, осудил их на сожжение, а того, кто оные книги иметь будет,— на смерть. Император Феодосий II проклятые книги Нестория велел все собрать и предать огню. На Халкидонском соборе³³ то же положено о писаниях Евтихия. В Пандектах Юстиниановых³⁴ сохранены некоторые таковые решения. Несмысленные! Не ведали, что, истребляя превратное или глупое истолкование христианского учения и запрещая разуму трудиться в исследовании каких-либо мнений, они останавливали его шествие; у истины отнимали сильную опору: различие мнений, прения и невозбранное мыслей своих изречение. Кто может за то поручиться, что Несторий, Арий, Евтихий и другие еретики быть бы могли предшественниками Лутера, и если бы вселенские соборы не были созваны, что бы Декарт родиться мог десять столетий прежде? Какой шаг вспять сделан ко тьме и невежеству!

По разрушении Римския империи монахи в Европе были хранители учености и науки. Но никто у них не оспаривал свободы писать, что они желали. В 768 году Амвросий Оперт, монах бенедиктинский, посылая толкование свое на Апокалипсис³⁵ к папе Стефану III и прося дозволения о продолжении своего труда и о издании его в свет, говорит, что он первый из писателей просит такового дозволения. «Но да не ис-

чезнет,— продолжает он,— свобода в писании для того, что уничтожение поклонилось непринужденно». Собор Санский в 1140 году осудил мнения Абелардовы, а папа сочинения его велел сжечь.

Но ни в Греции, ни в Риме, нигде примера не находим, чтобы избран был судия мысли, чтобы кто дерзнул сказать: у меня просите дозволения, если уста ваши отверзать хотите на велеречие; у нас клеймится разум, науки и просвещение, и все, что без нашего клейма явится в свет, объявляем заранее глупым, мерзким, негодным. Таковое постыдное изобретение предоставлено было христианскому священству, и цензура была современна инквизиции.

Нередко, проходя историю, находим разум суеверию, изобретения наиболее полезные современниками грубейшему невежеству. В то время, как боязливое недоверие к вещи утверждаемой побудило монахов учредить цензуру и мысль истреблять в ее рождении, в то самое время дерзал Колумб в неизвестность морей на искание Америки; Кеплер предугадывал бытие притягательной в природе силы, Ньютоном доказанной; в то же время родился начертавший в пространстве путь небесным телесам — Коперник. Но к вящему сожалению о жребии человеческого умствования скажем, что мысль великая рождала иногда невежество. Книгопечатание родило цензуру, разум философский в XVIII столетии произвел иллюминатов³⁶.

В 1479 году находим древнейшее доселе известное дозволение на печатание книги. На конце книги под заглавием: «Знай сам себя», печатанной в 1480 году, присоединено следующее: «мы, Морфей Жирардо³⁷, божим милосердием, патриарх Венецианский, первенствующий в Далматии, по прочтении вышесказанных господ, свидетельствующих о вышесказанном творении, и по таковому же оного заключению и присоединенному доверению также свидетельствуем, что книга сия православна и богобоязлива». Древнейший монумент цензуры, но не древнейший безумия!

Древнейшее о цензуре узаконение, доселе известное, находим в 1486 году, изданное в самом том городе, где изобретено книгопечатание³⁸. Предугадывали монашеские правления, что оно будет орудием сокрушения их власти, что оно ускорит развержение

общего рассудка, и могущество, на мнении, а не на пользе общей основанное, в книгопечатании обрящет свою кончину. Да позволят нам здесь присовокупить памятник, ныне еще существующий на пагубу мысли и на посрамление просвещения.

Указ о неиздании книг греческих, латинских и пр. на народном языке без предварительного ученых удостоения 1486 года *.

«Бертольд, божиею милостию, святых Маинцкия епархии архиепископ, в Германии архиканцлер и курфирст. Хотя для приобретения человеческого учения чрез божественное печатания искусство возможно с избытком и свободнее получать книги, до разных наук касающиеся, но до сведения нашего дошло, что некоторые люди, побуждаемые суетными славы или богатства желанием, искусство сие употребляют во зло и данное для научения в житии человеческого обращают на пагубу и злоречие.

Мы видели книги, до священных должностей и обрядов исповедания нашего касающиеся, переведенные с латинского на немецкий язык и неблагопристойно для святого закона в руках простого народа обращающиеся; что ж сказать, наконец, о предписаниях святых правил и законоположений; хотя они людьми искусными в законоучении, людьми мудрейшими и красноречивейшими писаны разумно и тщательно, но наука сама по себе толико затруднительна, что красноречивейшего и ученнейшего человека едва на оную достаточна целая жизнь.

Некоторые глупые, дерзновенные и невежды попускаются переводить на общий язык таковые книги. Многие ученые люди, читая переводы сии, признаются, что ради великой несвойственности и худого употребления слов они непонятнее подлинников. Что же скажем о сочинениях, до других наук касающихся, в которые часто вмешивают ложное, надписывают ложными названиями и тем паче славнейшим писателям приписывают свои вымыслы, чем более находится покупателей.

Да вещают таковые переводчики, если возлюбляют истину, с каким бы намерением то ни делали, с

* * *
* Кодекс дипломатический, изданный Гуденом. Том IV ³⁹.

добрым или худым, до того нет нужды, да вещают, немецкий язык удобен ли к предложению на оный того, что греческие и латинские изящные писатели о вышних размышлениях христианского исповедания и о науках писали точнее и разумнее? Признаться надлежит, скудости ради своей, язык наш на сказанное недостаточен весьма, и нужно для того, чтобы они неизвестные имена вещам в мозгу своем сооружали; или, если употребят древние, то испортят истинный смысл, чего наипаче опасаемся в писаниях священных в рассуждении их важности. Ибо грубым и неученым людям и женскому полу, в руки которых попадутся книги священные, кто покажет истинный смысл? Рассмотрим святого евангелия строки или послания апостола Павла ⁴⁰, всяк разумный признается, что много в них прибавлений и исправлений писцовых.

Сказанное нами довольно известно. Что же помыслим о том, что в писателях католическия церкви находится зависящее от строжайшего рассмотрения? Многое в пример поставить можем, но для сего намерения довольно уже нами сказанного.

Понеже начало сего искусства в славном нашем граде Майнце, скажем истинным словом, божественно явилось и ныне в оном исправленно и обогащено пребывает, то справедливо, чтобы мы в защиту нашу приняли важность сего искусства. Ибо должность наша есть сохранять святыя писания в нерастленной непорочности. Сказав таким образом о заблуждениях и о продерзостях людей наглых и злодеев, желая, елико нам возможно, пособием господним, о котором дело здесь, предупредить и наложить узду всем и каждому, церковным и светским нашей области подданным и вне пределов оныя торгующим, какого бы они звания и состояния ни были, сим каждому повелеваем, чтобы никакое сочинение в какой бы науке, художестве или знании ни было, с греческого, латинского или другого языка переводимо не было на немецкий язык или уже переведенное, с переменою токмо заглавия или чего другого, не было раздаваемо или продаваемо явно или скрытно, прямо или посторонним образом, если до печатания или после печати до издания в свет не будет иметь отверстого дозволения на печатание или издание в свет от любезных нам

светлейших и благородных докторов и магистров университетских, а именно: во граде нашем Майнце, от Иоганна Бертрама де Наумбурха в касающемся до богословии, от Александра Дидриха в законоучении, от Феодорика де Мешедя во врачебной науке, от Андрея Елера во словесности, избранных для сего в городе нашем Эрфурте докторов и магистров. В городе же Франкфурте, если таковые, на продажу изданные, книги не будут рассмотрены и утверждены почтенным и нам любезным одним богословии магистром и одним или двумя докторами лиценциатами⁴¹, которые от думы одного города на годовом жалованье содержимы быть имеют.

Если кто сие наше попечительное постановление презрит или против такового нашего указа подаст совет, помощь или благоприютство своим лицом или посторонним,— тем самым подвергает себя осуждению на проклятие, да сверх того лишен быть имеет тех книг и заплатит сто золотых гульденов пени в казну нашу. И сего решения никто без особого повеления да нарушить не дерзает. Дано в замке С. Мартына, во граде нашем Майнце, с приложением печати нашей. Месяца Январия, в четвертый день 1486 года».

Его же о предыдущем, каким образом отправлять цензуру. «Лета 1486 Бертольд и пр. Почтеннейшим, ученнейшим и любезнейшим нам во Христе И. Бертраму богословии, А. Дидриху законоучения, Ф. де Мешеде, врачевания докторам и А. Елеру словесности магистру, здравие и к нижеписанному прилежание.

Известившись о соблазнах и подлогах, от некоторых в науках переводчиков и книгопечатников происшедших, и желая оным предварить и заградить путь по возможности, повелеваем, да никто в епархии и области нашей не дерзает переводить книги на немецкий язык, печатать или печатные раздавать, доколе таковые сочинения или книги в городе нашем Майнце не будут рассмотрены вами и касательно до самой вещи, доколе не будут в переводе и для продажи вами утверждены, согласно с вышеобъявленным указом.

Надеясь твердо на ваше благоразумие и осторожность, мы вам поручаем: когда назначаемые к

переводу, печатанию или продаже сочинения или книги к вам принесены будут, то вы рассмотрите их содержание, и если нелегко можно дать им истинный смысл, или могут возродить заблуждения и соблазны или оскорбить целомудрие, то оные отвергните; те, которые вы отпустите свободными, имеете вы подписать своеручно и именно на конце двое от вас, дабы тем виднее было, что те книги вами смотрены и утверждены. Богу нашему и государству любезную и полезную должность отправляйте. Дан в замке С. Мартына, 10 Января 1486 года».

Рассматривая сие новое по тогдашнему времени законоположение, находим, что оно клонилось более на запрещение, чтобы мало было книг печатано на немецком языке или, другими словами, чтобы народ пребывал всегда в невежестве. На сочинения, на латинском языке писанные, цензура, кажется, не распространялася. Ибо те, которые были сведущи в языке латинском, казалось, были уже ограждены от заблуждения, ему неприступны и что читали, понимали ясно и некриво*. Итак, священники хотели, чтобы одни причастники их власти были просвещенны, чтобы народ науку почитал божественного происхождения, превыше его понятия и не смел бы оная коснуться. Итак, изобретенное на заключение истины и просвещения в теснейшие пределы, изобретенное недоверяющею властью ко своему могуществу, изобретенное на продолжение невежества и мрака, ныне во дни наук и любомудрия, когда разум отряс несродные ему путы суеверия, когда истина блистает столично паче и паче, когда источник учения протекает до дальнейших отраслей общества, когда старания правительств стремятся на истребление заблуждений и на отверстие беспреткновенных путей рассудку к истине, постыдное монашеское изобретение трепещущей власти принято ныне повсеместно, укоренено и благою приемлется преградою блуждению. Неистовые! осмотритесь, вы стяжаете превратностию дать истине опору, вы заблуждением хотите просвещать народы. Блудитесь

* * *
* Сравнить с ним можно дозволение иметь книги иностранные всякого рода и запрещение таковых же на языке народном.

убо, да не возродится тьма. Какая вам польза, что властвовать будете над невеждами, тем паче загрубелыми, что не от недостатка пособий к просвещению невежды пребыли в невежестве природы или паче в естественной простоте, но, сделав уже шаг к просвещению, остановлены в шествии и обращены вспять, во тьму гонимы? Какая в том вам польза бороться самим с собою и исторгать шуйцею, что десницею насадили? Воззрите на веселящееся о сем священство. Вы заранее уже ему служите. Прострите тьму и почувствуйте на себе оковы,— если не всегда оковы священного суеверия, то суеверия политического, не столь хотя смешного, но столь же пагубного.

По счастью, однакоже, общества, что не изгнали из областей ваших книгопечатание. Яко древо, во всегдашней весне насажденное, не теряет своя зелени, так орудия книгопечатания остановлены могут быть в действии, но не разрушены.

Папы, уразумев опасность их власти, от свободы печатания родиться могущей, не укоснили законоположить о ценсуре, и сие положение пришло силу общего закона на бывшем вскоре потом соборе в Риме. Священный Тиверий, папа Александр VI первый из пап законоположил о ценсуре в 1507 году. Сам согбенный под всеми злодеяниями, не устыдился пещися о непорочности исповедания христианского. Но власть когда краснела! Буллу⁴² свою начинает он жалобой на диавола, который куколь сеет во пшенице, и говорит: «Узнав, что посредством сказанного искусства многие книги и сочинения, в разных частях света, наипаче в Кельне, Майнце, Триере, Магдебурге напечатанные, содержат в себе разные заблуждения, учения пагубные, христианскому закону враждебные, и ныне еще в некоторых местах печатаются, желая без отлагательства предварить сей ненавистной язвы, всем и каждому сказанного искусства печатникам и к ним принадлежащим и всем, кто в печатном деле обращается в помянутых областях, под наказанием проклятия и денежных пени, определяемой и взыскиваемой почтенными братьями нашими, Кельнским, Майнцким, Триерским и Магдебургским архиепископами или их заместниками в областях их, в пользу апостольской камеры, апостольскою властью наинстружай-

ше запрещаем, чтобы не дерзали книг, сочинений или писаний печатать или отдавать в печать без доклада вышесказанным архиепископам или наместникам и без их особого и точного безденежно испрошенного дозволения; их же совесть обременяем, да прежде, нежели дадут таковое дозволение, назначенное к печатанию прилежно рассмотрят или чрез ученых и православных велят рассмотреть и да прилежно пекутся, чтобы не было печатано противного вере православной, безбожное и соблазн производящего». А дабы прежние книги не соделали более несчастий, то велено было рассмотреть все о книгах реестры и все печатные книги, а которые что-либо содержали противное католическому исповеданию, те сжечь.

О! вы, цензуру учреждающие, вспомните, что можете сравниться с папою Александром VI, и устыдитесь.

В 1515 году Латеранский собор о цензуре положил, чтобы никакая книга не была печатана без утверждения священства.

Из предыдущего видели мы, что цензура изобретена священством и ему была единственно присвоена. Сопровождаемая проклятием и денежным взысканием, справедливо в тогдашнее время казаться могла ужасною нарушителю изданных о ней законоположений. Но опровержение Лутером власти папской, отделение разных исповеданий от римския церкви, прения различных властей в продолжение тридесятилетней войны произвели много книг, которые явились в свет без обыкновенного клейма цензуры. Везде, однакоже, духовенство присвоило себе право производить цензуру над изданиями; и когда в 1650 году учреждена была во Франции цензура гражданская, то богословский факультет Парижского университета новому установлению противуречил, ссылаясь, что двести лет он пользовался сим правом.

Скоро по введении * книгопечатания в Англии

* * *
* Виллиам Какстон, лондонский купец, завел в Англии книгопечатницу при Эдуарде IV в 1474 году. Первая книга, печатанная на аглинском языке, была: «Рассуждение о шашечной игре», переведенное с французского языка. Вторая — «Собрание речений и слов философов», переведенное лордом Риверсом.

учреждена цензура. Звездная палата⁴³, не меньше ужасная в свое время в Англии, как в Испании инквизиция или в России Тайная канцелярия, определила число печатников и печатных станков; учредила освобождателя, без дозволения которого ничего печатать не смели. Жестокости ее против писавших о правительстве несчетны, и история ее оными наполнена. Итак, если в Англии суеверие духовное не в силах было наложить на разум тяжкую узду цензуры, возложена она суеверием политическим. Но то и другое пеклися, да власть будет всецела, да очи просвещения покрыты всегда пребудут туманом обаяния и да насилье царствует на счет рассудка.

Со смертью графа Страфорда рушилась Звездная палата: но ни уничтожение сего, ни судебная казнь Карла I не могли утвердить в Англии вольности книгопечатания. Долгий парламент⁴⁴ возобновил прежние положения, против ее сделанные. При Карле II и при Якове I они паки возобновлены. Даже по совершении премены⁴⁵ в 1692 году узаконение сие подтверждено, но на два только года. Скончавшись в 1694 году, вольность печатания утверждена в Англии совершенно, и цензура, зевнув в последний раз, издохла*.

Американские правительства приняли свободу печатания между первейшими законоположениями вольность гражданскую утверждающими. Пенсильванская область, в основательном своем законоположении, в главе I, в предложительном объявлении прав жителей пенсильванских, в 12 статье говорит: «Народ имеет право говорить, писать и обнародовать свои мнения; следовательно, свобода печатания никогда не долженствует быть затрудняема». В главе 2 о образе правления, в отделении 35: «Печатание да будет свободно для всех, кто хочет исследовать положения законодательного собрания или другой отрасли правления». В проекте о образе правления в Пенсильванском государстве, напечатанном, дабы жители оно-

* * *

* В Дании вольное книгопечатание было мгновенно. Стихи Вольтерова на сей случай к датскому королю во свидетельство остались, что похвалю даже мудрому законоположению спешить не надлежит.

го могли сообщать свои примечания, в 1776 году в июле, отделение 35: «Свобода печатания отверзта да будет всем, желающим исследовать законодательное правительство, и общее собрание да не коснется оныя никаким положением. Никакой книгопечатник да не потребуетя к суду за то, что издал в свет примечания, ценения, наблюдения о поступках общего собрания, о разных частях правления, о делах общих или о поведении служащих, поколику оное касается до исполнения их должностей». Делаварское государство в объявлении изъяснительном прав, в 23 статье, говорит: «Свобода печатания да сохраняема будет ненарушимо». Мариландское государство в 38 статье теми же словами объясняется. Виргинское в 14 статье говорит сими словами: «Свобода печатания есть наивеличайшая защита свободы государственной».

Книгопечатание до перемены 1789 года, во Франции последовавшей, нигде толико стесняемо не было, как в сем государстве. Стоглазый Арг, сторукий Бриарей⁴⁶, парижская полиция свирепствовала против писаний и писателей. В Бастильских темницах томилися несчастные, дерзнувшие охуждать хищность министров и их распутство. Если бы язык французский не был толико употребителен в Европе, не был бы всеобщим, то Франция, стена под бичем цензуры, не достигла бы того величия в мыслях, какое явили многие ее писатели. Но общее употребление французского языка побудило завести в Голландии, Англии, Швейцарии и Немецкой земле книгопечатницы, и все, что явиться не дерзало во Франции, свободно обнародовано было в других местах. Тако сила, кичаяся своими мышцами, осмеяна была и не ужасна; тако свирепства пенящиеся челюсти праздно оставались, и слово твердое ускользало от них непоглощено.

Но дивись несообразности разума человеческого. Ныне, когда во Франции все твердят о вольности, когда необузданность и безначалие дошли до края возможного, цензура во Франции не уничтожена. И хотя все там печатается ныне невозбранно, но тайным образом. Мы недавно читали,— да восплачут французы о участи своей и с ними человечество! — мы читали недавно, что народное собрание, толико же

поступая самодержавно, как доселе их государь, насильственно взяли печатную книгу и сочинителя оной отдали под суд за то, что дерзнул писать против народного собрания. Лафает был исполнителем сего приговора. О, Франция! ты еще хождаеть близ Бастильских пропастей.

Размножение книгопечатниц в Немецкой земле, сокрывая от власти орудия оных, отъемлет у нее возможность свирепствовать против рассудка и просвещения. Малые немецкие правления хотя вольности книгопечатания стараются положить преграду, но безуспешно. Векерлин хотя мстящею властью посажен был под стражу, но Седое Чудовище осталось у всех в руках. Покойный Фридрих II, король прусский, в землях своих печатание сделал почти свободным не каким-либо законоположением, но дозволением токмо и образом своих мыслей. Чему дивиться, что он не уничтожил цензуры; он был самодержец, коего любезнейшая страсть была всесилие. Но воздержись от смеха.— Он узнал, что указы, им изданные, некто намерен был, собрав, напечатать. Он и к оным приставил двух ценсоров, или, правильнее сказать, браковщиков.

О, властвование! о, всесилие! ты мышцам своим не доверяешь. Ты боишься собственного своего обвинения, боишься, чтобы язык твой тебя не посрамил, чтобы рука твоя тебя не заушила! — Но какое добро сии насильствованные цензоры произвести могли? Не добро, но вред. Скрыли они от глаз потомства нелепое какое-либо законоположение, которое на суд будущий власть оставить стыдилась, которое, оставшись явным, было бы, может быть, уздою власти, да не дерзает на уродливое. Император Иосиф II рушил отчасти преграду просвещения, которая в австрийских наследных владениях, в царствование Марии Терезии⁴⁷, тяготила рассудок; но не мог он стясти с себя бремени предрассуждений и предлинное издал о цензуре наставление. Если должно его хвалить за то, что не возбранял опорочивать свои решения, находить в поведении его недостатки и таковые порицания издавать в печати; но похулим его за то, что на свободе в изъяснении мыслей он оставил узду. Сколь легко употребить можно оную во

зло!.. * Чему дивиться? скажем и теперь, как прежде: он был царь. Скажи же, в чьей голове может быть больше несообразностей, если не в царской?

.....

Медное ⁴⁸

..... Молодица 18 лет, дочь ее и внучка стариков. Зверь лютый, чудовище, изверг! Посмотри на нее, посмотри на румяные ее ланиты, на слезы, лиющиеся из ее прелестных очей. Не ты ли, не возмогши прельщением и обещаниями уловить ее невинности, ни утратить ее непоколебимости угрозами и казнию, наконец употребил обман, обвенчав ее за спутника твоих мерзостей и в виде его наслаждался веселием, которого она делить с тобой гнушалась. Она узнала обман твой. Венчанный с нею не коснулся более ее ложа, и ты, лишен став твоея утехи, употребил насилие. Четыре злодея, исполнители твоея воли, держа руки ее и ноги... но сего не окончаем. На челе ее скорбь, в глазах отчаяние. Она держит младенца, плачевный плод обмана или насилия, но живой слепок прелюбодейного его отца. Родив его, позабыла отцево зверство, и сердце начало чувствовать к нему нежность. Она боится, чтобы не попасть в руки ему подобного.— Младенец... Твой сын, варвар, твоя кровь. Иль думаешь, что где не было обряда церковного, тут нет и обязанности? Иль думаешь, что данное по приказанию твоему благословение наемным извещателям слова божия сочетание их утвердило, иль думаешь, что насильственное венчание во храме божием может назваться союзом? Всесильный мерзит принуждением, он услаждается желаньями сердечными. Они одни непорочны. О! колико между нами прелюбодейств и растлений совершается во имя отца радостей и утешителя скорбей при его свидетелях, недостойных своего сана.— Детина лет в 25, венчанный ее муж, спутник и наперсник своего господина. Зверство и мщение в его глазах. Раскаивается о своих к господи-

* * *
 * В новейших известиях читаем, что наследник Иосифа II намерен возобновить ценсурную комиссию, предместником его уничтоженную.

ну своему угождениях. В кармане его нож; он его схватил крепко; мысль его отгадать нетрудно... Бесплодное рвение. Достанешься другому. Рука господина твоего, носящаяся над главою раба непрестанно, согнет выю твою на всякое угождение. Глад, стужа, зной, казнь, все будет против тебя. Твой разум чужд благородных мыслей. Ты умереть не умеешь. Ты сложишься и будешь раб духом, как и состоянием. А если бы восхотел противиться, умрешь в оковах томною смертию. Судии между вами нет. Не захочет мучитель твой сам тебя наказывать. Он будет твой обвинитель. Отдаст тебя градскому правосудию.— Правосудие! — где обвиняемый не имеет почти власти оправдаться.— Пройдем мимо других несчастных, выведенных на торжище.

Едва ужасоносный молот ⁴⁹ испустил тупой свой звук, и четверо несчастных узнали свою участь,— слезы, рыдание, стон пронзили уши всего собрания. Наитвердейшие были тронуты. Окаменелые сердца! почто бесплодное соболезнавание? О, квакеры ⁵⁰! если бы мы имели вашу душу, мы бы сложились и, купив сих несчастных, даровали бы им свободу.— Жив многие лета в объятиях один другого, несчастные сии к поносной продаже восчувствуют тоску разлуки. Но если закон, иль, лучше сказать, обычай варварский, ибо в законе того не писано, дозволяет толикое человечеству посмеяние, какое право имеете продавать сего младенца? Он незаконнорожденный. Закон его освобождает. Постойте, я буду доноситель; я избавлю его. Если бы с ним мог спасти и других! О, счастье! почто ты так обидело меня в твоём разделе? Днесь жажду вкусити прелестного твоего зора, впервые ощущать начинаю страсть к богатству.— Сердце мое столь было стеснено, что, выскочив из среды собрания и отдав несчастным последнюю гривну из кошелька, побежал вон. На лестнице встретился мне один чужестранец, мой друг.— «Что тебе сделалось? ты плачешь!» — Возвратись,— сказал я ему: — не будь свидетелем срамного позорища. Ты проклинал некогда обычай варварский в продаже черных невольников в отдаленных селениях твоего отечества; возвратись,— повторил я,— не будь свидетелем нашего затмения и да не возвестиши стыда нашего твоим согражданам,

беседуя с ними о наших нравах.— «Не могу сему я верить,— сказал мне мой друг; — невозможно, чтобы там, где мыслить и верить дозволяется всякому, кто как хочет, столь постыдное существовало обыкновение».— Не дивись,— сказал я ему: — установление свободы в исповедании обидит одних попов и чернецов, да и те скорее пожелают приобрести себе овцу, нежели овцу во Христово стадо. Но свобода сельских жителей обидит, как то говорят, право собственности. А все те, кто бы мог свободе поборствовать,— все великие отчинники, и свободы не от их советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения.

Тверь ⁵¹

1

О! дар небес благословенный,
 Источник всех великих дел;
 О! вольность, вольность, дар бесценный!
 Позволь, чтоб раб тебя воспел.
 Исполни сердце твоим жаром,
 В нем сильных мышц твоих ударом
 Во свет рабства тьму претвори,
 Да Брут и Телль еще проснутся ⁵².
 Седяй во власти, да смятутся
 От гласа твоего цари.

Сию строфу обвинили для двух причин: за стих «во свет рабства тьму претвори». Он очень туг и труден на изречение ради частого повторения буквы Т и ради соития частого согласных букв, «бства тьму претв.»,— на десять согласных три гласных, а на русском языке толико же можно писать сладостно, как и на италианском... Согласен... хотя иные почитали стих сей удачным, находя в негладкости стиха изобразительное выражение трудности самого действия... Но вот другой: «да смятутся от гласа твоего цари». Желать смятения царю есть то же, что желать ему зла; следовательно... Но я не хочу вам наскучить

всеми примечаниями, на стихи мои сделанными. Многие, признаюсь, из них были справедливы. Позвольте, чтобы я вашим был чтецом.

2

Я в свет исшел и ты со мною...
Сию строфу пройдем мимо. Вот ее содержание:
Человек во всем от рождения свободен...

3

Но что ж претит моей свободе?
Желаньям зрю везде предел;
Возникла обща власть в народе,
Соборный всех властей удел.
Ей общество во всем послушно,
Повсюду с ней единокорно,
Для пользы общей нет препоны;
Во власти всех своей зрю долю,
Свою творю, творя всех волю:
Вот что есть в обществе закон.

4

В середине злочыя долины,
Среди тягченых жатвой нив,
Где нежны процветают крини,
Средь мирных под сеньми оливо
Паросска мрамора⁵³ белее
Яснейша дня лучей светлее,
Стоит прозрачный всюду храм.
Там жертва лжива не курится,
Там надпись пламенная зрится:
«Конец невинности бедам».

5

Оливной ветвию венчайно,
На твердом камени седяй,
Безжалостно и хладноравно
Глухое божество.....

и пр.— изображается закон в виде божества во храме, коего стражи суть истина и правосудие.

6

Возводит строгие зеницы,
Льет радость, трепет вокруг себя,
Равно на все взирает лица,
Ни ненавидя, ни любя.
Он лести чужд, лицеприятства,
Породы, знатности, богатства,
Гнушаясь жертвенных тли;
Родства не знает, ни приязни,
Равно делит и мзду и казни;
Он образ божий на земли.

7

И се чудовище ужасно,
Как гидра, сто имея глав,
Умильно и в слезах всечасно,
Но полны челюсти отрав.
Земные власти попирает,
Главою неба досязает,
«Его отчизна там»,— гласит.
Призраки, тьму повсюду сеет,
Обманывать и льстить умеет
И слепо верить всем велит.

8

Покрывши разум темнотою
И всюду вея ползский яд...

Изображение священного суеверия, отъемлющего у человека чувствительность, влекущее его в ярем порабощения и заблуждения, во броню его облекшее:

Бояться истины велел...

Власть называет оное изветом божества, рассудок — обманом.

9

Воззрим мы в области обширны,
Где тусклый трон стоит рабства...

В мире и тишине суеверие священное и политическое, подкрепляя друг друга,

Союзно общество гнетут.
Одно сковать рассудок тщится,
Другое волю стерть стремится;
«На пользу общую», — рекут.

10

Покая рабского под сенью
Плодов златых не возрастет;
Где все ума претит стремленью,
Великость там не прозябет.

И все злые следствия рабства, как то: беспечность, лень, коварство, голод и пр.

11

Чело надменное вознесши,
Схватив железный скипетр, царь,
На громном троне властно севши,
В народе зрит лишь подлу тварь.
Живот и смерть в руке имея:
«По воле, — рек, — щажу злодея,
Я властью могу дарить;
Где я смеюсь, там все смеется;
Нахмурюсь грозно, все смятется;
Живешь тогда, велю коль жить».

12

И мы внимаем хладнокровно...

как алчный змий, ругаяся всем, отравляет дни веселия и утех. Но, хотя вокруг твоего престола все стоят, преклонше колена, трепещи, се мститель грядет, прорица вольность...

13

Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает,
Над гордою главою паря.
Ликуйте, склепанны народы,

Се право мщенное природы
На плаху возвело царя.

14

И нощи се завесу лживой
Со треском мощно разодрав,
Кичливой власти и строптивой
Огромный истукан поправ,
Сковав сторучна исполина,
Влечет его как гражданина
К престолу, где народ воссел:
«Преступник власти, мною данной!
Вещай, злодей, мною венчанный,
Против меня восстать как смел?»

15

Тебя облек я во порфиру
Равенство в обществе блюсти,
Вдовицу призирать и сиру,
От бед невинность чтоб спасти,
Отцем ей быть чадолюбивым,
Но мстителем непримиримым
Пороку, лже и клевете;
Заслуги честью награждати,
Устройством зло предупреждати,
Хранити нравы в чистоте.

16

Покрыл я море кораблями...

Дал способ к приобретению богатств и благо-
денствия. Желал я, чтобы земледелец не был пленник
на своей ниве и тебя бы благословлял...

17

Своих кровей я без пощады
Гремящую воздвигнул рать;
Я медны изваял громады,
Злодеев внешних чтоб карать.
Тебе велел повиноваться,
С тобою к славе устремляться.
Для пользы всех мне можно все.
Земные недра раздираю,

Металл блестящий извлекаю
На украшение твое.

18

Но ты, забыв мне клятву данну,
Забыв, что я избрал тебя,
Себе в утеху быть венчанну
Возмнил, что ты господь, не я.
Мечем мой расторг уставы,
Безгласными поверг все правы,
Стыдиться истине велел.
Расчистил мерзостям дорогу,
Взывать стал не ко мне, но к богу,
А мной гнушаться восхотел.

19

Кровавым потом доставая
Плод, кой я в пищу насадил,
С тобою крохи разделяя,
Своей натуги не щадил;
Тебе сокровищей всех мало!
На что ж, скажи, их недостало,
Что рубище с меня сорвал?
Дарить любимца, полна лести!
Жену, чуждающуюся чести!
Иль злато богом ты признал?

20

В отличность знак изобретенный
Ты начал наглости дарить;
В злодея меч мой изощренный,
Ты стал невинности сулить;
Сгруженные полки в защиту
На брань ведешь ли знамениту
За человечество карать?
В кровавых борешься долинах,
Дабы, упившись, в Афинах,
Ирой! — зевав, могли сказать.

21

Злодей, злодеев всех лютейший...

Ты все совокупил злодеяния и жало свое в меня
устремил...

Умри! умри же ты стократ!» —
Народ вещал...

22

Великий муж, коварства полный,
Ханжа и льстец, и святотать!
Един ты в свет столь благотворный
Пример великий мог подать.
Я чту, Кромвель, в тебе злодея,
Что, власть в руке своей имея,
Ты твердь свободы сокрушил.
Но научил ты в род и роды,
Как могут мстить себя народы:
Ты Карла на суде казнил.

23

И се глас вольности раздается во все концы...
На вече весь течет народ,
Престол чугунный разрушает,
Самсон как древле сотрясает,
Исполненный коварств чертог;
Законом строит твердь природы.
Велик, велик ты, дух свободы,
Зиждителен, как сам есть бог!

24

В следующих одиннадцати строфах заключает-
ся описание царства свободы и действия ее, то-есть
сохранность, спокойствие, благоденствие, величие...

34

Но страсти, изощряя злобу...
превращают спокойствие граждан в пагубу...

Отца на сына воздвигают,
Союзы брачны раздирают,
и все следствия безмерного желания властвовать...

35, 36, 37

Описание пагубных следствий роскоши. Междо-
усобий. Гражданская брань. Марий, Сулла, Август...
Тревожну вольность усыпил.
Чугунный скипетр обвил цветами...
следствие того — порабощение...

38, 39

Таков есть закон природы; из мучительства рождается вольность, из вольности рабство...

40

На что сему дивиться? и человек рождается на то, чтобы умереть...

Следующие 8 строф содержат прорицания о будущем жребии отечества, которое разделится на части, и тем скорее, чем будет пространнее. Но время еще не пришло. Когда же оно наступит, тогда

Встрещат заклепы тяжкой ночи.

Упругая власть при издыхании приставит стражу к слову и соберет все свои силы, дабы последним махом раздавить возникающую вольность...

49

Но человечество возревет в оковах и, направляемое надеждою свободы и неистребимым природы правом, двинется... И власть приведена будет в трепет. Тогда всех сил сложение, тогда тяжелая власть

Развеется в одно мгновенье.

О, день, избраннейший всех дней!

50

Мне слышится уж глас природы,
Начальный глас, глас божества.

Мрачная твердь позыбнулась, и вольность воссияла.

.

Черная грязь

Здесь я видел также-изрядный опыт самовластия дворянского над крестьянами. Проезжала тут свадьба. Но вместо радостного поезда и слез боязливой невесты, скоро в радость претвориться определенных, зрелись на челе определенных вступать в супружество печаль и уныние. Они друг друга ненавидят и властью господина своего влекутся на казнь, к олтарю отца всех благ, подателя нежных чувствований и веселий,

зиждителя истинного блаженства, творца вселенных. И служитель его примет исторгнутую властью клятву и утвердит брак! И сие назовется союзом божественным! И богохуление сие останется на пример другим! И неустройство сие в законе останется ненаказанным!.. Почто удивляться сему? Благословляет брак наемник; градодержатель, для хранения закона определенный,— дворянин. Тот и другой имеют в сем свою пользу. Первый ради получения мзды; другой, дабы, истребляя поносительное человечеству насилие, не лишиться самому лестного преимущества управлять себе подобным самовластно.— О! горестная участь многих миллионов! конец твой сокрыт еще от взора и ввучат моих...

Слово о Ломоносове

.....
 Скоро любопытство его щедрое получило удовлетворение. Он ученик стал славного Вольфа. Отрясающая правила схоластики или паче заблуждения, преподанные ему в монашеских училищах, он твердые и ясные полагал степени к восхождению во храм любомудрия. Логика научила его рассуждать; математика верные делать заключения и убеждаться единою очевидностию; метафизика преподавала ему гадательные истины, ведущие часто к заблуждению; физика и химия, к коим, может быть, ради изящности силы воображения прилежал отлично, ввели его в жертвенник природы и открыли ему ее таинства; металлургия и минералогия, яко последственницы предыдущих, привлекли на себя его внимание; и деятельно хотел Ломоносов познать правила, в оных науках руководствующие.

.....
 Чуждый раболепствования не токмо в том, что благоговение наше возбуждать может, но даже и влюблении нашем, мы, отдавая справедливость великому мужу, не возмним быти ему богом всезиждущим, не посвятим его истуканом на поклонение обществу и не будем пособниками в укоренении какого-либо

предрассуждения или ложного заключения. Истина есть высшее для нас божество, и, если бы всемогущий восхотел изменить ее образ, являясь не в ней, лице наше будет от него отвращено.

Но взнемли: прежде начатия времен, когда не было бытию опоры и вся терялося в вечности и неизмеримости, все источнику сил возможно было, вся красота вселенная существовала в его мысли, но действия не было, не было начала. И се рука всемогущая, толкнув вещественность в пространство, дала ей движение. Солнце воссияло, луна прияла свет, и тела, крутящиеся горé образовались. Первый мах в творении всемогущ был: вся чудесность мира, вся его красота суть только следствия. Вот как понимаю я действие великия души над душами современников или потомков; вот как понимаю действие разума над разумом. В стезе российской словесности Ломоносов есть первый. Беги, толпа завистливая, се потомство о нем судит, оно нелицемерно.

О человеке, о его смертности и бессмертии

Фрагменты

Друзьям моим

Le temps présent est gros de l'avenir.
*Leibnitz*¹

Книга первая

НАЧАТО 1792 ГОДА ГЕНВАРЯ 15.
ИЛИМСК.

Нечаянное мое преселение в страну отдаленную, разлучив меня с вами, возлюбленные мои, отъезжая почти надежду видеться когда-либо с вами, побудило меня обратить мысль мою на будущее состояние

моего существа, на то состояние человека, когда разрушится его состав, прервется жизнь и чувствование, словом, на то состояние, в котором человек находится будет или может находиться по смерти. Не удивляйтесь, мои возлюбленные, что я мысль мою несу в страну неведомую и устремляюсь в область гаданий, предположений, систем; вы, вы тому единственною виною. В необходимости лишиться, может быть, навсегда надежды видеться с вами я уловить хочу, пускай не ясность и не очевидность, но хотя правдоподобие или же токмо единую возможность, что некогда, и где — не ведаю, облобызаю паки друзей моих и скажу им (каким языком — теперь не понимаю): *люблю вас попрежнему!* А если бы волшебная некая сила пренесла меня в сие мгновение в обитаемую вами храмину, я бы прижал вас к моему сердцу; тогда все будущее и самая вечность исчезли бы, как сон.

Обратим взор наш на человека; рассмотрим самих себя; проникнем оком любопытным во внутренность нашу и потщимся из того, что мы есть, определить или, по крайней мере, угадать, что мы будем или быть можем; а если найдем, что бытие наше, или, лучше сказать, наша единственность, сие столь чувствуемое я, продлится за предел дней наших на мгновение хотя едино, то воскликнем в радовании сердечном: мы будем паки совокупны; мы можем быть блаженны; мы будем! — Будем?.. Помедлим заключением, любезные мои! сердце в восторге нередко ввергало разум в заблуждение.

Прежде нежели (как будто новый некий пророчец) я прорекую человеку, что он будет или быть может по разрушении тела его, я скажу, что человек был до его рождения. Изведши его на свет, я провлеку его полегоньку чрез терние житейское и, дыхание потом исторгнув, ввергну в вечность. Где был ты, доколе члены твои не образовались; прежде нежели ты узрел светило дневное? что был ты, существо, всесилию и всеведению сопричастное в бодрственные твои лета? Измерял ли ты обширность небесных кругов до твоего воплощения? или пылинка, математической почти точке подобная, носился в неизмеримости и вечности, теряясь в бездне веществ-

ва? — Вопросы дерзновенные, возлюбленные мои! но вопросы, подлежащие моему слову.

Удалим от нас все предрассудки, все предубеждения и, водимые светильником опытности, постараемся во стезе, к истине ведущей, собрать несколько фактов, кои нам могут руководствовать в познании естественности. Не во внутренность ее проникнуть настоит нам возможность, но разве уловить малую нить для руководствования в постижении постепенного ее шествия, оставляя существам, человека превышающим, созерцать ее внутренность и понимать всю связь ее деяний. Но сколь шествие в испытании природы ни препинаемо препятствиями разнородными, разыскатель причину вещи, деяния или действия не в воображении отыскивать долженствует или, как древний гадатель, обманывая сам себя и других, не на вымысле каком-либо основать ее имеет; но, разыскивая, как вещь, деяние или действие суть, он обнаружит тесные и неясственные сопряжения их с другими вещами, деяниями или действиями; сблизит факты однородные и сходственные, раздробит их, рассмотрит их сходственности, и, раздробляя паки истекающие из того следствия, он, поступая от одного следствия к другому, достигнет и вознесется до общего начала, которое, как средоточие истины, озарит все стези, к оной ведущие.

Поищем таковых в природе фактов, до предожественного существования человека касающихся, и обратим внимание наше на них.

Человек зачинается во чреве жены. Сие есть естественное происшествие. Он зачинается во чреве жены, в нем растет и, дозрев по девятимесячном в утробе матерней пребывании, исходит на свет, снабженный всеми органами чувств, глагола и разума, которые усовершенствования достигать могут постепенно; сие всем известно. Но деяние пророждения, то-есть образ, как зародыш делается, растет, совершенствуется, есть и пребывает доселе таинством, от пронизательнейших очей сокровенным. Любопытство наше в познании сего таинства удовлетворяем по возможности и не токмо могли видеть, как постепенно животное растет по зачатию своем, но счастливые случаи, любопытством неутомимым соглядаемые,

послужили наукам в пользу, и в России имеем прекрасное собрание растущих зародышей² от первого почти дня зачатия даже до рождения. Каким же образом происходит зачатие и питание или приращение, остается еще вопросом, который в одних токмо догадках доселе имел решение. Но при сем, во мраке погруженном, деянии естественном можем провидеть нечто поучительное и луч слабый на испытание изливающее. Мы видим, что семя, от которого зародыш зачинается, в некоторых животных существует в матери до плододояния; но для развержения, дляращения бессильно. Сие в животных пернатых видим ясно. Яйцо есть сие семя, и до плододояния содержит в себе те же, существенность его составляющие, части — белок и желток. Но если мы обратим взоры наши на существа, единою степенью на лестнице творений от животных отстоящие; если мы рассмотрим земную собратию нашу, растения, отличающуюся от животных лишением местоменяющейся способности и следствием, может быть, оной способности — чувствования, — то мы увидим ясно, что для произведения высочайшего кедра, сосны или дуба равно нужно зерно, или семя, как для произведения малейшей травы, на дерне стелющейся, или по голом камени растущего мха.

Итак, о растениях и о птицах можно не токмо сказать с вероятностию, но почти с убедительною ясностию, что семя существует не токмо до зачатия, но и до плододояния. Сие, однакоже, для тех и для других необходимо, и самка без самца * семя дает бесплодное. Заключение выводя по правилу сходственности, сказать можно то же о всех животных и о самом человеке. Итак, заключим, что человек преджил до зачатия своего, или, сказать правильнее, семя, содержащее будущего человека, существовало; но жизни, то-есть способности расти и образоваться, лишено. Следует, что нужна причина, которая воззовет его к жизни и к бытию действительному, ибо бытие без жизни хотя не есть смерть, но полуничтожество и менее почти смерти.

* * * Славный естествоиспытатель Линней привел в ясность различие полов в растениях и плододояние их посредством цветочной пыли, без коей цвет в плод превратиться не может.

Восходя таким образом от факта известного до вероятного, можно почти безошибочно сказать, что человек существует в жене до зачатия своего, но в полуничтожном своем виде; и нужна необходимо плододейтельная влажность мужеская, чтобы воззвать семя от бездейтельности к деянию, от полуничтожества к жизни.

Семя мужеское есть средство, коим семя жены становится зародыш, как то из предыдущего следует: оно дает жизнь. И если нужно, чтобы бездейственная вещественность для получения движения имела начальное ударение, то для дания жизни нужно также ударение плододейтельного сока. Если мы рассмотрим сопутствующие деянию зарождения обстоятельства в животных (даже в растениях сие приметно, хотя не столь явственно), а паче в человеке, то ударение, которое мужеский плододейтельный сок впечатлевает семени, не может почесться простым или единственно механическим. Сверх того, что сок сей имеет свойство весьма подстрекающее и способное возбуждать раздраженность семени женского, что он его пронизает, кормит и образует, но воззри, до коликой степени возвышенна раздраженность и чувственность во время плотского соития; воззри, koliko живоносным веселием оно сопутствуемо; измерь, если можешь, на весах естественности и сие веселие и притяжание плотское и любовь. Или сия так же естественна и в естественности имеет свое начало; но как пища, поглощенная желудком, превратяся в питательное млеко, или хил, умножа груды крови в животном, протекает неисчисленными и неудобозримыми ходами и, очищаяся в нечисленных железах, достигает самого мозга, возобновляет его состав и, протекши и прешед тончайшие его каналы, производит нервную жидкость, едва понимаемую, но никогда не зренную. Но сего мало. Кусок хлеба, тобою поглощенный, превратится в орган твоя мысли. Тако любовь, прияв начало в телесности, в действии своем столь же далеко отстоит от начала своего, как кусок, снедаемый от действия мозга в мысленной силе. О, ты, вкушавший в объятиях возлюбленная супруги кратчайшее, но величайшее веселие на земли, на тебя ссылаюся; ве-

щай, не казалось ли тебе, что се конец бывает твоя жизни! Я не сладострастную здесь картину начертать намерен, но действие. Раздраженность всех частей тела, ею одаренных, чувствительность тех, коим она свойственна *, возвышаются в сию минуту до такой степени, что кажется, тут предел бывает жизни. И действительно, были примеры, что люди в соитии жизни лишались **. Иначе быть тому нельзя; се настоит прехождение от ничтожества к бытию, се жизнь сообщается. Не удивительно, что после соития слабость приметна в животном: он уделил жизни своя, коея нужное количество для своего состава он паки приобретет пищею, извлекая жизнь из того, чем питается, ибо все, его питающее, есть живо.

Но в сем безжизненном состоянии человека, когда он не есть еще зародыш, но семя, или зерно, может ли он почестся человеком, может ли причтен быть к тварям разумным? Вопрос самый пустой и не стоящий ответа, если бы за ним не следовал другой, более казистый и вид сомнения имеющий. Что есть человек, и где он есть до произведения семени, из коего родиться имеет? Ибо, если можем понять, что семя предсуществует зачатию, то оно предсуществует в самке известной; но где оно было, доколе в ней не образовалось в виде семени?

Дерзновенный, ты хочешь взойти до бесконечности; но возри на свое сложение; ты едва от земли отделен, и если бы око твое не водило тебя до пределов, солнечной системе смежных, и мысль твоя не летала в преддверие вечности, мог ли бы ты чем-либо отличен быть от пресмыкающихся? Вооружай зрение твое телескопами, за дальнейшие неподвижные звезды досягающими; вооружай его микроскопами, в миллионы миллионов раз увеличивающими,— что узришь ты? что ты ни на единую черту от данного тебе пребывания отделиться не можешь, не взирая на недавнее твое и столь величественное воскресение. И узришь хотя часть органа, мысль тебе даю-

* * *

* Славный Галлер доказал, что иные части чувственны, другие только раздражительны.

** Не говоря о других, можно в пример привести известного живописца Рафаэля.

щего; но какое стекло даст узреть тебе твое чувствование? Безумный! оно ему не подлжит. Устремляй мысль свою; воспаряй воображение; ты мыслишь органом телесным, как можешь представить себе что-либо опричь телесности? Обнажи умствование твое от слов и звуков, телесность явится пред тобою всецела, ибо ты — она, все прочее — догадка.

Но дадим ответ на предыдущие вопросы, сколь нелепы они бы ни были. Если не достоверно, но хотя вероятно, что человек предсуществовал зачатию в семени, то суть две возможности, где существовало сие семя, опричь той вероятности, что оно в жене начиналося, а сие есть вероятнейшее других предположение³. Но скажем хотя слово о них. Или семя содержалося одно в другом, из разверзшихся прежде его в бытие, и содержит в себе все семена, сколько их быть может, одно в другом до бесконечности. Или семя сие есть часть прежнего, которое было часть другого, прежде его к жизни воззванного, и может делиться паки на столько частей или новых семян, сколько то быть должно и может; равномерно и отделенные от него части паки делимы быть имеют до бесконечности. Бесконечность... о, безумные мы! все, чего измерить не можем, для нас есть бесконечно; все, чему в продолжении не умеем назначить предела, вечно. Но для чего не утверждать, как то сказали мы выше, что семя образуется в жене? Ибо, если чувствительность, мысль и все свойства человека (не говоря о животных и растениях) образуются в нем постепенно и совершенствуют, то для чего не сказать, что и жизнь, которая в семени, яко в хранилище, пребывать имеет*, доколе не изведет на развержение, образуется в органах человека. Ибо всякая сила, не токмо действующая в человеке, но в вселенной вообще, действует органом; по крайней мере, мы иначе никакой силы постигать не можем. Когда всесильный восхотел, чтоб движение и жизнь нам явны быть могли, он поставил солнце: вот чувст-

* * *
* Не возможно ли уподобить душу металлу минерализованному? Когда огонь руду проникнет, металл отделяется и явится в своем блеске: так и огонь жизни, проникнув семя, являет душу.

венный его орган! Почто же дивиться, что смертные его боготворили?

Прейдем к другому вопросу. Семя до зачатия, или человек в предрождественном своем состоянии, мог ли почестся тварью разумною, или, другими словами, сопряжена ли была душа с семенем, доколе не прешло семя в зародыш? Какое слабое удовлетворение твоему высокомерию, если и согласимся дать семени душу! Но что сия душа? свойство ее жизни, или в совершенном возрасте человека есть чувствовать и мыслить; а понеже ведаем, что чувственные орудия суть нервы, а орудие мысли, мозг, есть источник нерв, что без него или же только с его повреждением или болезнью тела исчезает понятие, воображение, память, рассудок; что нервы толико тупеть могут, что суть иногда в болезненном состоянии тела почти бесчувственны; если же общий закон природы есть, что сила не иначе действует (для нас по крайней мере), как органом или орудием, то скажем, не обинуясь, что до рождения, а паче до зачатия своего человек есть семя и не может быть что-либо иное. Бесчувствен, нем, не ощущай, как может быть разумною тварию? И хотя бы (согласимся и на то), хотя бы душа жила в семени до начатия веков, но когда она начинает действовать и мыслить, того не знает, не воспоминает, что она когда-либо была жива. А поелику не помнит о своем предрождественном состоянии, то человек настоящий, я настоящее, я, отличающееся от всех других обратных мне существ, не есть то я, что было; а хотя бы я нынешнее то же я было, которое было в предрождественном состоянии, но что в том мне пользы? Нет тождественности души в двух состояниях, то-есть в нынешнем и предрождественном*; не все ли равно, что она не существовала до зачатия или рождения.

* * *
* Нельзя ли сказать: несть тождественности души в рожденном ее состоянии и по смерти, ибо душа есть сила, действующая органом, а орган разрушится. Душа, лишенная воспоминания воплощенного ее состояния, будет особенна, будет высшее существо, потому что напомним лишение лишит ее всего, что нас терзает: она будет я. Итак, соединится ли она со своим началом или пребудет особенна, но будет высшее существо?

Но нет ли какой-либо возможности, что душа может существовать с семенем сопряженна до зачатия зародыша? Вы видели, мои возлюбленные, что все предыдущие умствования суть предположительные или паче гадательные, то и сие мнение о предрождественном существовании души, поелику противоречия в себе не заключает, есть возможно. А если к тому присовокупим, что поелику всякая сила действует свойственным ей органом и семя есть орган, для действия души определенный, но не разверженный, то можно сказать, что сила живет в органе и душа в семени; ибо если орган или семя не развержено и неустроено, то из того не следует, чтобы оно было мертво, ибо смерть есть разрушение, или паче, как то увидим далее, смерть не существует в природе, но существует разрушение, а, следствие, одно токмо преобразование. Присовокупим к сему предварительно, что как из опытов знаем, что по разрушении каждая частица отходит к своей стихии, или началу, да паки в сложение преидет, то сила жизни не отойдет ли к своему началу или стихии; и поелику стихия каждая одинакова, то частица оной может пребывать семени совокупна ⁴.

Вот что возможно сказать о предрождественном состоянии человека; но и тут, как видите, друзья мои, много предположений, систем догадок. Таково есть положение наше, что мы едва ли можем удостоверены быть о том токмо, что предлежит нашим чувствам. Сведение о вещах внутрезрительное несть свойство нашего разума. Если чего не ощущаем, то заключаем по сходствию. И дабы вам сие изъяснить примером, мы по сходствию токмо заключаем, что рождены и смертны есмы. Итак, о прошедшем и будущем своем состоянии человек судит по сходствию. Блажен, если жребий его не есть блуждение!

Се настал час бытия и жизни! О, всеильный! отпусти дерзновение мое; я умствованием одним угадать тебя тщуся, доколе не воззван к жизни! Но я живу и тебя чувствую. О, всеильный! в том нет дерзновения!

Представим себе мужа и жену в цветущих силою летах, горящих взаимною любовью; представим себе невинные их лобзания, преддверие веселия.

Представим их на непорочном ложе вкушающих его приятности, ужели думаешь, что восторг, исступление, забвение самого себя (во время соития) суть напрасны и должны существовать без намерения? Когда есть цель малейшему микроскопическому зверку, ужели думаешь, что величайшее плотское веселие не имеет оной? И можно ли в ней ошибиться! Намерение есть чувствование, цель — жизнь.

Уже жена зачала во чреве; уже зародыш жив. Сердце, сей источник крови и вѣемлище ее, в нем биет даже с первого дня соития. Началось кормление *, ращение. Уже мало-помалу члены его образуются. Каждое волокно ищет своих подруг, с коими согрудится **, и составляются мышцы. Но паче всего образуется голова, растет больше и величает. В ней пребывание чувствий и умственных сил! — Пребыв во чреве жены predeterminedенные девять месяцев, зародыш стал дитя ***. Орудия движения, чувствия, голоса и жизни получили свое дополнение; основание уже положено разумным силам, орган их уже готов, как гладкая таблица готова на восприятие впечатлений. Упругость, содрогательность существуют уже в образованном, да некогда произведут страсти, притяжение и отвращение. И се рождается дитя — человек да будет.

Итак исшел на свет совершеннейший из тварей, венец сложений вещественных, царь земли, но единокровный сродственник, брат всему на земле живущему, не токмо зверю, птице, рыбе, насекомому, черепокожному, полипу, но растению, грибу, мху, плесне, металлу, стеклу, камню, земле. Ибо, сколь

* * *

* Человек во чреве образуется подобно растению: он кормится пуповиною, как растение корнем.

** Peut-être les affinités suivent les loix de la force magnétique ou électrique; ne pourrait on pas dire que l'affinité est universelle par les intermédiaires, S'il y a des affinités doubles, n'y peut il y avoir des triples etc ⁵.

*** Легкое его еще не дышит, а большая грудная железа сосет; кажется, и у человека нет еще правых сердечных камер, и вместо крови белый сок протекает его жилы. Сердце потом образуется, кровь краснеет, и хотя легкого не касается, но обращение ее живее. Все в нем пульс; и как скоро выходит на свет, воздух и млеко составляют его пищу; самая боль и всякая потребность дают ему случай всосать теплоту тысячью стезями ⁶.

ни искусственно его сложение, начальные части его следуют одному закону с родящимся под землею. Если кристалл, металл или другой какой-либо камень образуется вследствие закона смежности, то и части, человека составляющие, тому же следуют правилу. Если он зарождается и растет во чреве матернем, прилежное разыскание показывает (хотя еще внимания на то не обращено), что для образования чего-либо и в царстве ископаемом нужна матка; и если в животных то издревле известно, что матка без му[же]ского сообщения бесплодна, то ныне явно уже о растениях и о подземных вероятно *. Но если кристаллизация, если руденение далеко отстоят от зачатия, питания и рождения, не образование ли есть цель того и другого? Образование есть видимое действие,— но причина? не сомневайся! то же начало, которое жизнь тебе дает, действует и в законе смежности.

Мы не унижаем человека, находя сходственности в его сложении с другими тварями, показуя, что он в сущности следует одинаковым с ними законам. И как иначе то быть может? не веществен ли он? Но намерение наше, показав его в вещественности и единообразности, показать его отличие; и тогда не узрим ли мы сопричастность его высшему порядку существ, которых можно токмо угадать бытие, но ни ощущать чувствами, ни понимать существенного сложения невозможно.

Человек, сходствуя с подземными, наипаче сходствует с растениями. Мы не скажем, как некоторые умствователи: человек есть растение⁷, ибо, хотя в обоих находятся великие сходства, но разность между ими неизмерима. В растении находим мы жилы, питательный сок, в оных обращающийся; находим различие полов, матку, плододение мужское, семя, зачатие, ращение, детство, мужественные лета, произведение, старость, смерть; следовательно, растение есть существо живое, а может быть — и чувствительное, (да не остановимся при словах!), но чувствен-

* * *
* Что есть металлическая жила, что земля купоросная, селитренная, если не матки? что пары металлические, купоросный и селитренный газ, если не мужской сок? ⁶

ность сия есть другого рода, может быть, одна токмо раздражительность. А паче всего вертикальное положение растений сходственно единому человеку. Хотя в растениях чувствительность не явна (и самая чувственница из сего не исключается), но согласиться нельзя, чтобы обращение соков действовало в них по простым гидростатическим правилам. В них существует истинная жизнь. Они на земли не для обновления токмо родов своих, но служат в пищу высшей степени существам. Сие есть одна простая догадка, но поелику органическое тело сохраниться может токмо пищею, то каждый род органических веществ питается веществами органическими же в разных их видах и сложениях; а питаясь сходствующими с органами его веществами, не жизнь ли он принимает в пищу, которая, почерпаясь из нижнего рода веществ, протекши и процедясь, так сказать, сквозь бесчисленные каналы, единообразуется той, которая органы его движет.

Паче всего сходственность человека примечательна с животными. Равно как и они, он отличается от растений тем, что имеет уста. Растение, стоя в нижней степени существ земных, есть вся уста, по выражению одного известного писателя⁹. Сок из земли корнями, росу же небесную сосет оно листовием. Человек уже отличается, как и другие животные, от насекомых, ибо и сии, как гниды, суть токмо рот, желудок и его продолжение. Все органы, коими одарен человек, имеют и животные, разумея в назначенной их постепенности. Слух, обоняние, вкус, осязание, взор все они имеют. Побуждение к пище равно терзательно и усладительно для всех живущих на лице земли, не исключая и растений. Исторгни его из недр земного, или замкни токмо источники небесные, цвет увянет, иссохнет корень, отпадет листовие, и вместо красящегося зеленостию листов и всеми цветами раздробленного луча солнечного в цвету своем, узришь его поросшее мхом и плеснию подернутое, переходящее в разрушение. Равномерно, отыми яства от животного и человека, возбуди алчбу и жажду в недрах его, лиша его всего того, что обновляет в нем кровь, дыхание и жизнь, ты скоро узришь страшные признаки смерти, окрест его летающия. Шествие

будет токмо доколе не изнеможет. Взоры поникли, коими жизнь, кажется, помалу иступает, глаза въямившиеся, тело все обвисло морщинами; но вскоре остатки жизни превращаются в болезни лютые, в нестерпимые корчи и судороги, и будто жизнь, сие неведомое нами существо, в каждой фибре, в каждой нерве заключенное и растворенное, так сказать, во всех соках и твердых частях телес животных, жизнь начнет отделяться сперва с великим возбуждением чувственности, раздражительность вникает при конечном расслаблении, чувствительность живет при исчезании, и жизнь, сей безвещественный огонь, дав животному вздохнуть в последние, излетает. Труп хладеет, кровь, лимфа и водяность приходят в согнительное воскипение, все члены распадаются, каждое начало отходит к своей стихии, каменородная часть животного, кости, противятся несколько времени проникшему в него тлению; но скоро могущественность воздуха, разрушив известное их сложение, разделит их на составляющие их части и, иссав в воздухообразном виде содержащуюся в них кислоту, остатки предаст земле.

Человек, сходяствуя в побуждении к питанию с животными, равно сходяствует он с ними и растениями в плодородии. С большими и многими малыми животными он даже сходяственные имеет уды детородные. Они все отстоят от главы в отдаленности, а вследствие возникшего положения человека они лежат в нижней его половине. Напротив того, они суть глава растений и их краса. Цветок! — О, ты, возмогший пронизательностию твоею узреть сие таинство природы, бессмертный Линней, не возгнушайся жертвоприношением желающего тебя постигнуть! — цветок есть одр любовный, ложе брачное, на коем совершается таинство порождения¹⁰. — Хотя многие животные, как то все птицы, разнствуют от человека в порождении, но сходяствуют с ним все живорождающие. Многие самки носят девять месяцев; родят обыкновенно одного, и дитя свое воскармливают сосцами своими.

Внутренность человека равномерно сходяствует со внутренностию животных: кости суть основание тела; мышцы — орудия произвольного движения;

нервы — причина чувствования; легкое равно в них дышит; желудок устроен для одинаковых упражнений; кровь обращается в артериях и венах, имея началом сердце с четырьмя его отделениями; лимфа движется в своих каналах, строение желез и всех отделительных каналов, чашечная ткань и наполняющий ее жир, наконец, мозг и зависящие от него деяния: понятие, память, рассудок. Не унижит то человека, если скажем, что звери имеют способность размышлять. Тот, кто их одарил чувствительностию, дал им мысль, склонности и страсти; и нет в человеке, может быть, ни единыя склонности, ни единыя добродетели, коих бы сходственности в животных не находилоя.

Нашед многочисленныя сходственности между животными и человеком, нужно нам видеть и то, чем он отличествует от всех других животных, живущих на земле. Возниченный его образ отличает его внешность приметным образом и есть ему одному на земле свойствен. Хотя медведь становится на задние лапы, а обезьяны ходят и бегают на них, но сложение ног человеческих доказывает, что ему одному прямо ходить должно. Хотя сие хождение есть следствие искусственнейшего учения, хотя были примеры, что человек имел четвероножное шествие*, но из того не следует, что оно ему свойственно вследствие его сложения. Широкая его ступня, большой у ноги палец и положение других с движущими ступню мышцами суть явное доказательство, что человек не пресмыкаться должен по земле, а смотреть за ее пределы¹¹. Но сие-то и есть паче всего человека отличающее качество, что совершенствовать он может, равно и развращаться; пределы тому и другому еще неизвестны. Но какое животное толико успевать может в добром и худом, как человек? Речь его и все оныя следствия, зверство его неограниченное, убивая братию свою хладнокровно, повинуюся власти, которую сам создал; и какой зверь снедает себе подобного из лакомства, разве не он? Напротив, какое великодушие, отринование самого себя! Но о сем говорить еще не место.

Оставляя теперь все следствия возниченного поло-

* * *

* Пример младенца и диких.

жения человека, мы находим, что сложение его паче всех животных беззащитнейшее; а хотя нежнейший имеет состав, но твердейшее имеет здравие. Все звери, или паче животные живут в свойственном для них климате. Слон живет под жарким поясом, медведь белый — на льдинах Северного океана; но человек рассеян во всех климатах. Гладкая и бесшерстная, но твердая его кожа противостоит всем непогодам и водворяется во всех странах света. Но самая сия беззащитность родила вымысел, и человек облекся в одежду. Но не от единыя нагости восприял он свой покров. Если она была к тому побуждением в холодном климате, живучи под равноденственным кругом не токмо казалася не нужна одежда, но тягостен и малейший на теле покров. Однакож мы противное тому видим. Жители Гвинеи, Сенегала, Нигера, Конго носят опоясье. Сколь чувствования народов сих ни притупленны, но стыдливость есть корень сего обыкновения. Сие суждение не есть произвольное или догадка; когда самки некоторых зверей дубравных чувствуют сие движение, когда многих родов самки ждут прислуги самца и обуздывают, так сказать, свою похотливость, то ужели самке человеческой стыд будет чужд? Возниченное положение, открывая детородные части в человеке, влечет, кажется, за собою неминуемое следствие — опояску¹².

Паче всего кажется человек к силам умственным образован *. Горизонтальное положение всех зверей, обращая зрение их, обоняние и вкус книзу, кажется наипаче определяет их блаженствовать в насыщении желудка, ибо и другое чувственное блаженство, сонитие, всем зверям есть временно **. Самую обезьяну, и совершеннейшую из них и наиболее на человека похожую, орангутанга, из сего исключать не должно. Руки ее и ноги не сходятствуют с человеческими, так, как и вся почти внешность. Сколь некоторые роды людей, например эскимы и другие, внешностию ни

* * *
* Он превратил климаты, в холодной полосе он зной ощущает; он подвержен многим болезням, но живет долее земных зверей. Детство, отрочество, юность долее в нем. Он долее всех учиться должен, ибо должен иметь более знания других.

** Одному человеку не поставлено в нем меры.

уродливы (если можно разнообразие природы почесть уродством), но члены их соразмернее обезьяны. Бюффон называет род обезьян животным четверо-руким; но, не взирая на слабое сходствие очертаний у них с человеком, причтем и их к четвероногим, ибо по их сложению не имеют они той точки равновесия, которая, воздымая человека от земли, шествие его делает возникшим и вид приятным. Череп его круглеет, лоб воздымается, нос становится острее, две ровные губы составляют уста, где обитает улыбка.

Казалось бы, что понеже человек, наипаче к мысленным действиям определенный, иметь долженствовал отменное во всем образовании головного мозга, в котором, как то всякому чувствуемо, обитает мысль; и хотя находятся некоторые в нем отмены против мозга других животных, но доселе сие различие столь найдено, повидимому, маловажно, что нельзя сказать, в чем точно состоит преимущественная отмена в сложении мозга человеческого против мозга больших животных. Сверх же того, анатомия не была еще руководительницею к познанию, от чего в мозгу зависит память, воображение, рассудок и другие умственные силы. Сколь на сей конец опыты Галлеровы ни были многочисленны, но света действия умственные человеческия главы не распростерли. Доселе оно кажется трудно, а может быть, совсем невозможно, если рассудишь, что действие разума есть неразделимо. И хотя толкователи сих действий решат оные неким (ими вымышленным) движением малейших фибр мозговых, но, где находится среда, в которую все сии движения стекаются, никто не видал, ибо пинеальная железа¹³, мозольное тело суть ли истинное пребывание души, о том только прежде сего гадали, а ныне молчат. Распространение просвещения и общий разум показали, что опыты суть основание всего естественного познания. Итак, может быть, одно соразмерное сложение мозга, изящнейшее его положение, так, как приятная внешность человека, суть истинное отличие человеческого мозга в его образовании.

Некоторые писатели, представив себе мысленные линии, по человеческому образу проведенные, находили в большем или меньшем углу, от пресечения

сих линий происходящем, различие человека от других животных, даже различие между народами; а известный Лафатер в углу, также мысленно начертанном, не только находил различие разумов между людей, но оно выдавал за непреложное правило. Но оставим правила вероятной, но далеко распростертой и от того бессущественной его физиогномии; скажем нечто о других. Кампер проводит линию чрез утлость уха до основания носа и другую линию с верхнего края лобных кости до наиболее иссунувшейся части бороды. В углу, где пересекаются сии линии, он находит различие животных от человека, а наипаче различие народов и определение их красоты. Птицы начертает, говорит Кампер, самый малейший угол. Чем более угол сей расширяется, тем животное сходственнее становится в образе своем человеку. Обезьяны имеют в образе своем сей угол от 42 до 50 степеней; сия последняя степень уже человекообразна. Европейцы 80, а греческая воображаемая красота от 90 степеней восходит до 100. Гердер, стараясь показать естественную сему причину, говорит, что она состоит в отношении животного к его горизонтальному или перпендикулярному строению и таковому положению его главы, от которого зависит счастливое положение головного мозга и красота и соразмерность всех личных частей. Протяни, говорит он, линии от последня шейных кости, первую до точки, где кончится затылок, другую до высоты темя, третью до самого переда лба и линию до окончания бороды, то явно будет не только различие в образовании головы, но и самая причина оная, то-есть, что все зависит от строения и направления сих частей к горизонтальному или перпендикулярному шествию¹⁴.

Вот как человек пресмыкается в стезе, когда он хочет уловить природу в ее действиях. Он воображает себе точки, линии, когда подражать хочет ее образам; воображает себе движение, тяжественность, притяжение, когда истолковать хочет ее силы; делит время годами, днями, часами, когда хочет изразить ее шествие, или свой шаг ставит мерою ее всеобъемлющему пространству. Но мера ее не шаг есть и не миллионы миллионов шагов, а беспредель-

ность; время есть не ее, но человеческое; силы же ее и образы суть токмо всеобщая жизнь.

Гельвеций не без вероятности утверждал, что руки были человеку путеводительницы к разуму¹⁵. И поистине, чему одолжен он изобретением всех художеств, всех рукоделий, всех пособий, для наук нужных? Но сие в человеке изящнейшее чувство осязания не ограничено на единые персты рук. Примеры видели удивительнейшие, что возможет человек, лишенный сих нужных для него членов. Если чувство его осязания не столь изощренно, как осязание паука, то нет ему в том нужды; оно бы было ему бесполезно, ибо несоразмерно бы было другим его чувствам и самому понятию его. Равным образом, отделяясь от лица земли вследствие своего строения, чувство обоняния и вкуса в нем притупели, ибо прокормление не стало быть его первейшею целию. А хотя оно ему необходимо, то рука его, вооруженная искусством, заменяет стократно недостаток его в изящности помянутых двух чувств. Но и тут с лучшим правдоподобием сказать можно, что вкус и обоняние суть в человеке изящнее, нежели в прочих животных. Если он не равняется обонянием со псом, следы зверя оным угадывающего, то сколь изыскателен он в благовонии следов. Сравни сладострастного сибарита или жителя пышных столиц в действиях вкуса и обоняния с действием тех же чувств в животных и скажи, где будет перевес.

Человек равно преимуществует пред другими животными в чувствах зрения и слуха. Какое ухо ощущает благогласие звуков паче человеческого? Если оно в других животных (пускай слух и был бы в них изящнейший) служит токмо на отдаление опасности, на открытие удовлетворительного в пище, в человеке звук имеет тайное сопряжение с его внутренностию. Одни, может быть, певчие птицы могут быть причастны чувствованию благогласия*. Птица поет, извлекает звуки из гортани своей, но ощущает ли она, как человек, все страсти, которые он един токмо на земле удобен ощущать при размерном сложении

* * *

* Могли ли бы они петь благогласно, не чувствуя благогласия?

звучков? О, вы, душу в иступление приводящие, Глюк, Паизелло, Моцарт, Гайден, о, вы, орудие сих изящных слагателей звуков, Маркези, Мара¹⁶, неужели вы не разнствуете с чижом или соловьем? Не птицы благопевчие были учителя человека в музыке; то было его собственное ухо, коего вглубленное перед другими животными в голове положение * всякий звук, с мыслию сопряженный, несет прямо в душу.

Орел, паря превыше облаков, зрит с высоты своего возлетения кроющуюся под травным листием свою снедь. Человек не столь имеет чувство зрения дальновидно, как он; миллионы животных ускользают от его взора своею малостию; но кто паче его возмог вооружить свое зрение? Он его расширил почти до беспредельности. С одного конца досязает туда, куда прежде единою мыслию достигать мог; с другого — превышает почти и самое воображение. Кто может сравниться с Левенгуком, с Гершелем?

Но изящность зрения человеческого наипаче состоит в созерцании соразмерностей в образах естественных. Не изящность ли зрения, изошренного искусством, произвела Аполлона Бельведерского, Венеру Медицейскую, картину Преображения¹⁷, Пантеон и церковь Св. Петра в Риме и все памятники живописи и ваяния?¹⁸

Но все сии преимущества обведены бы, может быть, были тесною чертою, если бы не одарен был человек способностью, ему одному свойственною, речью. Он един в природе велеречив, все другие живые его собратия немы. Он един имеет нужные для речи органы. Хотя многие животные звуки гортанию производят, хотя птицы паче других в органах голоса сходятся с человеком и некоторые изучиться могут произносить слова человеческия речи; но сорока, скворец или попугай не что иное суть в сем случае, как обезьяны, человеку подражающие в его телодвижениях. Но если попугай может подражать в произношении некоторых слов человеку, если снегирь или канарейка подражают своим пением пению человеческому, то

* * *

* Уши зверей заостренные и все лежащие. Рассмотрение уха певчих птиц будет когда-либо сему ясным доказательством.

человек в подражании всех звуков пения превышает всех животных; и справедливо его один английский писатель¹⁹ назвал *насмешником* между всеми земными тварями.

Речь есть, кажется, средство к собранию мыслей воедино; ее пособию одолжен человек всеми своими изобретениями и своим совершенствованием. Кто б помыслил, что столь малейшее орудие, язык, есть творец всего, что в человеке есть изящно. Правда, что он может без него обойтись и вместо речи говорить телодвижениями; правда, что в новейшие времена искусство, так сказать, мысли распростерто и на лишенных того чувства, которое к речи есть необходимо; но сколь бы шествие разума без звучная речи было томно и пресмыкающееся! О, ты *, возмогший речию одарить немого, ты, соделавший чудо, многие превышающее, не возмог бы ты ничего, если бы сам был безгласен, когда бы речь в тебе силы разума твоего не изошрила! Если немой, тобою наставленный, может причастен быть в твоих размышлениях, невероятно, чтобы разум его воспарил до изобретений речию одаренного. Хотя и то истинно, что лишение одного чувства укрепляет какое-либо другое; но вообще разум лишенного речи более изошряться будет подражанием, нежели собственною своею силою; не имеющий слуха коликих внутренних чувствований будет лишен, и, кажется, изъявления оных ему мало быть могут свойственны.— Итак, речь, расширяя мысленные в человеке силы, ощущает оных над собою действие и становится почти изъявлением всесилія²¹.

Осмотрев таким образом человека во внешности его и внутренности, посмотрим, каковы суть действия его сложения, и не найдем ли, наконец, чего-либо в них, что может дать вероятность бессмертия, или что, обнаружив какое-либо противоречие, идею второя жизни покажет нелепостию. Если заблуждение предлежит нам в стезе нашей, источник истины, всеотче! прости луч на разумение наше! Желание наше в познании нелицемерно и не тщеславием вождается, но любовью.

Из внешнего сложения человека видели мы, что менее всех других животных он способен к хищности.

* Аббе де Л'епе²⁰.

Пальцы его не вооружены острыми когтями для раздражения своей снеди, как у тигра; нет у него серпообразных клыков на отъятие жизни; напротив того, зубы его суть, кажется, доказательство, что пища овощная сходственнее его сложению, нежели мясная; да когда он и сию вкушает, то прежде изменит ее существенность варением. Итак, человек не есть животное хищное. С другой стороны, сложение его рук препятствует ему укрываться там, где могут животные, когти имеющие. Стоящее его положение препятствует ему избегать опасности бегством; но искусственные его персты доставляют ему оборону издали. Итак, человек, вследствие телесного своего сложения, рожден, кажется, к тишине и миролюбию. О, как он удаляется от своей цели! Железом и огнем вооружив руки свои, на произведение искусственных действий сложенные, он воссвирепел паче льва и тигра; он убивает не в снесь себе, но на увеселение, не голодом в отчаяние приведенный, но хладнокровно. О, тварь, чувствительнейшая из всех земнородных! на то ли тебе даны нервы?

Уже в некоторых животных примечается опрятность и благопристойность. Птица ошипывает носом своим перья, зверь лижет шерсть свою языком, а более всех других человек любит соблюдение своего благообразия. Хотя нередко страсти и неумеренность его обезображают, но примеры единственные не отвергают правила общего. Я преяду здесь охоту, примеченную во всех диких народах, к украшению своего тела; умолчу о той степени, на которой она находится в ученейших народах; не скажу ничего, сколь все украшения уродуют тело вместо усугубления его красоты; но что человеку благолепие сродно, то, с одной стороны, вообразим, что, когда он изящнейшие черты изобразить хочет, он изображает нагость. Облеки в одежду Медицинскую Венеру, она не что иное будет, как развратная жеманка европейских столиц; левая рука ее целомудреннее всех вообразимых одежд. С другой стороны, представь себе вид безобразный: власы растерзанные, лице испещренное жжением, колонием и краскою, уши или нос дырявые, губы разрезанные и зубы непокровенны, шея и чрево задавленные, ноги и персты сжатые. Привычка нас заставляет находить украшением то, что сами с некоторою отменою почитаем безобразно-

стию. Итак, свойственная человеку опрятность и благопристойность учили бы его сохранению своего образа в природном его виде, если бы превратность не учила другому. А ты, о, превратнейший из всех, ибо употребляешь насилие власти, о, законодавец тигр²²! почто дерзаешь уродовать благообразие человека? Он хотя преступник, но тот же человек. Вникни в его естественность, увидишь, что благообразие ему дано тем, кто жизнь ему дал. Ты уничижаешь его паче всякия твари, отъемля у него образование. И какая в том польза²³?

Следствием нежности в нервном сложении и раздражительности в сложении фибров человек паче всех есть существо соучаствующее. Соучаствование таковое в животных уже примечается: звери стекаются к испускающему жизнь брату их. Но паче всех одарен им человек. Жаль видеть обезображение даже неодушевленного. Вздохнешь, видя великолепные развалины; вздохнешь, видя следы опустошения, когда огонь и сталь распростирают смерть по лугам и нивам. Преселись на место, где позыбнулись земли до основания. Хотя бы животные избегли бедствий естественных и гнева стихий, но глубокопроницающая печаль обойдет твое сердце, и ты, если не камень, потрясешься и восплачешь.

Наипаче таковое чувство возбуждается в нас, взирая на скорбь и терзание животного. Стрела болезни пройдет душу, и она содрогнется. Обыкнув себя применять ко всему, человек в страждущем зрит себя и болезнует. Все чувство таковое, проникающее нас посредством органов глазных, производит в нас страх и ужас. Но томящееся журчание, но воздыхание, но стон, крик, визг, хрипленне выводит нас из нас самих, возбуждает исступление. Чувствование предвзряет рассудку, или, паче, человек во мгновение сие становится весь чувствование, рассудок молчит и страждет естественность. Человек сопечалится человеку, равно он ему и совеселится. Войди во храмину, где веселие распростерло жизнедательную масть свою в сердца, где около торжествующих все блещет радостью, где руки плещут и ноги сопутствуют восторгу, а паче грудь, исполненная утех, образует глас в радование, вздыхает от нежности или испускает крик веселостей; когда сердце и душа, исполняясь блаженства, явить

хочет свое наслаждение и гортань поет; скажи, если ты не Альцест или не Тимон²⁴, не воспоешь ли с поющими, не умножишь ли хоровода пляшущих? Когда разве дряхлость отъяла силу движения в ногах и лишила голос твой приятности, то не будешь участвовать в веселии общем. Но знай, что ты не токмо существо, соучаствующее всему чувствующему, но ты есть существо подражательное. Если можешь с безумными обезуметь, то там, где фирс²⁵ Вакхов вооружен блистает, как не быть тебе вакхантом²⁶?

Сие соучаствование человеку толико сосущественно, что на нем основал он свое увеселение, к немалой чести изобретению разума человеческого служащее. Скажи, не жмет ли и тебя змий, когда ты видишь изваяние Лаокоона²⁷? Не увядает ли твое сердце, когда смотришь на Маврикия²⁸, занесшего ногу во гроб? Скажи, что чувствуешь, видя произведение Корреджия или Альбана, и что возбуждает в тебе кисть Ангелики Кауфман? Исследовал ли ты все, что в тебе происходит, когда на позорище видишь бессмертные произведения Вольтера, Расина, Шекспира, Метастазия, Мольера и многих других, не исключая и нашего Сумарокова? — Не тебе ли Меропа²⁹, вознесши руку, вонзить хочет в грудь кинжал? Не ты ли Зопир, когда исступленный Сеид³⁰, вооруженный сталию, на злодеяние несется? Не трепещет ли дух в тебе, когда востревоженный сновидением Ричард³¹ требует лошади? «Нет у него детей!» — размышляет во мрачныхотихом мщении Макбет³²; что мыслишь, когда он сие производит? О, чувствительность, о, сладкое и колющее души свойство! тобою я блажен, тобою стражду!

Я не намерен здесь распространяться примерами о том, что каждому известно; но представьте себе и очарованное око театральным украшением, и ухо, отсылающее дрожание в состав нервов и фибров, возбужденное благогласием; представьте себе игру, природе совершенно подражающую, и слово, сладости несравненная исполненное; представьте все сие себе, и кто сказать может, что человек не превыше всего на земле поставлен? Увеселение юных дней моих! к которому сердце мое столь было прилеплено, в коем никогда не почерпал развратности, от коего отходил всегда паче и паче удобренный, будь утешением чад моих! Да при-

лепятся они к тебе более других утех! Будь им истинным упражнением, а не тратою драгоценного времени!

Мы сказали, что человек есть существо подражательное, и сие его свойство есть не что иное, как последование предыдущего или, лучше сказать, есть отрасль соучаствования. Я не разыскивал того прежде, но и теперь того же воздержуся, какой существует механизм в подражании и соучаствовании, как образ, вне нас лежащий, как звук, посторонним существом произнесенный, образуют внутренность нашу? Происходит ли то в первом случае какими-либо лучами, отражающимися от внешних тел, как будто электрическое вещество, исходящее заострениями, и несущими образ на сеть глазную посредством светильного вещества; производит ли, в другом случае, звук, раздающийся в ухе нашем и тимпан оною ударяющий, производит ли в нервах дрожание, струнному орудию подобное (что вероятно); или нервный сок, прияв в себя внешние образы, внутреннюю чувственную им сходственность соделывает? Я уже сказал, — в познаниях сих многие суть догадки; и мы, прешед причины, ибо нам они неизвестны, не скажем, *как* то происходит, ибо того не ведаем, но скажем: *оно есть*. Давно всем известно, что человек, живучи с другими, приемлет их привычки, походки и проч., даже самые склонности. В семейственной жизни сие наиболее приметно бывает. Не токмо дети имеют иногда привычки своих родителей или наставников, но имеют нередко их страсти. Примеры сему не токмо из истории почерпнуть бы можно было, но можно иметь их из ежедневного общежития. И неудивительно уже, что частое долговременное повторение одинакового действия всегда имея пред собою, может в привычку преобразиться; но подражательность столь свойственна человеку, что единое мгновение оную приводит в действительность. На сем свойстве человека основывали многие управление толпы многочисленных. Первый Сципион, обвиняемый пред народом в злоупотреблении своея власти во время предводительствования римскими войсками: «Народ! — воскликнул он, — сей день вождием моим вы победили неприятеля, воздадим благодарение богам!» и, не ждав нимало, пошел в Капитолию³³, — народ ему последовал, и обвинитель его посрамлен остался. Ужели думаете, что

убежденный благорассуждением народ римский шествовал за Сципионом? Нимало! ни десятой доле бывшим в собрании не было слышно его изречение. Он пошел, друзья его за ним, и все машинально ему следовали. В магнетизме Месмеровом³⁴ видели самое явное доказательство подражательности непреборимой. Сидящие около его чана едва одного из среды своей зрели в содрогании, все приходили в таковое же. Воображение ли над ними действовало или что другое, до того нет нам нужды; но что все чувствовали в нервной системе потрясение, то истинно. И сей нового рода врач, основав искусство свое на сем естественном подражании, приводил сим простым способом в движение, казалось, силу неизвестную. Но если бы помыслили, что буде в собрании, где наипаче объемлет скука, один зевнет, то все зевают, то бы Месмерово чудо таковым не казалось.

Различие полов, как то мы прежде уже видели, есть постановление природы повсеместное, на котором она основала сохранение родов не токмо животных, но растений, а может быть, и ископаемых. Постановив различие полов, она, может быть, столь же общим законом возродила в них одного к другому побуждение; и можем ли ведать, что сила притяжения, действующая в химических смежностях, не действует и в телах органических? Животное иначе живет, нежели растение; но кто отвергнет, что растение не живо? Чем более вникают в деяния природы, тем видима наиболее становится простота законов, коим следует она в своих деяниях. Итак, на различии полов основала она в человеке склонность к общежитию, из коея паки проистекают различные человеческие склонности и страсти. Но последуем ее постепенности.

Из различия полов следует склонность их одного к другому, склонность непреборимая, столь сладостная в сердце добродетельном, столь зверская в развратном. Толико могущественно, толико глубоко положила природа корень сея склонности, что единое произвольно кажущееся движение в растениях относится к ней. Я говорю здесь о так называемом сне растений.

В животных склонность сия временное имеет действие, но в человеке всегдашнее. В нем склонность сия хотя столь же почти необходима, как и в животных, но подчинена очарованиям приятности и оставлена его

управлению, выбору, произволу и умеренности. В человеке склонность сия хотя в младости разверзается, но позже, нежели во всех других животных, а потому самому может быть она в нем и продолжительнее. Она в человеке отличает тем, что сопрягает оба пола во взаимный союз непринужденно, и свободно, нередко на целый их век. Кто из животных, разве не человеческие супруги, могут сказать: мы два плоть единая, мы душа единая! — О, сладостный союз природы! почто ты толико и столь часто бываешь уродован³⁵?

От любви супружней проистекает любовь матерняя. Зачав во чреве своем, родив в болезни, питая своими сосцами *, дитя есть, поистине, отпрыск матери, отрасль совершенная, не по уподоблению токмо, но в самой существенности. Союз их есть почти механический. Да не унизим его таковым изречением; он есть органический и будет нравственный и духовный, когда вскармление разверзет все новорожденного силы и образует его внутренность и внешность. О, чувствования преизящные! в вас лежит корень всякие добродетели. Наилютейшее чудовище мягчится семейственною любовью. Преторгла ея природа скитание зверообразного человека, обуздала его нежностью, и первое общество возникло в доме отеческом. Продолжительное младенчество, продолжительная в неопытности юность приучает его к общежитию неприметно. Сопутник неотлучный матери, лежа у сосцев ее и пресмыкаясь на земле, он, воспрянув на ноги отвесно, бежит во след отцу, естественному своему учителю. Малолетство его подчиняет его родителям в рассуждении его слабости; юность то же производит неопытностью. Привычка, благодарность, уважение, почтение делают сей союз наитвердейшим. Вот первое общество, вот первое начальство и царство первое. Человек рожден для общежития. Поздое его совершеннолетие воспретит, да человеки не разыдутся, как звери. О, Руссо! куда тебя завлекла чувствительность необъятная ** ?

Человеку и, может быть, животному вообще, кажется быть свойственно, вследствие его чувственного

* * *
* Примечания достойно, что из видимых членов в человеке зубы совершаются после всех других.

** См.: «Discours sur l'origine de l'inégalité parmi les hommes».

состава, внутреннее ощущение правого и неправого. Не делай того другому, чего не хочешь, чтобы тебе случилось, если не есть правило, из сложения чувствительного человека проистекающее, то разве начертанное в нас перстом всевечного. Все превратности, все лжи, все неправды, злобы, убивства не в силах опровергнуть сего чувствования. Возникшая страсть запирает глас чувствительности, но ужели нет ее, когда лежит попоранна ³⁶?

Единому человеку между всех земных тварей удалось познать, что существует всеотец, всему начало, источник всех сил. Я здесь не буду говорить, что он доходит до сего познания силою разума, возносяся от действий к причинам, и, наконец, к высшей из всех причин; не разыщу, что познание бога проистекло от ужаса или радости и благодарности; понятие о всевышнем существе в нем есть; сам он его себе сложил или получил откуда, того мы не рассматриваем. Но то истинно, что когда разум, а паче сердце страстями незатменно, вся плоть, все кости ошущают над собою власть, их превышающую. Называй сие кто как хочет; но Гоббес, но Спиноза ее ошущали; и если ты не изверг, о, человек! то отца своего ты чувствовать должен, ибо он повсюду; он в тебе живет, и, что ты чувствуешь, есть дар вселюбящего.

Итак, познание бога может проистекать из единия нашей чувствительности, и познание сие есть ее упражнение, упражнение, ведущее к вершине земного блаженства, внутреннего удовольствия, добродетели.

О, смертный, познавай бога! утетишься, если страдаешь, возблаженствуешь паче, если блаженствуешь. Он жив, и ты дышишь; он жив будет вовеки, в тебе живет надежда, что и ты причастен будешь бессмертию. О, смертный! Отверзи очи твои, и узришь всеотца во свете * ³⁷.

* * *

* <В сем месте сочинитель нацертал только предметы, о которых рассуждать был намерен; вот они.— О различии людей в их чувствованиях и страстях и о степени оных в каждом человеке. От чего зависят темпераменты? Откуда различия в представлениях божества? Что оно часто похоже на человека, то неудивительно: человек его изображает, и поелику он человек, за человека зреть не может. Различие нравов, правлений и проч.) ³⁸.

Обозрев человека в его чувствованиях и действиях, оттуда пристокаемых, порядок требовал бы, чтобы мы показали его во всей его славе возносящегося превыше всего творения, постигающего начертание создания и сим возвышающим его дарованием, разумом, божеству уподобляющегося. Но для постижения, колико человек велик, нужно токмо воззреть на все его изобретения, на все вымыслы и творения. Науки, художества, общественная связь, законы суть доказательства избыточные, что человек превыше всего на земли поставлен. Но, рассматривая и удивляясь величественности его разума и рассудка, увидим, что сие существо, творцу вселенныя сопричащающееся, проникая незыблемыми стопами естественность, нередко уродствует; заблуждает; да и столь заблуждение ему почти сродно, что, прежде нежели истины достичь может, бродит во тьме и заблуждениях, рождая нелепости, небылицу, чудовищей. И в том самом, о, гордое существо, чем наипаче возноситься можешь, тем паче являешься смешон. Все, однакоже, заблуждения человека и нелепости суть доказательство мыслящего его существа и что мысль есть наисвойственнейшее качество его.

Второе, что при рассмотрении умственных сил человека явно становится, есть то, что многие его умственные силы следуют законам естественности, что сила воображения, например, зависит от климата и что люди совсем бы иначе нам предъявлялися, если бы естественное житие, правление, законы, нравы и обычаи не делали его совсем от того, как рожден, отменным. Одна теплая хранина климат преображает, и какие из того последствия? Не из того ли пристокают и несообразности, которые видны часто в людских нравах и законоположениях?

Третье, что при рассмотрении умственных сил человека явственно становится, есть различие, в оных примечаемое не токмо у одного народа с другим, но у человека с человеком. Но сколь один народ от другого ни отличествует, однако, вообразя возможность, что он может усовершенствоваться, найдем, что может он быть равен другому, что индийцы, древние греки, европейцы суть посреде [по чреде?]; на стезе совершенствования, из чего заключить можно, что развержение народного

разума зависит от стечения счастливых обстоятельств. Но совсем иначе судить должно о различии разумов между единственными человеками, и сколь Гельвеций ни остроумен, доказательства его о единосии разумов суть слабы ³⁹.

Четвертое, что замечается при рассмотрении разумных сил человека, есть то, что силы сии, ничто при рождении, разверзаются, укрепляются, совершенствуют, потом тупеют, ослабевают, немеют и исчезают; что сия постепенность следует постепенности в развержении и уничтожении сил телесных и что тесное есть сопряжение между плододетельного сока и человеческих умственных сил. Свидетельствуют тому брада или безумие, следствие несчастного самораствления. Но прежде всего скажем нечто о умственных силах человека, о действовании оных и о чудесности их.

Человек имеет силу быть о вещах сведому. Следует, что он имеет *силу познания*, которая может существовать и тогда, когда человек не познает. Следует, что бытие вещей независимо от силы познания о них и существует по себе ⁴⁰.

Мы вещи познаем двояко: 1-е, познавая перемены, которые вещи производят в силе познания; 2-е, познавая союз вещей с законами силы познания и с законами вещей. Первое называем *опыт*, второе — *рассуждение*. Опыт бывает двоякий: 1-е, поелику сила понятия познает вещи чувствованием, то называем чувственность, а перемена, в оной происходимая, — чувственный опыт; 2-е, познание отношения вещей между собою называем разум, а сведение о переменах нашего разума есть опыт разумный.

Посредством памяти мы воспоминаем о испытанных переменах нашей чувственности. Сведение о испытанном чувствовании называем представление.

Перемены нашего понятия, производимые отношениями вещей между собою, называем мысли.

Как чувственность отличается от разума, так отличается представление от мысли.

Мы познаем иногда бытие вещей, не испытывая от них перемены в силе понятия нашего. Сие назвали мы рассуждение. В отношении сей способности называем силу познания ум или рассудок. Итак, рассуждение есть употребление ума или рассудка.

Рассуждение есть не что иное, как прибавление к опытам, и в бытии вещей иначе нельзя удостовериться, как чрез опыт.

Вот краткое изображение сил умственных в человеке; но все сии виды силы познания нашего не суть различны в существовании своем, но она есть едина и неразделима.

Однакож, раздробляя, так сказать, силу познания или паче прилагая ее к разным предметам, ей надлежащим, человек воздвиг пространное здание своей науки. Не оставил отдаленнейшего края вселенныя, куда бы смелый его рассудок не устремлялся; проник в сокровеннейшие недра природы и постиг ее законы в невидимом и неосязаемом; беспредельному и вечному дал меру; исчислил неприступное; преследовал жизнь и творение и дерзнул объять мыслию самого творца. Часто человек ниспадал во глубину блуждения и животворил мечтания, но и на косвенной стезе своей велик и богу подражающ. О, смертный! воспрями от лица земли и дерзай, куда несет тебя мысль, ибо она есть искра божества!

Сколько есть способов познавать вещи, толико же путей и к заблуждению. Мы видели, что познание человеческое есть двояко: 1-е — *опыт*, 2-е — *рассуждение*. Если в первом случае, — мы ложно познаем перемены, происходящие в чувственности нашей, ибо заблуждение сего рода всегда происходит не от вещи и не от действия ее над нашими чувствами (поелику внешние вещи всегда действуют на нас соразмерно отношению, в котором они с нами находятся), но от расположения нашей чувственности. Например: болящему желтухую все предметы представляются желтее; что белое для него было прежде, то ныне желтое; что было желтое, то кирпичного цвета, и так далее. Правда, что раздробление луча солнечного есть седмично, как и прежде, и болящему желтухую от рождения различие цветов будет равное со всяким другим; но тот, кто видел предметы в другом виде, тот может судить о сем. — Например: колокол бьет; глухой, не чувствуя перемены в ухе своем, понятия иметь не будет о звуке, но другой скажет: слышу звон! И если звон колокола есть знак какого-либо сборища, то слышащий пойдет, а глухой скажет: мне не повешали, — и чувства его

обманут. Постепенность в таковых заблуждениях и все следствия оных, бывающие новыми заблуждениями по чреде своей, суть неудобопределяемы и многочисленны.

Если знаем ложно отношение вещей между собою, то опять заблуждаем. Отношение вещей между собою есть непременно, но ложность существует в познании нашем. Например: два предмета предстоят глазам моим, но не в равном расстоянии. Естественно, вследствие законов перспективы, что ближайший предмет должен казаться больше, а отдаленнейший меньше; но необыкшим очам они покажутся равны, и сравнение их будет ложно, ибо величина не есть сама по себе, но понятие относительное и от сравнения проистекающее. Число сих заблуждений, из познания отношения вещей проистекающих, происходит от рассуждения, и, нередко заключая в себе оба рода предыдущих, тем сильнее бывает их действие, тем оно продолжительнее, и преодоление их тем труднее, чем они далее отстоят от своего начала.

К рассуждению требуются две вещи, кои достоверными предполагаются: 1) союз, вследствие коего мы судим, и 2) вещь, из союза коея познать должно вещи, не подлежащие опыту. Сии предположения называются посылки, а познание, из оных проистекающее,— заключение. Но как все посылки суть предложения опытов и из оных извлечения или заключения, то заключения из посылок, или рассуждение, есть токмо прибавление опыта; следственно, познаем таким образом вещи, коих бытие познано опытом.

Из сего судить можем, коликократно могут быть заблуждения человеческие, и нигде столь часты, как на стезе рассуждения. Ибо, сверх того, что и чувственность обмануть нас может и что худо познать можем союзы вещей или их отношение, ничего легче нет, как ложно извлекаемое из посылок заключение и рассуждение превратное. Тысячи тысячей вещей претят рассудку нашему в правильном заключении из посылок и преторгают шествие рассудка. Склонности, страсти, даже нередко и случайные внешности, вмещая в среду рассуждения посторонние предметы, столь часто рожают нелепости, сколь часты шаги нашего в житии шествия. Когда рассматриваешь действия разумных

сил и определяешь правила, коим они следуют, то кажется, ничего легче нет, как избежание заблуждения; но едва изгладил ты стезю своему рассудку, как вникают предубеждения, восстают страсти и, налетев стремительно на зыблющееся кормило разума человеческого, несут его паче сильнейших бурь по безднам заблуждения. Единая леность и нерадение толикое множество производят ложных рассуждений, что число их ознаменовать трудно, а следствия исторгают слезы.

Сверх прямо извлекаемого рассуждения из предпосылаемых посылок, на опытах основанных, человек имеет два рода рассуждения, которые, возводя его к светлейшим и предвечным истинам, паки к неисчислимым и смешнейшим заблуждениям бывают, случаем. Сии суть: уравниение и сходственность. Они основаны на двух непреложных (сами в себе) правилах, а именно: 1-е, равные и одинаковые вещи состоят в равном или одинаковом союзе или отношении; 2-е, сходственные вещи имеют сходственное отношение или в сходственном состоят союзе. Сколь правила сии избыльны истинами, сколь много все науки им одолжены своим распространением, столь избыльны они были заблуждениями. Кто не знает, что мы наипаче убеждаемся сходственностью, что наши обыкновеннейшие суждения ее имеют основанием; что мы о важнейших вещах иначе судить не можем, как вследствие сходственности, и если надобен вам пример, то войдем во внутренность нашу на одно мгновение. Кто может, чувствуя токмо себя, рассматривая токмо себя, сказать: состав мой разрушиться имеет, я буду мертв! Напротив того, продолжению чувствования или жизни мы меры в себе не имеем и могли бы заключить, что сложение наше бессмертно есть. Но, видя окрест нас разрушение всеобщее, видя смерть нам подобных, мы заключаем, что и мы той же участи подвержены и умереть должны. Итак, заблуждение стоит воскрай истине, и как возможно, чтобы человек не заблуждал! Если бы познание его было нутрозрительное, то и рассуждение наше имело бы не *достоверность*, но *ясность*, ибо противоположность была бы во всяком рассуждении невозможна. В таком положении человек не заблуждал бы никогда, был бы бог. Итак, воз-

дохнем о заблуждениях человеческих, но почерпнем из того высшее стремление к познанию истины и ограждению рассудка от превратности.

Мы видели, что заблуждения наши основание свое нередко имеют в чувственности нашей; но если мы покажем, что разумные наши силы определяются внешностью, то заблуждения человека суть почти неизбежны, и будем иметь вящее побуждение снисходительно взирать не токмо на все заблуждения рода человеческого, но и на самые его дурачества. Блаженны, если можем за словом нашим на месте строгости суждения возродить соболезнование и человеколюбие.

Все действует на человека. Пища его и питье, внешняя стужа и теплота, воздух, служащий к дыханию нашему (а сей сколь много имеет составляющих его частей), электрическая и магнитная силы, даже самый свет. Все действует на наше тело, все движется в нем. Влияние звезд, столь глупо понимаемое прежде сего, неоспоримо. Что могут лучи солнечные или их отсутствие, тому доказательством служат негры и эскимосы. Что может луна, то явствует из периодического женского истечения и видно над многими умалишенными. Хижина, поставленная над блатом и топью, дебрию или на горе вознесенная, различие производят в нас, и местоположение жилища нашего хотя не есть образователь единственный человека, но к образованию его много способствует. Все, что взоры наши ударяет, что колеблет слух, что колет язык или что ему льстит, все приятное и отвратительное обонянию, все образует чувства. Наконец, образователи осязания столь многочисленны, сколь различно бывает положение человека.

Из сего можно судить, сколь с чувственностью нашею и мысленность превращениям подвержена. Она следует в иных местах и случаях телесности приметным образом. Одним примером сие объяснить возможно. В Каире, даже в Марселе, когда подует известный ветер, то нападает на человека некая леность и изнеможение: силы телесные худо движутся, и душа расслабевает, тогда и мыслить тягостно. Вот пример действия внешней причины. Дадим примеры внутренних. Вольтер, сказывают, пивал великое множество кофию, когда хотел что-либо сочинять. Живя многие

годы с немцами, я заметил, что многие из ученых людей не могли вдаваться упражнению без трубки табаку; отними ее у них из рта, разум их стоит, как часы, от коих маятник отъят. Кто не знает, что Ломоносов наш не мог писать стихов, не напиваясь почти вполпьяна водкою виноградною? Кто не имел над собою опытов, что в один день разум его действует живее, в другой слабее! А от чего зависит сие? Нередко от худого варения желудка. Если бы мы действие сего прилежнее отыскивали в истории, то с ужасом усмотрели бы, что бедствия целых земель и народов часто зависели от худого действия внутренности и желудка.

Физические причины, на умственность человеческую действующие, можно разделить на два рода. Одни действуют повременно, и действие оных наипаче приметно бывает над единственными людьми, как то из предыдущих примеров очевидно. Другие же причины действуют неприметным образом, и сии суть общественны, и действия оных приметны над целыми народами и обществами. Хотя смеялись над славным Монтескье, что он мнение свое о действии климата основал на замороженном телячьем языке⁴¹, но если вникнем, что климат действует на все тела без различия; а паче на все жидкости, на воздух, лучи солнечные и проч.; что роза, пресаженная из одной страны в другую, теряет свою красоту; что человек хотя везде человек, но сколь он отличен в одной своей внешности и виде своем, то действие климата если не мгновенно, то оно чрезвычайно, и что оно человека погубляет, так сказать, неприметно и без явного принуждения. Возьми в пример европейцев, переселяющихся в Индию, Африку и Америку, какая в них ужасная перемена! Англичанин в Бенгале забыл великую хартию и *habeas corpus*⁴², он паче всякого индийского набоба.

Наипаче действие естественности явно становится в человеческом воображении, и сие следует в начале своем всегда внешним влияниям. Если бы здесь место было делать пространные сравнения, то бы в пример списал некоторые места из *Гюлистан* Саадиева⁴³, из европейских и арабских мне известных стихотворцев, что-либо из Омира⁴⁴ и Оссиана⁴⁵. Различие областей, где они жилали, всякому явно бы стало;

увидели бы, что воображение их образовалось всегда окрест их лежащую природою. Воображение Саадиево гуляет, летает в цветящемся саду, Оссианово несется на утлом древе, поверх валов. А если кто захочет сделать сравнение исповеданий и мифологии народов, в разных концах земли обитающих, то сколь воображение каждого образовалось внешностию, никто не усумнится. Индийские боги купаются в водах млечных и сахарных; *Один*⁴⁶ пьет пиво из черепа низложенного врага.

Но если климат и вообще естественность на умственность человека столь сильно действует, паче того образуется она обычаями, нравами, а первый учитель в изобретениях был недостаток. Разум исполнительный в человеке зависел всегда от жизненных потребностей и определяем был местоположениями. Живущий при водах изобрел ладью и сети; странствующий в лесах и бродящий по горам изобрел лук и стрелы и первый был воин; обитавший на лугах, зелению и цветами испещренных, удомовил миролюбивых зверей и стал скотоводитель. Какой случай был к изобретению земледелия, определить невозможно; пускай была то Церера или Триптолем⁴⁷, или согнанный с пажити своя скотоводитель подражать стал природе сеянием злаков для питания своего скота и после, возревновав его обилию, насадил хлеб. Как бы то ни было, земледелие произвело раздел земли на области и государства, построило деревни и города, изобрело ремесла, рукоделия, торговлю, устройство, законы, правления. Как скоро сказал человек: сия пядень земли моя! он пригвоздил себя к земле и отверз путь зверообразному самовластию, когда человек повелевает человеком⁴⁸. Он стал кланяться воздвигнутому им самим богу и, облекши его багряницею, поставил на олтаре превыше всех, воскурил ему фимиами; но, наскучив своею мечтою и стряхнув оковы свои и плен, попрал обоготворенного и преторг его дыхание. Вот шествие разума человеческого. Так образуют его законы и правление, соделывают его блаженным или ввергают в бездну бедствий.

Животное, нагбенное к земле, следует своему стремлению в насыщении себя и в продолжении своего рода. Примеченный в нем слабый луч рассудка

ограничивается токмо на два сказанные побуждения, и в удовлетворении оных состоит его блаженство, если можно назвать блаженством тупое услаждение своея потребности. Животное исполняет сие, направляемо к тому непреодолимым стремлением. Но возникший образованием своим человек, слабый в своем сложении, имея многочисленные недостатки, нудясь к изобретению способов на свое сохранение, свободен в своем действии; стремление его и все склонности подчинены рассудку. И хотя сей для определения своего имеет побуждения, но оные возвесить может всегда и избирать. Таким образом, он есть единое существо на земле, ведающее худое и злое, могущее избирать и способное к добродетели и пороку, к бедствию и блаженству. Свободное его деяние сопрягло неразрывным союзом с женою, а с семейственною жизнью перешел он в общественную, подчинил себя закону, власти, ибо способен принять награду и наказание; и став на пути просвещения помощию общественного жития, сцепляя действия с причинами за пределы зримого и незримого мира, то, что прежде мог токмо чувствовать, тут познал силой умствования, что есть бог.

Различие, замечаемое в разумных силах человека, тем явственнее становится, чем долее одно поколение отстоит от другого. Общественный разум единственно зависит от воспитания, а хотя розница в силах умственных велика между человека и человека и кажется быть от природы происходящая, но воспитание делает все. В сем случае мысль наша разнится от Гельвецевой; и как здесь не место говорить о сем пространно, то, сократя по приличности слово наше, мы постараемся предложить мысли наши с возможною ясностью.

Изящнейший учитель о воспитании, Ж. Ж. Руссо, разделяет его на три рода. «Первое, воспитание природы, то-есть развержение внутреннее наших сил и органов. Второе, воспитание человека, то-есть наставление, как употреблять сие развержение сил и органов. Третье, воспитание вещей, то-есть приобретение нашей собственныя опытности над предметами, нас окружающими. Первое от нас независимо вовсе; третье зависит от нас в некоторых только отношениях;

второе состоит в нашей воле, но и то токмо предположительно, ибо как можно надеяться направить совершенно речи и деяния всех, дитя окружающих?»⁴⁹

Сколь Гельвеций ни старался доказывать, что человек разумом своим никогда природе не обязан, однакоже для доказательства противного положения мы сошлемся на опытность каждого. Нет никого, кто с малым хотя вниманием примечал развержение разумных сил в человеке, нет никого, кто б не был убежден, что находится в способностях каждого великое различие от другого. А кто обращался с детьми, тот ясно понимает, что поелику побуждения в каждом человеке различествуют, поелику различны в людях темпераменты, поелику вследствие неравного сложения в нервах и фибрах человек разнствует от другого в раздражительности, а все сказанное опытами доказано, то и силы умственные должны различествовать в каждом человеке неминуемо. Итак, не токмо развержение сил умственных будет в каждом человеке особо, но и самые силы сии разные должны иметь степени. Возьмем в пример память: посмотри, сколь один человек превосходит другого сим дарованием. Все примеры, приводимые в доказательство, что память может быть приобретенная, не опровергнут, что она есть дар природы. Войдем в первое училище и в самый первый класс, где побуждения к учению суть весьма ограниченны; сделай один токмо вопрос, и убедишься в том, что природа бывает иногда нежною матерью, иногда мачехою завистливою. Но нет; да отдалимся хуления! Природа всегда едина, и действия ее всегда одинаковы.— Что различия между умственными силами в человеках явны бывают даже от младенчества, то неоспоримо; но тот, который степению или многими степенями отстоит от своего товарища в учении вследствие шествия естественности и законов ее, сотовариществовать бы ему не долженствовал; ибо семя, от него же рожденное, не могло достигнуть равной с тем организации, с коим оно сравнивается; ибо человек к совершенству доходит не одним поколением, но многими. Парадоксом сего почитать не должно; ибо кому не известно, что шествие природы есть тихо, неприметно и постепенно. Но и то нередко бывает, что наченшееся развержение оста-

навливается, и сие бывает на счет рассудка. Если бы в то время, когда Ньютон полагал основание своих бессмертных изобретений, препят был в своем образовании и преселен на острова Южного Океана, возмогли бы он быть то, что был? Конечно, нет. Ты скажешь: он лучшую бы изобрел ладью на преплытие ярящихся валов, и в Новой Зеландии он был бы Ньютон. Пройди сферу мыслей Ньютона сего острова и сравни их с понявшим и начертавшим путь телесам небесным и доказавшим их взаимное притяжение, и вещай!

Сие наипаче явственно, когда поставишь в сравнение один народ с другим, или пройдеши историю умообразия одного народа чрез несколько веков. Кажется, что сему можно бы было дать доказательства, на естественности человека основанные. Но здесь тому не место и далеко отвело бы нас от предмета нашего. Случалось, и сей опыт повторять можно довольно часто, что взятому иногда во младенчестве дикому европейцы старались дать сходственное со своим воспитание; но оно не бывало удачно. Я здесь многих видал тунгузов, воспитанных в русских домах; но на возрасте тунгуз в силах умственных всегда почти далеко отстоял от русского. Кажется, из сего заключить можно, что надобно природе несколько поколений, чтобы уравнивать в человеках силы умственные. Органы оных будут нежнее и тончее; кровь, лимфа, а особливо нервная, лучше преработанные, прейдут от отца в зародыш; и поелику есть в природе всеобщая постепенность, то и в сем случае она вероятна.

Как в постепенности таковой отстоит народ от народа, равно может отстоять человек от человека. Первый имел воспитание естественное и нравственное лучше своего отца; сыну своему мог дать лучшее своего; третий того же семейства, вероятно, изощреннее и понятнее будет первых двух.

Таким-то образом воспитание в поколениях может остановиться. Один произойдет постепенно и непрерывно, пользуясь всеми воспитания выгодами, другой, которого воспитание не было окончано, остановится на пути. Могут ли они быть равны? Природа содействует в сем случае человеку. Возьмем пример животных, коих водворить хотим в другом климате.

Перемещенное едва ли к нему привыкнет, но родившееся от него будет с оным согласнее, а третьего по происхождению можно почитать истинным той страны уроженцем, где дед его почитался странником.

Таким образом, признавая силу воспитания, мы силу природы не отъемлем. Воспитание, от нее зависящее, или развержение сил, останется во всей силе; но от человека зависеть будет учение употреблению оных, чему содействовать будут всегда в разных степенях обстоятельства и все нас окружающее.

Приступим теперь к постепенности, которая примечается в природе, и обозрим ее в развержении сил умственных в человеке, которые, сказали мы, следуют во всем силам телесным. Будем восприемниками новорожденному, не оставим его ни на единое мгновение чрез все течение его жизни, и когда дойдем с ним до меты его, пребудем ему неотступны до последнего его вздыхания.

Четыре или пять месяцев после зачатия зародыш движется; сердце и глава образовались уже прежде и исполняли свое назначение. До девяти месяцев и до самого того мгновения, когда дитя исходит на свет, члены его и органы разверзаются и совершенствуют и, достигнув степени, превыше коей дальнейшее развержение и совершенствование невозможно в матерней утробе, он лучшая требует пищи, свободнейшего движения, лучшей жизни. Легкое проникается воздухом атмосферы, уста приемлют пищу, глаза приучаются к блеску и уши к звуку; но дитя едва ли в сии минуты может равняться с растением. Чувства его ударяемы внешними предметами, все жизненные соки обращаются, он уже чувствует. Нельзя, чтобы мозг был без действительности; но он еще токмо источник чувственности, а не орган мысленный.— Итак, дитя не мыслит; болезнь учит его, что он существует, но сие чувствование едва может сравниться с движением чувственницы. Болезнь, а потом голод нудят его изъявлять их криком.— Помалу члены его укрепляются, движения его становятся сильнее, потребности величают; тогда делаются приметными в младенце побуждения. Он кричит сильнее и тем старается изъявлять свое желание. Если не удовольствован, то приходит в ярость, и сия страсть первее

всех поселяется в сердце. Все внешние предметы действуют на органы чувственные младенца неотступно, и приметно становится в нем начальное образование умственных сил. Он начинает познавать различие между вещей; знает, что вкусу его льстит и что ему противно; глаза его учатся размеру, слух привыкает ко звукам; он начинает распознавать вещи едиными наименованиями; знает уже свое имя, следовательно, орган памяти также разверзся. Но хотя во всех сих случаях видна умственность, но сколь слаба она, сколь недостаточна и хуже звериного стремления. Иначе быть нельзя; он еще пресмыкается, ползает, четвероножен есть. Но уже восстает он от земли. Он зрит на выпренность; измерение ему становится свойственнее, слух тончает, прилепление к дающей ему пищу становится сильнее. Он уже изучился изъявлять свою радость; изъявление скорби было первое его движение. Улыбка его переходит в смех, ярость становится нетерпелива, все побуждения стремительнее. Память его расширяется, приметно становится суждение, но весьма недостаточно. И язык его, произносивший доселе неясственные токмо звуки, начинает произносить слова. С того времени, как младенец научается говорить, развержение его умственных сил становится приметнее; ибо он может изъявлять все, что чувствует, и все, чего желает, словом, все, что доселе мог обнаруживать токмо криком и слезами; самые слезы проливает он реже, и помалу младенец становится дитя. Силы телесные его укрепились, а с ними и умственные; он [у]же превышает оными других животных во многом, но точности в суждениях его нет. Понятия его становятся отвлеченны, хотя следует наипаче чувственности и примеру: сей его образует более всего. Страсти в нем разверзаются; рассудок начинает снискивать опору или в слышанном, или в испытанном, и дитя становится отрок. Силы телесные укрепились; отрок обык уже употреблению своих членов, чувств и органов; умственные его силы острятся; он испытал уже свободу, уже дерзает рассуждать, но опытность его мала, и рассуждения превратны и косвенны. Блажен, как то вещает Руссо, если отрок ничего еще не мыслит, не знал ничего, был чужд рассудку. Он удален

ложных понятий, предрассуждений, превратности мнений и склонностей! И все члены его достигли уже своего совершенства, все сосуды исполнены влажностей, начинают уже избыточествовать. В юноше возникает новое некое чувство. Грудь его вздымается чаще и сильнее, весь состав его ощущает необычайное движение, чувственность его потеряла свою плавность, она зыблется и недоумеет; тихая грусть обходит его; разум, начинавший действовать, затмевается, нижняя половина лица его покрывается власами; у женщин же является временное истечение; человек уже готов для пророждения. О, любовь! о чувство, паче всех сладчайшее! Кто возможет стремлению твоему противиться? Не безумно ли бы было таковое сопротивление? Природа влияла тебя во всю нашу чувственность на наше услаждение и на соблюдение рода человеческого.

Едва познал он вину необычайного движения своей чувственности, как старается прилепить ее к достойному предмету и не успокоится, доколе его не сыщет. Тогда самая сия чувственность, тогда родившаяся страсть начинают напрягать силы умственные. Они получают новую от страсти упругость и, как лучи света, изливаются от среды своей во все точки круга, в котором действуют. Вот возмужалость, вот время страстей, укрепление сил умственных и возвышение их до степени, для них возможной. Вот время достижения величайших истин и заблуждений; время, в которое человек уподобляется всевышнему или ниспадает ниже низшей степени животных.

Как трение стончает пружины, так и силы телесные притупляются употреблением. Человек начинает расслабевать в силах своих телесных; душевные следуют за ними. Страсти исчезают, а с ними и рвение к познаниям. И хотя рассудок еще не ослабел, но вновь не делает приобретений. Новое его не движет, ибо чувства его притупели; память ослабла, и воображение потеряло крылье. И так рассудок вращается над постигнутыми истинами, но оные уже стоят все на высшем круге и не для него. Настает старость. Сия истинная зима человеческого тела и разума, сия безнадежная зима обвеснования, прос-

тирая мраз свой во весь состав человека, полагает предел всем силам его. Гибкие доселе члены начинают цепенеть; око померкло, ухо уже не слышит, не обоняет нос, и вкус остается на пряные и колющие языки яства; осязательность почти уже увяла; раздражительность фибров онемела и ярость свою потеряла; чувствительность притупела и ослабела; жизненные соки иссякли в источнике их, сердце бьет слабее, мозг твердеет; силы умственные угасают, понятие померкло, память совсем исчезла, рассудок пресмыкается и, наконец, истлевают совершенно. Телу для движения нужна оборона, разум нисшел до степени младенчества. Но и нить жизни преторглася! Грудь перестает дышать, сердце не бьет более, и светильник умственный потух.

Безумные! Почто слышу вопль ваш, почто стелания? Или вы хотите превратить предвечный закон природы и шествие его остановить на мгновение едино? Рыдания ваши и молитвы суть хуление. Вы мните, что всеотец вам подобен — вы скорбите, о, несмысленные! — Жизнь погасшая не есть уничтожение. Смерть есть разрушение, превращение, возрождение. Ликуйте, о, други! болезнь исчезла, терзание миновалось; злосчастию, гонению нет уже места; тягостная старость увяла, состав рушился, но возобновился. — В восторге алчные души вас видеть, едва не впал в погрешность и заключение извлек, не дав ничего в доказательство.

Блажен, о, человек! если смерть твоя была токмо естественная твоя кончина; если силы твои телесные и умственные токмо изнемогли, и умереть мог от единых старости. Житие твое было мудрственно и кончина легкий сон! Но таковая кончина редко бывает жребием человека. Восхищенный страстями, он носится по остриям; неумеренность раздирает его тело, неумеренность лишает его рассудка; состарившись в бодрствующие свои лета, не ветхость дней замыкает ему очи; болезни, внедрившиеся в его тело, преторгают его дыхание безвременно и раскаивающегося на одре смертном подавляют отчаянно. Во младости неумеренность любовных страсти, в различных ее видах, расслабляет силы телесные и умственные. О, юноша! читай Тиссо об онанизме⁵⁰ и ужаснися.

О, юноша! войди в бедственное жилище скорбящих от неумеренности любострастия; воззри на черты лиц страждущих: — се смерть летает окрест их.— Где разум, где рассудок, когда терзается чувственность? Они возникают, но мгновенно и едва блещут в простершемся мраке. Или думаешь, что орган умственный цел пребудет, когда органы жизни нарушены?

Но единая ли сия болезнь неумеренности снедает человека в силах его телесных и умственных! Посмотри на болящего огневицею, воззри на того, у коего повредился орган умственный.— Где ты, о, дар божественный? О, рассудок! где ты?..

Книга вторая

Итак, достигли мы, странствуя чрез житие человеческое, до того часа, когда прерывается мера шествию, когда время и продолжение прекращаются для него, и настает вечность. Но остановим на мгновение отходящего к ней, заградим врата ее надеждою и воззрим на нее оком беспристрастным. Да не улыбнется кто-либо при сем изречении! Сколько возможно иметь пристрастия к вещественности, равно возможно и к единой мысленности, хотя бы она не что иное была, как мечта. Воззри на описание рая, или жилища душ, во всех известных религиях; разыщи побуждение страдавших за исповедание; устреми взор твой на веселящегося Катона, когда не оставалось ему ни вольности, ни убежища от победоносного Юлиева оружия: увидишь, что и желание вечности равно имеет основание в человеке со всеми другими его желаниями.

Надежда, бывшая неотступною спутницею намерений в человеке, не оставляет занесшего уже ногу во гроб. Надежда путеводительствует его рассудку, и вот его заключение: «я жив, не можно мне умереть! я жив и вечно жить буду!» Се глас чувствования внутреннего и надежды вопреки всех других доводов. Кто может убедиться, если убеждение свое захочет основать единственно на внутреннем чувствовании, что он мертв быть может? Чувствовать и бесчувственну быть, жизнь и смерть суть противоречия, и если бы, как то мы видели, не имели мы

основанием к рассуждению правила сходственности, то сего заключения нам сделать бы было невозможно; ибо познания не суть нутрозрительны. Но я зрю, что все, окрест меня существующее, изменяется; цвет блекнет и валится, трава иссыхает, животные теряют движение, дыхание, телесность их разрушается; то же вижу и в подобных мне существах. Я зрю везде смерть, то-есть разрушение; из того заключаю, что и я существовать престану. И кажется, если бы удалено было от мысленности нашей понятие о смерти, то живой ее бы не понимал; но смерть всего живущего заставляет ожидать того же жребия.

Представим себе теперь человека удостоверенного, что состав его разрушиться должен, что он должен умереть. Прилепленный к бытию своему накрепчайшими узами, разрушение кажется ему всегда ужасным. Колеблется, мятется, стонет, когда, приближившись к отверстию гроба, он зрит свое разрушение. Ты есть!.. Час бьет, нить дней твоих прервется, ты будешь мертв, бездыханен, бесчувствен, ты будешь ничто! — Ужасное превращение! чувства содрогаются, колеблется разум! трепещуща от страха и неизвестности мысль истлевающая носится во всех концах возможного, ловит тень, ловит подобие, и, если удалось ей ухватить какое-либо волокно, где она уцепиться может, не размышляя, вещественность ли то или воображение, прицепляется и виснет. И возможно ли человеку быть жития своего ненавистником? Когда вознесу ногу, да первый шаг исполню в вечность, я взоры обращаю вспять. «Постой, помедли на одну минуту! О, ты, составлявший блаженство дней моих, куда идешь?..» О, глас разительнее грома! Се глас любви, дружбы! мой друг, вся мысль мятется! я умираю, оставляя жену, детей! — Свершайся, жестокое решение, я лишаюсь друга! Не малодушие, возлюбленный мой, заставит меня вздохнуть при скончании течения дней моих. Если я равнодушно не терплю отсутствия твоего, каково будет мое лишение, если то будет в вечность.

Имея толикие побуждения к продолжению жития своего, но не находя способа к продолжению оного, гонимый с лица земли печалию, грустию, прещением, болезнию, скорбию, человек взоры свои

отвращает от тления, устремляет за пределы дней своих, и паки надежда возникает в изнемогающем сердце. Он опять прибегает к своему внутреннему чувству и его вопрошает, и луч таинственный проникает его рассудок. Водимый чувствованием и надеждою, имея опору в рассудке, а может быть, и в воображении, он прелетает неприметную черту, жизнь от смерти отделяющую, и первый шаг его был в вечность. Едва ощутил он, или лучше сказать, едва возмог вообразить, что смерть и разрушение тела не суть его кончина, что он по смерти жить может, воскреснет в жизнь новую, он восторжествовал и, попирая тление свое, отделился от него бодрственно и начал презирать все скорби, печали, мучительства. Болезнь лютая исчезла, как дым, пред твердою и бессмертия коснувшеюся его душею; неволя, заточение, пытки, казнь, все душевные и телесные огорчения легче легчайших паров отлетели от духа его, обновившегося и ощутившего вечность.

Таковые были, вероятно, побуждения человека, да возникнет в разуме и сердце его понятие будущия жизни. Многие ее чают быть; иные следуют в том единственно иступлению; другие, и сии суть многочисленны, уверению своему имеют основанием единое предубеждение и наследованное мнение; многие же мнение свое и уверение основывают на доводах. Но каково бы ни было основание сего мнения, все вообразительные возможности будущего человеческого бытия не ускользнули от ловственного его проникания. Но были и суть многие, которые, отменяя свое чувственное уверение и надежду и оспоривая у человека будущее его бытие, старались находить доводы, что смерть в человеке есть его последняя и совершенная кончина; что он, совершивши течение дней своих, умрет навсегда и не возможет восстать, существовать, быть ни в какой вообразительной возможности. Доводы их суть блестящи и, может быть, убедительны. Возвесья, по силе нашей, обе противоположности, я вам оставлю избирать, любезные мои, те, кои наиболее имеют правдоподобия или ясности, буде не очевидности. А я, лишенный вас, о, друзья мои, последую мнению, утешение вливающему в душу скорбящую. Доселе почитали быть в природе два рода

возможных существ. Все, к первому роду относящиеся, называют тела, а общее, или отвлеченное, о них понятие назвали вещество, материя. Вещество есть само в себе неизвестно человеку; но некоторые его качества подлежат его чувствам, и на познании оных лежит все его о веществе мудрование. К другому роду относящиеся существа чувствам нашим не подлежат, но некоторые феномены в мире были поводом, что оные почли не действием вещественности, но существ другого рода, коих качества казались быть качествам вещественности противоречащими. Таковые существа назвали духи. При первом шаге в область неосязательную находим мы суждение произвольное; ибо, если дух чувствам нашим не подлежит, если познания наши не суть нутрозрительные, то заключение наше о бытии духов не иначе может быть, как вероятное, а не достоверное, а менее того ясное и очевидное. Кто вникал в деяния природы, тот знает, что она действует всегда одновременно или вдруг, и в сложениях, ею производимых, мы не находим черты, отличающей составляющую часть от другой, но всегда совокупность. Например, человек назвал противоречащими качествами тепло и стужу, находя действия их противоречащими; но природа и то, что тепло производит, и то, что производит стужу, вместила в единое смешение и, положив закон действованию их непременяющийся, явление оных таковым же учинила. Поистине, в природе меньше существует противоположных действий, нежели думали прежде; и то, что мы таковыми назвали, существует нередко токмо в нашем воображении.

Различие духа и вещественности произошло, может быть, от того, что мысль свойственна одной главе, а не ноге или руке. Различие таковое есть самоизвольно; ибо, не ведая, ни что есть дух, ни что вещественность, долженствовали ль бы их поставлять различными существами, да и столь различными, что если бы сложение человека не убеждало очевидно, что качества, приписанные духу и вещественности, в нем находятся совокупны, то бы сказали, что дух не может там быть, где тело, и наоборот. Но как сопряжение таковое очевидно, то вместо того, чтобы сказать: существо человеческое имеет следующие

качества, напр., мыслить, переменять место, чувствовать, пророждать и проч., вместо того сказали: человек состоит из двух существ, и каждому из них назначена своя область для действия; вместо того, чтобы сказать, что то, из чего сложен мир (а кто исчислил все существа, оный составляющие?), имеет те и те свойства, сказали, что в нем находятся существа разнородные. О, умствователи! неужели не видите, что вы малейшую токмо частицу разнородности их ощутили, но что они все в един гнездятся состав. Ведаешь издревле, сколь луч солнечный далеко отстоит от простыя глины или песка; ведал, что луч солнечный тебя греет и освещает, что глина дает тебе сосуд на пищу; а ныне ведаешь, что они находиться могут в одном составе существенно. Ты ведаешь, что мысль находится в твоей голове; но ведаешь ли, с чем она еще может быть сопряжена? Тот, кто силою своего слова мог вселить ее в мозг твой, ужели бессилен был вместить ее в другое что-либо oprичь тебя? О, надменность!

Но обозрим быстротечно свойства, присвоенные вещественности, и свойства мысленности и что в них может быть противоречное; или, нет ли следа, что они одинакородному существу свойственны быть могут?

Свойствами вещественности вообще почитаются следующие: непроницательность, протяженность, образ, делимость, твердость, бездействие. Свойствами духовных существ почитаются: мысль, чувственность, жизнь. Но сии свойства, духовным существам присвояемые, поелику являются нам посредством вещественности, почитаются токмо видимыми действиями или феноменами, происходящими от духовного существа, которое может само по себе иметь сии свойства и чувствам не подлежать. Итак, вопрос настоять будет: может ли вещественность иметь жизнь, чувствовать и мыслить, или духовное существо иметь пространство, образ, делимость, твердость, бездействие? В обоих случаях произведение будет одинаково. Если сие доказать возможно, то разделение существ на вещественные и духовные исчезнет; если же доводы будут недостаточны и найдутся доводы, противное сему доказывающие, то нужно,

и нужно необходимо, поставлять бытие двух существ разнородных — духа * и вещественности.

Вещественностию называют то существо, которое есть предмет наших чувств, разумея, есть или быть может предметом наших чувств. Ибо, если оно им не подлежит теперь, то происходит оно от малости или тонкости своей, а не вследствие своего естества. Поступим теперь к изъяснению свойств вещественности.

Непроницательностию разумеем то, что две частицы вещественности, или два тела, не могут существовать в одном месте в одно время.— Сие есть аксиома, ибо противное предложение есть противоречие.— Или, что неразделимая частица вещественности, или атом, встретившаяся на пути другой такой же частицы, сия последняя не может продолжать своего пути, доколе первая не уступит ей места. *Протяженность* есть то свойство вещественности, вследствие коего она занимает место в пространстве; а поелику протяженность имеет предел, то *всякую ограниченную протяженность называют образом*. В отношении определенности говорят, что протяженность имеет образ. Итак, непроницательность, протяженность и образ суть свойства нераздельные всякого существа, чувствам нашим подлежащего. Образ дает вещественности определенность, протяженность — место, а непроницательность — отделенность.

Химические опыты доказывают чрезмерную *разделимость* вещественности. Но естествословы разумеют, что есть возможность, чтоб малейшая частица вещественности разделена была до бесконечности достаточною на то силою. Ибо, воображая вещественность протяженною, сколь бы частица оная мала ни была, разум себе представить может частицы еще того меньше до бесконечности, разумея, что будет достаточная сила на их разделение.

Но как сие разделение существует токмо в возможности, и что нет естественных силы на разделение начал вещественности, то в рассуждении сего приписуют ей свойство *твердости*.

* * *
* Говоря о духах, я разумею токмо одну, так называемую душу человеческую.

Бездействие в отношении вещественности есть двояко. 1-е, вещественность в состоянии покоя пребывает в нем или может пребыть вечно, доколе какая-либо причина не даст ей действия. Заметим заранее, что сие свойство не есть качество существенное вещественности, но относительное, поелику ее почитать можно лишеною движения. 2-е, понятие о вещественности есть частица вещественности, в движение приведенная, которая продолжит движение свое с одинакою скоростью и в одинаковом направлении вечно, доколе что-либо не воспретит сему продолжению, или оное не преобразит.

Движение есть свойство прменять место. Иные говорят, что свойство сие вещественности существенно и от нее неотделимо. Другие почитают, что причина движения в вещественности не существует; а некоторые утверждают, что причина движения, для продолжения оного, должна быть присносушна, и происходит от существ, отличных от существа, имеющего непроницательность, протяжение, образ, делимость и твердость; словом, что причина движения в вещественности не существует и быть в ней не может.

Тяжесть есть свойство, вследствие которого тело падает к средине земли и частицы вещественности стремятся к их средоточию. Последствиями оныя почитают притяжение и отражение.

Притяжение есть свойство, вследствие которого тела или частицы вещественности сближаются одна с другою. *Отражение* есть свойство, сему противоположное и вследствие которого тела или частицы одна от другой отдаляются.

Те, которые делают движение вещественности сосущественным, те оной не отрицают ни тяжести, ни притяжения, ни отражения. Но другие почитают сии свойства не свойствами, но явлениями и действиями причин, вне вещественности находящихся и ей несущественных.

Рассмотрим поодиночке сии, вещественности приписываемые свойства; побудим себя умствовать над сими остатками древнего учения, которое распространившиеся опыты и с ними лучшее познание естественности опровергнут неминуемо. Свойства веществ столь разнообразны, начала оных столь разно-

родны, смежность же их, посредственная по крайней мере, столь размножена и может быть всеобщая, что рассуждения об общих свойствах, вещественности приписуемых, основанных на отвлеченных понятиях, вероятно, порастут мхом забвения и презрения, как ныне Аристотелевы категории⁵¹ и сокровенные качества алхимистов⁵². Ибо вопросы каждого беспристрастного: что есть вещественность? Ответ будет: не ведаю! А если к сему присовокупим, что химия доказует, что начала первенственных веществ суть весьма различных свойств, и хотя она еще держится древнего разделения стихий, но то, что мы называем земля, вода, огонь, воздух, суть сложности. Стихийной земли никто еще не видал, и надежда некоторых видеть ее в алмазе исчезла с того времени, как опыты доказали, что он сгорает и возлетается. Кто возжигал огонь стихийный? Луч солнечный, раздробленный призмой, не есть одинакороден*. Самая электрическая искра, пременяя цвет подсолнечной окраски, серный ее запах, не суть ли доказательства ее сложности, и нет ли вероятности, что удачные опыты отделят когда-либо свет от теплоты? Опыты одного доктора Пристлея, не говоря о последующих, показали, сколь вещество, нами вдыхаемое, есть сложно, и что то вещество, которому можно оставить имя воздуха, не самую большую часть составляет воздуха атмосферического. Кто скажет ныне с прежним убеждением, что упругость есть свойство воздуха собственно, а не другого какого вещества воздухообразного? Не говоря о водяных частицах, в воздухе содержащихся, не говоря о веществах обонятельных и всех других, из тел истлеваемых испаряющихся, а наипаче алкалических, ныне ведают, что так называемая кислотность или твердый воздух, кислотность селитренная, воздух горячий**, разделены плавают в воздухе атмосферическом, ибо их можно из него

* * *
* Лучи солнечные имеют два свойства: теплоту и свет. Но свет от теплоты доселе отличить можно было тем, что вещество света есть мгновенно, а теплота пребывающа. Поелику же флогистон⁵³ есть основание цветов, то и луч солнечный его содержит в летучем состоянии.

** Зарождение селитры ясно доказывает ее в воздухе присутствие.

извлечь; и что они суть его части существенные, ибо отдели их от него, воздух уже изменился. Что такое есть вода, ныне стало известно. Отсутствие из нее огня делает ее твердую, так нельзя ли сказать, что она, по существу своему, тело твердое? Отрешив давящие ее столпы воздуха, увидишь, что она растянется, увеличится, воспарится и сама представится в виде воздуха. Вообрази себе пустоту вместо атмосферы окрест земного шара, водимый опытами, ты землю узришь безводную и иссякшую, все, на ней живущее, исчезнет, растущее увянет и сгорит, распадется самая кристаллизация, и все явления, вслед действиям воды идущие, минуют. О, ты, основание земли, гранит, громада необъятная! Ты рассядешься, и шар земный вспылится.

Но обратимся к свойствам вещественности и прежде всего посмотрим, столь ли приписуемые ей непроницательность и твердость ей нужны и необходимо истекают из понятия о вещественности. Если в понятии непроницательности заключается только то, что два тела, или атома, или две частицы того, что составляет вещественность, не могут находиться в одно время на одном месте, то сие можно разуметь не токмо о вещественности, но и о всяком существе, какого бы рода оно ни было. Ибо, поелику чувственностью имеем мы представление о вещах, а разумом получаем понятия, то-есть познания их отношений; и поелику *общее* всех представлений есть *пространство*, *общее* всех понятий есть *время*, а *общайшее* сих *общих* есть *бытие*, то, что себе ни вообрази, какое себе существо ни представь, найдешь, что *первое*, что ему нужно, есть *бытие*, ибо без того не может существовать о нем и мысль; *второе*, что ему нужно, есть *время*, ибо все вещи в отношении или союзе своем понимаются или *единовременны*, или в *последовании* одна за другою; *третье*, что ему нужно, есть *пространство*, ибо существенность всех являющихся нам существ состоит в том, что, действуя на нас, возбуждают они понятие о пространстве и непроницательности, и все, что ни действует на нашу чувственность, имеет место и производит в нас представление о протяжении посредством своего образа, равномерно производит в нас представление о *непроницательности*, поелику

одна вещь, действуя на нас из места, дает нам чувствовать, что не есть другая, что заключает в себе понятие *непроницательности*; общее же понятие *непроницательности* и *протяжения* есть *пространство*. Итак, все, что имеет *бытие во времени и пространстве*, заключает в себе понятие *непроницательности*, ибо и познания наши состоят токмо в сведении бытия вещей в пространстве и времени.

Одна первая причина всех вещей изъята из сего быть долженствует. Ибо, поелику определенные и конечные существа сами в себе не имеют достаточной причины своего бытия, то должно быть существу неопределенному и бесконечному; поелику существенность являющихся существ состоит в том, что они, действуя на нас, производят понятие о пространстве и, существуя в нем, суть самым тем определенны и конечны, то существо бесконечное чувственностию понято быть не может и долженствует отличествовать от существ, которые мы познаваем в пространстве и времени. А поелику познание первых причины основано на рассуждении отвлечением от испытанного и доказывается правилом достаточности, поелику воспящено и невозможно конечным существам иметь удостоверение о безусловной необходимости высшего существа, ибо конечное от бесконечного отделенно и не одно есть, то понятие и сведение о необходимости бытия божия может иметь бог един.— Увы! Мы должны ходить ощупью, как скоро вознесемя превыше чувственности.

Но понятие непроницательности⁵⁴ заключает в себе и то свойство, которым означается, что одна вещь чрез другую проходить не может. Приложив сие к телам, едва ли сие свойство какому-либо приписать возможно, ибо опыты доказывают, что наитвердейшие проникаются воздухом и водою, а огню нет ничего непроницаемого. Если бы здесь было место приводить в доказательство опыты физические, то можно бы показать было, сколь трудно привести тело с другим в совершенное соприкосновение. Сверх того известно, что во всяком теле гораздо более находится пустоты, нежели согруднения. Сие особливо явствует из жидких тел, кои удивительно растягиваться и сжиматься могут, что и было поводом

утверждать многим, что все твердое вещество, в системе солнечной содержащееся, можно вместить в одну ореховую шелуху; столь велика пустота в наигустейших телах в сравнении их твердых частей. Если же к сему рассудим, сколь, посредством химических смежностей, разные вещества смешаться могут и из таких смешений происходят совсем новые вещества, то едва ли не вероятно, что непроницательность в последнем смысле есть токмо вымышленное, а не действительное свойство вещественности.

Что мы сказали о непроницательности, как могущем быть свойстве всякого вещества, то же можем сказать о *протяженности* и о *образе*, который есть определенность протяжения. Ибо, сколь скоро какое-либо вещество занимает место в пространстве, то занимать его долженствует определенно; сколь скоро имеет место в пространстве определенное, то имеет уже образ, то-есть протяженно, ибо образ есть определение протяжения. Сие понятие протяженности и образа столь свойственно нашему разуму, наотвлеченнейшие свои понятия почерпающему из веществ, чувствам подлежащих, что понятие, им противолежащее, он представляет себе токмо отрицательно.

Вследствие данного изъяснения бесконечная делимость вещественности есть свойство токмо воображенное, а не существующее⁵⁵, в чем признаются сами те, кои ей оное приписывают, говоря, что оно ей существенно, поелику возможно, и если бы достаточная была сила на произведение сего разделения, то бы оно произошло действительно. Я не возьмусь опровергать возможности, ибо несуществующее... опровержения не заслуживает. Если бы кто захотел сию делимость распространить на самого бога, то стоил ли бы он единого на опровержение слова? — Улыбнемся безумию и замолчим.

Впрочем, можно сию делимость распространить и на умственное вещество; ибо, поелику оно в протяженном заключено, а протяженность не токмо мыслию, но и действительно разделить можно, то для чего же неразделимым почитать вещество мыслящее, хотя действие оно неразделимо есть? Прейдем замысловатые бредни, ибо сколь ни замысловаты они, но все бред.

Твердость есть то свойство вещественности, которое препятствует ее бесконечной делимости. Нет силы в мире вещественном, говорят естествослы, которая бы возмогла разделить стихийные начала. Согласимся на сие охотно, ибо опыты благоприятствуют сему мнению и делают его аксиомою. Кто не видит теперь, что твердость есть свойство, делимости противоречащее, и что они в одном существе не могут быть совокупны. Ибо, с одной стороны, делимость представляет разрушение малейших частиц до бесконечности, то-есть доколе разум себе ее вообразить может (возможно ли так заблуждать и воображение пустое делать бытием?), с другой стороны, твердость препятствует разделению и, держа стихийные начала плотными, представляет разрушению оплоту непреоборимую (действие воображения и здесь явно). Скажите, о, вы, у коих рассудок не затмился предубеждениями учебными и предрассудками школы, скажите ваше о сем решение!

Оставляя теперь воображенное свойство, скажем нечто о действительном и посмотрим, твердость тел столь ли им свойственна и необходима, как то уверяют учителя.

Непрекословно, надеюся, согласятся, что тело, занимающее место в пространстве, имея протяженность и непроницательность, имеет также образ, ибо образ есть не что иное, как определение протяженности. Но сей образ не может иначе существовать, как вследствие сцепления или притяжения взаимного частей, как то скажут физики; или вследствие законов смежности, как то назовут химики. Следственно, сила, содержащая части в тесном или в отдаленном сцеплении, нужна для того, чтобы части были вместе, и нужна необходимо, потому что, если бы она не существовала, то не было бы и самая твердости; если сцепление уничтожится, то все развалится. Сколь далеко завести может таковое предположение, всяк понять может, и не довольно того, что разрушатся тела и прейдут в хаос; но в сем разрушении, где никакая сила не действует, едва ли возродится ничтожество и истинная смерть. Какая пустая мысль! уродливое воображенне!

Итак, нужна сила, чтобы какие-либо части

вместе находились во взаимной пронизательности, или хотя просто одна близ другой. Все равно, где бы сила сия ни находилась, в самом ли веществе, или действует снаружи, она действует, она содержит в сцеплении, она дает образ; следовательно, образ без нее быть не может; уничтожается сцепление, и вещество исчезает; следовательно, сила сия всякому веществу сосущественна, и одного без другой вообразить не можно или не должно. Итак, твердость есть следствие какия-либо силы; следует, что сила сия есть причина, а существо — действие, от нее происходящее.

Сколь притяжение свойственно вещественности, столь свойственно ей и отражение. Опыты доказывают, сколь трудно, а может быть, и совсем невозможно привести два вещества в истинное прикосновение; и сия отраженность есть нечто, от твердого вещества совсем отменное, действующее даже в отдаленности от тела, к которому оно принадлежать имеет. Что делает, что наиплотнейшие тела и сильнейшим сцеплением стверженные столь пронизательны? Что производит упругость, сжимание и растяжение? До какой удивительной степени некоторые вещества растяжены суть или быть могут, кто не убежден опытом, тому не легко поверить может. Отчего одно вещество в стеснении становится упружее? Отчего другое в растяжении? Отражение существует везде, как и притяжение, и вещества, в соразмерности действия одной силы, ощущают действие и другой. Итак, некоторые справедливо заключают, что в самом деле в вещественности существуют токмо притяжения и отражения без всякой твердости. Ибо, для чего предполагать твердое, если части его сплотиться не могут никогда? Заключим, что есть место в пространстве, где каждая сила существует и откуда действительность ее простирается, составляя действованию ее округу, могуществу ее соразмерную. Локк, или его истолкователь, желая изъяснить создание, говорит: вообразим себе пустое пространство, и всемогущество, вращающееся над ним, рекло: да разделится оно и отвердеет! и се явилась непронизательность, протяженность, образ⁵⁶. Дополним сию стихотворную и метафизическую картину и, вместо слова, явим мысль всемогущую. О,

дерзновение! изрекать словом, звуком, зыблением воздуха мысль предвечную! — Да будет сила в каждой точке пространства! и се действие началось. Притяжение и отражение простерлися из среды своей действием, явился образ и протяженность, вещественность прияла существо. Удел ли был в силах сих силы всемогущия, или новые созданы, тот знает, кто их явил; а мы, во тьме непроницаемой хождая, лоя мечту или блуждение, речем, как некогда Аякс Омиров: отреси мрак от очей моих, и узрю⁵⁷. — Удивительно, говорит Пристлей, путешествовавший нам в сих суждениях, что поелику твердость столь мало, кажется, имеет места в системе сей, удивительно, что мудрствовавшие давно не рассудили, что она и совсем некстати! —

Друзья мои! раздробляя свойства вещественности, да не исчезнет она совсем и да не будем сами тень и мечта.

Бездействие, вследствие данного нами изъяснения, есть то состояние существа, из коего оно иступить не может, доколе что-либо его из оногo не извлечет. После всего нами сказанного утверждать, что бездействие есть свойство природы, кажется нелепо. Безрассудный! когда зришь в превыспренности и видишь обращение тел лучезарных; когда смотришь окрест себя и видишь жизнь, рассеянную в тысящи тысящей образах повсюду, ужели можешь сказать, что бездействие вещественности свойственно и движение ей несродно? Когда все движется в природе и все живет, когда малейшая пылинка и тело огромное подвержены переменам неизбежным, разрушению и паки сложению, ужели найдешь место бездействию и движение изымешь вон? Если ты ничего не знаешь бездействиюемого, если все видишь в движении, то не суемудрие ли говорить о том, что не существует, и полагать не быть тому, что есть? На что нам знать, что до сложения мира было, и можно ли нам знать, как то было? Вещественность движется и живет; заключим, что движение ей сродно, а бездействие есть вещество твоего воспаленного мозга... Сияет солнце, а ты хочешь, чтоб свойство его была тьма; огонь жжет, а ты велишь ему быть мразом. Отступи со своим всесилием, оно смех токмо возбуждает.

Итак, показав неосновательность мнения о бездействии вещественности, мы самым тем показали, что движение от нее неотделимо. И поистине, не напрасное ли умствование говорить о том, что могло быть до сотворения мира? Мы видим, он существует, и все движется; имеем право неоспоримое утверждать, что движение в мире существует, и оно есть свойство вещественности, ибо от нее неотступно.

Неужели после всего, что мы сказали о движении, притяжении и отражении, нужно еще говорить о *тяжести*, дабы показать, что свойство сие есть сосущественно вещественности? Сию всеобщую силу в природе (притяжение и отражение в ее понятии заключаются), предузнанную Кеплером и доказанную Ньютоном, ужели не свойством почтем естественности потому только, что причина ее сокрывается от пронизания нашего, являя очам токмо свое действие? Но сила сия, действуя соразмерно плотности или сгущению тел и отстоянию их, увеличиваясь по мере плотности и уменьшаяся по квадратам отстояния, да будет действие некоего упругого вещества, которое эфиром назвал Ньютон, или что другое, мы скажем, что она есть и действует с вещественностию нераздельно, следовательно, она ей сосущественна. Да и самый эфир, сколь жидок, сколь тонок, сколь пронизателен он бы ни был, не вещественность ли он сам? Но Ньютон, делая его причиною, кажется, его к веществу не причел; ибо, будучи причиною, он не может иметь свойств того, что производит; ибо, кажется, нелепо сказать, что причина тяжести или притяжения сама имеет тяжесть и притяжательна. Но бытие эфира есть токмо предположенное, а не доказанное, изобретенное для объяснения ипотезы, хотя и блестящая, но ничего другого, как предположения без опытности. Если к сему прибавим, что есть тела (ибо и жидкости суть тела), осязанию подверженные, коих свойство есть не тяжесть, а сила средодаляющая, как то огонь, воздухообразные вещества или газы, и самая вода; и кажется, что если они следуют иногда закону тяжести, то токмо в совокуплении своем и отвердении. Их свойство не есть тяжесть, ни сцепление, но растяжение и взлетание или, лучше сказать, они суть и то и другое вследствие законов смежности. Я с тре-

петом возражаю что-либо изобретению остроумия и, дерзая противоречить Нютону, покажусь несмысленным; но как сказать можно, что огонь имеет тяжесть, и где притяжение воспаряющейся воды, лишенной воздуха и без давления атмосферы?

Сии то суть общие свойства вещественности, предлог общего естествословия, или онога метафизическая часть. Видите, сколь ненадежны суждения человеческие, сколь противоречимы, сколь оспори- ваемы; ибо все в оных зависит от первого изъяснения. Часто спорящиеся друг друга не понимают оттого, что разные о вещи имеют понятия; а чаще того желание заслужить имя остроумного и великого ввергает нас в область воображения, а потому и блуждения. Случается, и очень часто, что, нашед на пути опытов своих или наблюдений один факт новый, или новообразный, стараются привязать к нему все испытанные прежде и составляют систему; а поелику сие название стало несколько смешно, то изображаемым доводам дают имя теории, или умозрения. О, умствователи! держитесь опытности и пользу свою почерпайте из нее. Не тщитесь угадать, чего невозможно. То, к чему стремитесь, есть мысль всевышняя, а вы что? Нютон, сопрягая изобретенную им тяжесть с измерением и исчислением, дал ей блестящее правдоподобие, и никто не смеет ему противоречить, ибо почтение к его изобретению иссоаем почти со млеком матерним. Тяжесть существует в природе, или, паче, притяжение неоспоримо; но тяжесть небесная системы и притяжение тел небесных, движущихся в направлении прямой линии, едва ли не рушится, когда столь же замысловатый, столь же дерзновенный разум сопряжет новые откровения воедино и тяжесть оспорить захочет. Если можно истину предчувствовать, то сие предчувствование вероятно.

Но обратимся к нашему предлогу и разыщем: свойства вещественности могут ли быть свойства разумного вещества, или человеческия души? Мы не скажем, да и нелепо то было бы, что чувствование, мысль суть то же, что движение, притяжение или другое из описанных выше сего свойств вещественности. Но если мы покажем, что все они могут быть или суть поистине свойства вещества чувствующего

и мыслящего, то не в праве ли будем сказать, что оно и вещественность суть едино вещество; что чувственность и мысль суть ее же свойства, но поколику она образуется в телах органических, что суть силы в природе, чувствам нашим подлежащие токмо в их сопряжении с телами, от чего бывают явления; что вещество, коему силы сии суть свойственны, нам неизвестно; что жизнь, сие действие неизвестного также вещества, везде рассеянна и разнovidна; что она явственнее там становится, где наиболее разных сил сопряжено воедино; что там их более, где превосходнее является организация; что там, где лучшая бывает организация, начинается и чувствование, которое, восходя и совершенствуя постепенно, достигает мысленности, разума, рассудка; что все сии силы и самая жизнь, чувствование и мысль являются не иначе, как вещественности совокупны; что мысленность следует всегда за нею, и перемены, в ней примеченные, соответствуют переменам вещественности, то заключим, что в видимом нами мире живет вещество одинакородное, различными свойствами одаренное; что силы в нем всегда существуют, следственно, ему искони присвоены. Но как союз сей произведен, то нам неизвестно, ибо понятие наше вознестися может токмо до познания первыя причины, но тут и наш предел. И прежде всего, непроницательность сколь свойственна вещественности, равномерно и мысленности. Уже я зрю заранее толпы, на нас восстающие; улыбки презрения, осмеяние, — — о, если бы было одно опровержение доводов! — — — Пребудем в стезе нашей, и да молва не отвратит нас от нашей цели.— Непроницательность, видели мы, есть то свойство какого-либо вещества, вследствие коего оно с другим не может находиться на одном месте в одно время. Если сие свойство приписано вещественности, вот как оно разумеется, или как можно разуметь о умственности. Хотя здесь повторим прежние доводы, но из порядка, нами принятого, их исключить нельзя.

Все, что существует, не может иначе иметь бытие, как находяся где-либо, ибо хотя пространство есть понятие отвлеченное, но в самом деле существующее не яко вещество, но как отбытие оно. А дабы

убедиться в сем, то, если неоспоримо, что нужна пустота (как может без нее быть движение?), то место, или точка, где она есть, дать может понятие о пространстве, то-есть о вместилище бытия. Следует, что мысленное вещество должно где-либо находиться. А поелику каждое из них есть вещество особенное, особым бытием снабженное, то два таких вещества не могут быть на одном месте в одно время. Смейся, если лучше разумеешь, но воззри на себя и убедися. Где мысль твоя живет? Где ее источник? В главе твоей, в мозгу: сему учит опыт ежечасный, ежемгновенный, всеобщий. Но разум, но мысль стоящего близ тебя неужели в тебе, в мозгу твоём, для опровержения моих доводов? Всяк имеет свою главу, свою мысль, и мысль единого не есть мысль другого, и наоборот. Вы оба, или мысленности ваши, существуют не в одном месте, следовательно, непроницательны суть. Не возражай мне, что мозги ваши суть различные, или органы мысленности суть непроницательны. Напрасно, мысленность ваша такова. И если скажешь, мысленность наша отвлекает нас от телесности, и две особые мысленности могут быть совокупны относительно мыслению! — согласен; но осмотрим. Твое воображение клокочет и кипит, и где бы ты мысленно ни носился, пускай возницы твои легче звука и быстрее света, о, тварь, се точка, и ты на ней!

Ступим шаг еще в изъяснении площадных наших доводов. Я скажу, мысленность твоя протяженна, мысленность твоя имеет образ. Вижу, вижу, смеешься, хочешь, влечешь за собой меру и вопрошаешь: которой геометрической фигуре она подобна? Помедли и суди сам.

Протяженность есть то свойство вещества, вследствие коего оно занимает место в пространстве. Дадим еще оружие против себя. Протяженность есть то, что измерению подлежит. А поелику все, что измерению подлежит, имеет предел, то определенная протяженность или измеримость есть образ. Что мысленность твоя в мозгу заключена, о том, надеюсь, не будешь спорить; что она не извне на мозг действует, и то, кажется, уступишь мне без прекословия; но во всем ли она мозгу или в некоторой его части, того сказать не можем. По вскрытии черепа головного

нигде знаков пребывания ее не оказывалось. Но она в мозгу, и сие для нас довольно. Положим теперь, что кубическое содержание мозга есть сто дюймов, то мысленность твоя, в которой бы части ни была, сколь бы мала ни была, хотя бы была точка математическая, содержится во сто; ибо мозг измерить, свесить можно*. Если целое велико кажется, ставь дроби, ставь $\frac{1}{100}$, $\frac{1}{1000}$, $\frac{1}{100000}$ до возможного; все будет известная для нее дробь и измеримая.

Дав протяженность мысленности твоей, дадим ей образ, сколь ни нелепо тебе то кажется; ибо, поелику образ есть определение протяженности, мозг есть протяжен, а потому и все, содержащееся в нем. Сверх того, мозг имеет сам по себе определенный образ, следует, что и содержащееся в нем образованно. *Ваятель делает сперва глиняную форму, да образует своего Аполлона.* Но каков может быть образ твоей мысленности, до того мне нужды нет, да и определить того не могу. Или изведем, что воздух и подобное ему вещество, да и всякое жидкое тело образуется по сосуду, в коем содержится. Если воздуха никто на сажень не мерил, то, кажется, для того, что содержащееся его количество в кубической сажени может содержаться равно в кубическом дюйме и растянуться на сто кубических сажен. Но если воздух неудобоизмерим, то взвесить его можно. Не бойся, не бойся, я мысленности твоей на безмен не положу. Сила электрическая, собранная в Лейденской склянице⁵⁸ взвешена. Кто знает протяжение и образ силы магнитная, кто взвешивал ее? Но кто отрицать станет, что она не вещественна?

О других свойствах вещественности, поколику они могут почитаться свойствами мысленности, нужды говорить не имеем; ибо 1-е, делимость есть свойство воображенное и несуществующее; 2-е, твердость есть свойство не столь ясно утвержденное, как то кажется при первом взгляде; 3-е, бездействие есть мечта; 4-е, движение,—мысленность один из его источников разнородных; 5-е, тяжесть, или паче притяжение и отражение. Имеет ли мысленность

* * *
* Кто знает, что не от тяжести ли или легости происходит различие умов?

стремление к центру земли, того не ведаю; но питание, пророждение, жизнь, любовь и ненависть что суть?

Но если надобно кому-либо на сие доказательство, то не нужна ли сила притяжения на какое бы то сложение ни было? А если сила сия имеет точку, откуда действует, то что, паче мысленности, может быть действия средою? Оно таково в самом деле⁵⁹

Если мы оком размышляющим проникнем действия природы и, собрав опыты, вознамеримся отыскать в веществах различия, то не будет нужды напрягать воображение, дабы иметь какое-либо понятие о том, что едва ли мысль постигать может. Не будем творители новых веществ, а, паче, восстановив все на единой лестнице, мы явим неисчисленное вещественности разнообразие и могущество всеотца бесконечное.

Свойства вещественности, доселе предлогом нашего слова бывшие, суть токмо, так сказать, метафизические, заключались в отвлеченнейших понятиях. Но есть свойства вещественности, или паче веществ, поелику они нам известны, кои, приистекая от их коренного сложения, заимствуют свойства состоятельных или начальных частей веществ. Для познания такового нужно говорить о началах веществ, или стихиях, и о некоторых явлениях, первое место в природе занимающих.

Показав, что свойства вещественности суть свойства мысленности, покажем, поколику вероятно, что и мысленность есть вещественности свойство, и прежде всего спросим, какие суть свойства вещества мыслящего, не поколику мы оное предполагаем гадательно, но поколику мы оное познаем самым делом.

Свойства мысленного вещества, или явления, кои к действию его относиться могут, суть: жизнь, чувствование, мышление. Сии свойства суть нечто более, нежели просто движение, притяжение и отражение, хотя сии силы в произведении сих свойств много участвуют, вероятно. Но поелику почитают, что движение и проч. не суть свойства веществ, чувствам нашим подлежащих, то да позволят мне удалиться

от моего предмета и войти в некоторое рассмотрение о составлении тел вообще.

Начальные части всех тел называем мы стихии. Сии суть: земля, вода, воздух, огонь. Но в стихийном их состоянии мы их не знаем; мы видим их всегда в сопряжении одна с другою; да и все стихии, опричь земли, ускользали бы, может быть, от чувств наших, если бы земляных частиц в себе не содержали. Сколь стихии в чувственном их положении ни сложны, однако свойства имеют, отличающие их одни от других совсем; и если не дерзновенно будет оные определить, то скажем, что огонь, а может быть, воздух и вода суть начала движущие, а земля, или твердейшая из стихий, разумея все ее роды, есть движимое. Я не утверждаю, что вода, воздух и огонь, в самом их стихийном состоянии, суть вещества, движение производящие сами по себе, или суть токмо, так сказать, орудие другого вещества, деятельность им сообщающего; но они суть то самое, что в телах движение производит, что всякое сложение и разрушение без них существовать не могут и что они гораздо более места занимают, нежели твердая стихия — земля; что в стихийном их состоянии, сколько то из опытов понимать можно, они чувствам нашим подлежать не могут и что земляная стихия есть единая, которой, поистине, и мы вещественности принадлежать можем.

Но опыты являют нам, что есть вещества, движение производящие, или входящие в состав тел органических и других, кои, кажется, к веществам, стихиями называемым, не принадлежат. Например: свет, хотя он есть огню совокупен; сила электрическая, хотя и имеет свойство огня; сила магнитная; *стихия соли*, которая, кажется, есть всеобщий разделитель, а особливо соединяясь с воздухом и водою; и, может быть, многие другие. Наблюдая их прилежно, найдешь, что они истинную имеют силу или *энергию*; но что она есть? То может быть ей одной известно, или давшему ее стихиям.

Дабы показать, сколь разделение веществам, нами сделанное, на движущие и движимые есть истинно и на опытах основано, войдем в некоторые подробности о стихиях и о их сложениях

Говоря о стихиях и о некоторых явлениях, в природе примеченных, которые, кажется, принадлежат к действию веществ, от четырех признанных стихий отличествующих, мы видели, что они, совокупляясь одна с другою, столь естество свое изменяют, что почти кажутся быть совсем другими веществами. Вода становится земле подобна, огонь твердеет, становится осязателен, не жжет и не светит, а присутствие воздуха явно единою тяжестью. В других сложениях, а особливо сохраняя свою жидкость, они удерживают отчасти свои свойства, отчасти, изменяясь, паки представляют совсем новые явления.

Средства, употребляемые природою на сложение стихий, кажутся быть многочисленны и различны, но часто в разнообразии своем, как нам известно, следуют одинаковым законам. Естествослывы, не входя в дальние рассмотрения, уобщая понятия и восходя от одной отвлеченности к другой, а паче сделав себе систему и возгнеждая в нее все известные факты, сказали, что общий закон, вследствие коего делаются все сложения, есть притяжение. Но хотя Бюфон и говорит, что образ производит великую разность, но кристаллизация или стеклование суть ли одно? То и другое производит сцепление, но сколь оно разнообразно, сколь разнообразно в действии! Говорят, что все тела находятся в сложении своем токмо вследствие сцепления, и для доказательства сего употребляют известный всем опыт двух весьма гладких поверхностей; но сие сцепление есть одно из слабейших, и если не была другая сила, что удержало бы золото под молотом, что дало бы ему столь ужасное растяжение? Ужели сцепление в стекле сильнее золота?

Одно из главных средств, природою на сложение стихий и изменение их употребляемое, есть организация. В ней действуют все стихии совокупно; в ней и другие силы явственны. Анализис частей животного дает все стихии. Но тело органическое почеть можно химическою лабораториею, в коей происходят разного рода амальгамы, сложении, разделении и проч. и производят почти новые вещества. Не говоря ни о чем другом, воззрим на сложение мозга и на продолжение его нервов. А если и то истинно, что в них существует так названная нервная влажность, сколь отменное

я существо от всего другого! Одно, что в ней сходственное примечается, есть то, что она похожа на силу электрическую и магнитную. Может быть и то, что сии оба вещества, всосанные в тело, в нем амальгамируются и передвоятся и с другими стихиями составляют нервную жидкость.

Что сия существует в организации животных, вероятно, и разные на то отыскаться могут убедительные факты.

Мы сказали, что свойства мысленного вещества суть: жизнь, чувствование, мышление. Жизнь есть то действие явления, чрез которое семя разверзается, растет, получает совершенное дополнение всех своих сил, производит паки семя, подобное тому, из коего зачалось; потом начинает терять свои силы и приближаться к разрушению. Сия сила есть ли единственно простое произведение, из сложения стихий происходящее, то можно будет утверждать тогда, когда искусством можно будет производить тела органические. Жизнь свойственна не одним животным, но и растениям, а вероятно, и ископаемым, что побуждает заключать, что сила, жизнь дающая, есть одинакова, или, паче, одна является различною в разных сложениях. А поелику явное присутствие огня с действием жизни совокупно *, то и не безрассудно заключать можно, что огонь есть одно из необходимых начал жизни, если он не есть самая она.

Раздраженность примечается в телах в их разделении, воскипании. Квас и все, что ферментациею называем, не есть начало раздраженности. Раздраженность примечательна уже в растениях, а паче в чувственнице. Есть ли она произведение силы электрической и какой другой, то неизвестно, но вероятно. Посмотри, как чувственница увядает от малейшего прикосновения.

Чувственность есть свойство ощущать. Опыты доказывают, что она есть свойство нервов, а физиологи приписывают ее присутствию нервной жидкости. Чувственность всегда является с мысленностию сово-

* * * По отдалении солнца вся природа мертвеет. Не умирают животные, ибо в себе заключают больше огня, нежели растения.

купна, а сия есть свойственна мозгу и в нем имеет свое пребывание. Без жизни же и они бы нам не были известны. Итак, возможно, что жизнь, чувствование и мысль суть действие единого вещества, разнообразного в разнообразных сложениях, или же чувственность и мысль суть действие вещества отличного, в сложение которого, однакоже, входит если не что другое, то сила электрическая или ей подобная. Итак, если мысленность мы там только обретаем, где обретаем чувственность, если чувственность неразлучна с жизнью, то не вправе ли мы сказать, что сии три явления тел суть действия единого вещества? Ибо, хотя жизнь находим мы без чувственности, а чувственность без мысли, однако кажется быть жизни спутницею раздраженность, что есть низайшая токмо, может быть, степень чувственности, и если чувственность и мысль не спутницы всегдашние жизни, то по той токмо причине, что нет всегда свойственных им органов, нервов; ибо есть и таковые вещества, стоящие, так сказать, на смежности единыя жизни и чувственности, которые для того кажутся быть мысли лишены, что не имеют ее органа, мозга.

Прибавим еще и то: понеже в существо жизни входит частию составительною и, кажется, необходимою огонь; понеже в чувственности примечать можно явления, электрической силе подобные, что она действует на наши нервы, как то и сила магнитная; понеже чувственность кажется быть продолжением токмо мысленности, ибо и понятия и мысли все происходят от чувственности и органы сея суть продолжение органа мысленного,— то не ясно ли, что мысль, чувственность и жизнь суть свойства вещества непроницательного, протяженного, образованного, твердого и проч.; ибо огонь и сила электрическая и магнитная суть свойства того же вещества, или оное само.

Присовокупим к сим общим рассуждениям о вещественности некоторые подробности, которые объяснят и дополнят все, что о сей материи сказать можно.

«Приписывать действию особого вещества то, что может принадлежать другому, в полном действовании веществуемому, есть совсем излишнее и не-

нужное. Давать телу человеческому душу, существа совсем от него отменного и непонятого, есть не только излишне, но и неосновательно совсем. То, что называют обыкновенно душею, то есть жизнь, чувственность и мысль, суть произведение вещества единого, коего начальные и составительные части суть разнородны и качества имеют различные и не все еще испытанные. Если стихии толико могут изменяться в сложении своем, что совсем непохожи на свою первобытность, то почто заключать толико неосновательно и отрицать им действие того, где они части составительные? Успехи наук, а паче химии и физики, доказывают, что не невозможно когда-либо счастливыми опытами уловить природу в ее творительном, производительном стану. И хотя бы чувственность и мысль были силы, от всех известных нам отличные, то как быть столь скорым в решениях наших и отрицать, что не вещественности они суть свойства и сей никак принадлежать не могут, ибо ей суть будто противоречащи?»

«Не удивительно, что те, которым природа, так сказать, чужда, кои никогда на нее не обращают ока внимательного, не удивительно, что возмечтали быть себя бессмертными. Не удивительно, что бедствием гонимые, преследуемые скорбью, болезнию, мучением, ищут прибежища превыше жизни. Но то казаться будет всегда странным, что те, коих природа есть упражнение всегдашнее, те, кои наипаче проникли в ее сокровенности, те, кои в разыскании ее таинств находят свое увеселение, что и те, когда дойдет до решения между конечная смерти и возрождения, всегда к нему прилепляются. Столь слабость наша велика, столь возлюбляет человек бытие свое, столь боится разрушения! Сему и быть так должно, ибо во младенчестве, в детстве, в юности, во младости мы окружены всегда предметами, к жизни нас прилепляющими, окружены предубеждениями, о будущей жизни твердящими. И когда настает возмужалые лета, то совершенство жизни затмевает разрушение и его или представляет почти невероятным, или отвлекает мысли от сих предметов. Да и те, которые убедятся в противном, приспев ко гробу и чувствуя нечто необычайное, вдруг обращаются к мыслям,

приобретенным в лета безрассудительные. Тот, кто совершенно и беспрестанно был блажен, тому жаль расстаться с утешительною и веселия исполненною жизнью, и для того мнит продолжать ее бессмертием. Тот, который изнемогает под тяжестью превратного счастья, тот в кончине своей зрит оным конец и, вкушав утехи когда-либо, мнит, что и оные возродятся, и сердце, надеждою упоенное, отлетает в вечность».

«Но повторю: как отыскатели деяний природы могут ошибаться в ее действиях! Пройди, всю жизнь человеческую от рождения его до кончины: чувственность и мысль следуют телесности в развержении ее, укреплении, совершенствовании, расслаблении, изнеможении, и когда рушится одна, престаёт действие и другия».

«Что мыслит родившийся, что чувствует он? Мысли совсем непричастен, чувственность весьма слабая. Но тело начинает приращаться, и с ним чувственность и мысль. Оно укрепляется, и купно с ним чувственность и мысль. Не лучшее ли время для мысли и чувственности есть то, когда тело, получив полное свое приращение и укрепившись всеми силами своими, находится в полном и цветущем здравии? Но болезни объемлют тело, скорбь мозжит его и сверлит, силы его ослабевают, с ними и душевные. Посмотри на совершившего течение жизни: какая степень осталась в нем чувственности и мысли? Одна изгладилась, другая равняется младенчеству. Почто рыдаешь? Се одр твой, се покой тела твоего! все начала состава его притупилися, и рушиться им должно. Почто же плачешь о неизбежном, почто убегаешь неминуемого? когда жизнь прервется, увянет и чувственность, иссякнет мысль, и всякое наименование прелетит, яко легкий дым. Жалеешь о блаженстве своем, то ужели жалеешь и о бедствии и скорбях? Возвесь все минуты печали, болезни и превратностей, и противоположи им минуты радости, здравие и благоденствие; увидишь, что чаша злосчастия всегда претянет чашу блаженства. То и другое суть удобоисчисляемы, и заключение верно. О чем же сетуешь? Воскликни: се час мой! скажи: прости! и отыди».

«Но прежде, нежели преступим к другим пред-

метам, радования и надежды исполненным и отгоняющим отчаяние из сердца и разума, истощим все доводы и притупим, так сказать, тем самым стрелы, душу умерщвляющие».

«Защитники души безвещественная, несложная и потому бессмертная говорят: человек имеет два уха, два глаза; осязательность его рассеяна по всей поверхности его тела; но чувствование внутреннее, от разных чувств происходящее, но мысль, от чувств рождающаяся, есть неразделима, но сведение самого себя, столь живое, столь ясное, всегда едино, просто, неразделимо; а сие побуждает заключать, что вещество, к которому оно принадлежит, также есть простое и неразделимое. А поелику неразделимое разрушиться не может, то заключить должно, что душа по разрушении тела пребудет неразделима, следовательно, она есть безвещественна, а потому и бессмертна».

«Скажи, возражатель, неразделимость и вечность мечтающий, скажи и истолкуй мне: как вещество простое может действовать на сложное; как действует непротяженное на протяженность? И еще того непонятнее: как непротяженное заключается в протяженности; ибо ведаем, что понятие протяженности есть неразделимому противоречащее? Как безвещественная и непротяженная твоя душа заключена в протяженное твое влагалище, того я не знаю и молчу; да и ты не знаешь и быти ей утверждаешь. Желая сделать душу, от тела твоего совсем отличную, простую, неразделимую, ты ее делаешь веществом совсем мысленным. Она уже не вещество, единственно отвлечение, точка математическая, следовательно, воображение, сон, мечта. Вещество неразделимое, простое, словом, душа твоя, есть ничтожество, бессущественность, небытие; ибо кто видал, кто ощущал, если не в мечтании, что-либо несложное, простое, неразделимое? Да и как нам себе его представить? Когда хотим изобразить точку, то говорим, что она есть конец линии. Чему же душа твоя есть окончание? Мне кажется, о, ты, бессущественность утверждающий! что житие, что наслаждения телесные и мысленные тебе наскучили: оставь же нас и отыди в своя превыспренняя и веселися».

«Скажи, о, отрицатель вещественная души!

скажи, отчего находишь столь невозможным согласное действие всех чувств твоих и всех органов? Все, что существует, имеет свою цель, и все его части, способности и силы суть к оной обращены. Не в мысленности ли ты существуешь? Для чего же ты думаешь, что чувства твои, что органы не для нее суть, и она не от них? Или скажешь, что мусикийское благогласие невозможно, ибо звук единственный, нота мусикийская неблагогласна суть? Из того, что пальцы твои на струнах скрипичных не умеют двигаться искусственно, ты заключаешь, что стройная звучность ей несвойственна. Не заключишь ли, что поелику единственная частица воздуха не может производить звука, что он не есть произведение воздуха? или, что синяя или красная отделенность луча неудобна на произведение света, что все семь отделенностей, составя луч, свет производить неудобны? Безумный! ты скоро скажешь, что и жизнь в человеке есть невозможность, ибо каждая часть тебя не есть жизнь. Смотри, куда ты забрел! не завидую тебе, поистине, ни твоей мысленности. Кто рыщет в мечтании, недостойн, чтобы оно было отлучен. Чувственность местию не замедлит; воцанные твои крылья растают от ее жаркости и, новый Икар⁶¹ залетевший, куда сам не ведаешь, падешь».

«Скажи, вопрошу паки, как могли в мозг твой войти сия чрезвычайная души твоей простота и неразделимость? Возьми столь художественно изобретенное орудие на показание и деление времени, ударь его о камень, где будет сей почти разумный времени указатель? Или в каждой части? Металл, из коего он сложен, не возможет того без соразмерности в частях его, колесах и пружинах. Но ты паки говоришь, что душа твоя неразделима! Но звук, но благогласие делимы ли суть? Орудия, оные производящие, суть делимы, суть сложны; но не действие их, не произведение. Не от чувств ли ты мысль свою получаешь? мысль твоя неразделима; но неужели неразделимы твое ухо, око, нос? Итак, произведение твоих чувств неразделимо, и скажем твоими словами: душа твоя неразделима. Согласен, что из одной души нельзя сделать двух душ; но следует ли из того, что с разрушением твоих органов и душа разрушиться

не может? Разрежь, говорит Пристлей, один шар на двое, выдут ли из того два шара? Выдут две половины, но шара не будет»⁶².

«Ужели так трудно тебе вообразить единственность чувствования и мысли и того, что ты душою называешь, не саму по себе единственную, простую и неразделимую, но единственну и неразделиму яко действие твоих органов и твоего сложения? Вообрази себе сие нравственное, сие соборное вещество, которое мы называем общество; представь себе сенат римский или афинскую площадь. Колико частей! колико пружин! колико действий! но все идет к единой цели, все общественного жития стяжают, все мыслят одно, одного желают. Я пример тебе даю, уподобление представляю, а не сравнение. Но все твои усилия, чтоб отделить душу твою от тела, напрасны суть и бессильны».

«Не с телом ли растет душа, не с ним ли мужает и крепится, не с ним ли вянет и тупеет? Не от чувств ли ты получаешь все свои понятия и мысли? Если ты мне не веришь, прочти Локка. Он удивит тебя, что все мысли твои, и самые отвлеченнейшие, в чувствах твоих имеют свое начало *⁶³. Как же душа твоя без них может приобретать понятия, как мыслить? Почто бесплодно делать ее особым от чувственности веществом? Ты похож в сем случае на того, кто бы захотел дать душу носу твоему, дать душу уху, дать ее глазу, а в осязательности твоей было бы столько душ, сколько точек есть на поверхности твоего тела. Неужели на всякое деяние тела дадим ему душу? Гортань моя возгласит песнь, и я скажу, что есть во мне вещество поющее; отверзу уста и возглаголю, а ты скажешь, что есть во мне вещество говорящее, и только для того, чтобы от телесности отбыть. Странник! ты чуждаешься матери твоей, отрицаешь чувствам мысленности происхождение. Все познания твои приходят к тебе от чувств твоих, и ты хочешь, чтоб мысленность моя была им чужда, имела существо, им совсем противоречащее».

* * *
Здесь противоречия нет против сказанного выше, где говорится, что *отвлечение* есть действие рассудка. Мы здесь говорим, где корень понятий отвлеченных.

«Но откуда возмечтал ты, что душа твоя не есть действие твоих органов, что она бестелесна? Вниди в себя и воньми, колико телесностей на нее действуют. Все чувственные предметы, все страсти, болезнь, жар, стужа, пища, питание,— все душу твою изменяет. Все телесно есть; она страждет, а не тело. Может ли знать душа твоя, сие высшая степени вещество, какая мысль в ней возродится чрез одно мгновение, чего она возжелает? Может ли она, если она тела твоего управитель, может ли знать, какое будет его движение чрез час един и какое язык его произнесет слово? Окруженная со всех сторон предметами, она есть то, что они ей быть определяют. Если бы они не извещали чувства твои, что ты существуешь, если бы ты чувств лишен был (но того ли ты и желаешь, желая бессмертия?), не известен бы ты был, что ты есть, что существуешь; ибо никакая мысль в тебе не могла бы возродиться».

«Не токмо внешность, но вся внутренность царствует над твоею душою. Когда страсти возжгут огонь в крови твоей, когда неведомое какое беспокойствие обумет всего тебя и ты, презирая все на свете и самую жизнь, течешь во след предмету, страстию вожденному, где тогда душа твоя? Где сей устроитель твоя телесности, сей судия твоих деяний, сей царь, где он? Иногда, иногда возвысит он глас, и мечта всемогущества думает страсть усмирить мановением единым, как Эол ⁶⁴ усмирал бунтующие ветры. Но сии непокорливые его подданники, восстав с новою на него свирепостию, влекут его и, как новая Армида ⁶⁵, заключают в цветящиеся и неощущаемые оковы».

«Но не токмо страсти умерщвляют твою душу; все потребности твои, все недостатки властвуют над нею произвольно. Ощущал ли ты когда-либо терзание глаза? Ведаешь ли всю власть желудка твоего над твоею мысленностию? Когда он тош, тело твое изнеможет, и душа расслабевает. Но ты скорее знаешь действие пресыщения. Когда избыточные соками питательными яства обильный хил влиют в твои жилы и естественность в тебе обновляться начнет, ты знаешь то, сколь слаба тогда мысль твоя. Но вижу то, пресытился питием: обезображено лице, искажены взоры,

язык коснеет, или и душа твоя причаствовала в чаше Вакха? О, вещество бестелесное! если чему другому ты неподвластна, то пьяные пары, конечно, сильно на тебя действуют. Когда ты, о, любитель духовных веществ! усумнишься в своей вещественности, то войди в сонм пьяных. Верь мне, скоро, скоро убедишься, что с телом и душа пьянеет».

«Мне скучно становится собирать еще доводы на то, что столь ясно кажется. Но я еще обращаю взор твой на тебя самого. Если ты не убедился о своей вещественности тем, что видел душевные силы возрастаемы с телесными; что они расширены стали удобренным воспитанием; что воображение есть плод страны, где жительствоешь; что память твоя единственно зависит от твоего мозга, и когда он старится и твердеет, тогда и память теряет свою способность; что суть способы телесные на ее расширение и что внимание твое утомляется напряжением: если все сие не есть тебе доказательством, войдем со мною во храмину, уготовленную человеколюбием для страждущего человечества, в хранилище болезней. Не содрогается ли, не немеет ли вождь твой духовный от сего зрелища? Если ты нетрепетно восходил на стены градские и презирал тысячи смертей, окрест тебя летавших, то здесь весь состав твой потрясется! Ты зришь твое разрушение, ты зришь конечную и неминуемую твою смертность. Не тужи о воспаленной огневицею, не жалей о лишенном ума: они варяют в мечтаниях. Верь, они нередко нас блаженнее. Болезни своей они не ведают, и душа веселящихся полна мечтаний. Но содрогнись на беснующегося, вострепещи, взирая на имеющего в мозгу чирей! О, душа, существо безвещественное! что ты и где ты? Если все доводы Эпикура, Лукреция и всех новых их последователей слабы будут на свержение твое с возмечтанного твоего престола, то желающий убедиться в истинном ничтожестве своем найдет их в первой больнице в великом изобилии».

«Если и сего тебе мало, то соглядай вседневное свое положение, когда утомленное твое тело ищет покоя. Воззри на сон. Если хочешь вообразить, что душа твоя есть раб твоего тела, и каково будет состояние ее по смерти, то рассмотри, что есть сон,

и познаешь. Первое, когда мечты исполняют главу твою, скажи, властен ли ты на их произведение? Сновидения твои столь же мало от тебя зависят, как и от твоего понятия. А если можно тому верить, что сновидение есть начало пробуждения и производится внешним чем-либо, то предварительно твое возражение, когда хотел сновидение отнести к действию твоей души. Но рассмотри себя, когда пары, поднимающиеся от желудка твоего, не тревожат мозга, когда сон твой покоен и крепок, ты не токмо не чувствуешь, но и мысль твоя недействительна. А если и то тебя не убеждает, посмотри на тех, коим болезни дают сон долговременный; спроси у них, мечтали ли они что-либо? Или думаешь, что в решении задач математических упражнялись? Впоследние скажу, воззри на обьятого обмороком и чувств лишенного. Если когда-либо излишне испущенная кровь повергала тебя в таковое положение, то знаешь ты, что смерть есть, и что душа твоя от жала ее не ускользнет. И как хочешь ты, чтоб я почел душу твою существенностию, от тела твоего отделенною, веществом особым и самим по себе, когда сон и обморок лишают ее того, что существо ее составляет».

«Скажи, о, ты, желающий жить по смерти, скажи, размышлял ли ты, что оно не токмо невероятно, но и невозможно? Вообрази себе на одно мгновение, что ты уже мертв, что тело твое разрушилось. Ты говоришь, что душа твоя жива. Но она лишена чувств, следственно лишена орудий мысли, следственно она не то, что была в живом твоем состоянии. И если состояние ее изменилось, то вероятно ли, что она ощущать и мыслить может, чувств лишена? А если душа будет в другом положении, то следует, что ты в душе своей будешь не тот человек, который был до смерти. Ведаешь ли, от чего зависит твоя особенность, твоя личность, что ты есть ты? Помедлим немного при сем размышлении. Сие мгновение ты, посредством чувств, получаешь извещение о бытии твоем; в следующее мгновение то же чувствуешь; но дабы уверен ты был, что в протекшее мгновение чувствование происходило в том же человеке, в котором происходит в настоящее мгновение, то

надлежит быть напоминовению; а если человек не был одарен памятью, то сверх того, чтобы он не мог иметь никаких знаний, но не ведал бы, что он был не далее, как в протекшее мгновение. Если по смерти твоей память твоя не будет души твоя свойство, то можно ли назвать тебя тем же человеком, который был в жизни? Все деяния твои будут новы и к прежним не будут относиться, то что успеешь, жил ли прежде или жив будешь по смерти? Жизни сии не суть единое продолжение; они прерываются. Жить вновь и не знать о том, что был, есть то же, что и не быть. Забвенное для нас не существовало. Что не можно душе твоей сохранить памяти, о том читай многочисленные и убедительные примеры в книгах врачебных. Памяти престол есть мозг; все ее действия зависят от него, и от него единственно; мозг есть вещественность, тело гниет, разрушается. Где же будет память твоя? Где будет прежний ты, где твоя особенность, где личность? Верь, по смерти все для тебя минуется, и душа твоя исчезнет».

«По смерти все ничто,
И смерть сама ничто.
Ты хочешь знать то, где
Будешь по кончине?
Там будешь ты, где
Был ты до рожденья».

Сенека, в трагедии «Троада»⁶⁶.

«Итак, если мозг и глава нужны для мышления, нервы для чувствования, то как столь безрассудно мечтать, что без них душа действовать может? Как может она быть, когда она их произведение, а они к разрушению осуждены? Не токмо не можно вообразить себе, что есть такое вещество простое, неразделимое, дух; но и того вообразить нельзя, чтобы они были по разрушении, хотя бы и существовали».

«Ведай, что всякое состояние вещества, какого бы то ни было, естественно предопределяется его предшедшим состоянием. Без того последующее состояние не имело бы причины к своему бытию. Итак, предрожденное состояние человека определяло его состояние в жизни, а жизненное его состояние оп-

ределяет, что он будет по смерти. До зачатия своего человек был семя, коего определение было развержение. Состояние жизни приурочивало распложение и разрушение. Когда же жизнь пройдет, почто мечтать, что она может продлиться? Человек вышел из семени, и состав его рассеменится по сложению стихий, его составлявших. И если по справедливости заключить можем из состояния человека до начатия его жизни о состоянии по скончании ее, то поелику он не имеет воспоминания, что существовал в семени, то не может иметь воспоминания по смерти о том, что был в жизни».

«Итак, о, смертный! оставь пустую мечту, что ты есть удел божества! Ты был нужное для земли явление вследствие законов предвечных. Кончина твоя приспела, нить дней твоих прервалась, скончалось для тебя время и настала вечность!» — — —

О, ты, доселе гласом моим вещавший, тиран лютейший, варвар неистовый, хладнокровный чело-веконенавидец, изыскательнее паче всех мучителей на терзание! Жестокостию твоею и зверством ты превышаешь Тиверия, Нерона, Калигулу, всех древних и новых терзателей человечества! Чем свирепствовать могли они над беззащитною слабостию? Могущество их простиралось на мгновение токмо едино; владычество их за жизнь не заgrabляло. Терзанию, болезням, изгнанию, заточению, всему есть предел непреоборимый, за которым земная власть есть ничто. Едва дух жизненный излетит из уязвленного и изможденного тела, как вся власть тиранов утщется, все могущество их исчезнет, раздробится сила; ярость тогда напрасна, зверство ничтожествовать принуждено, кичение смешно. Конец дней несчастного есть предел злобе мучителей и варварству осмеяние. Но ты, простирая алчно терзательную твою десницу за кончину дней моих, не мгновенного лишаешь меня блаженства, не скоропретекающего радования, не веселия бренного и скоролетящего. Подавляющая меня твоя рука тяжелее гнетет увядающее сердце, нежели все тяжести земные, свинец и золото и чугун. Жестокосердый! ты лишаешь даже надежды претертую злосчастьем душу, и луч сей единственный, освещавший ее во тьме печалей, ты

погашаешь. Лишенного на земле утех, не ожидающего веселия ни на мгновение уже едино, ты ограбляешь его надеяния возродиться на радость и на воздаяние добродетели; ты лишаешь его будущия жизни. Ужель гонители Сократа на равную с ним участь осуждены? Ужель ничтожество есть жребий всех добродетельных и злосчастных? — Но откуда твое дерзновение, откуда власть твоя, откуда веселие, разрушающее покой мой и надеяние? Или не ведаешь, что может отчаяние человека, лишенного семейства, друзей и всякия утехи? Не скроют тебя от карающих руки ни вертепы, ни леса дремучие, ни пустыни! мщение тебя преследует, настигнет тебя, веселием упоенного, и, отъемля у тебя даже средства к утехе, радованию и упокоению, исторгнет из сердца твоего более самую жизни. Я мысль даже в тебе претру надежды будущего, и вечность отлетит — но что успею я? О, тигр, ты ее не чаешь!

Книга четвертая

Древние гимнософисты⁶⁷ и бракмань⁶⁸ и нынешние брамины говорят, что человеческая душа в награждение за добрые дела, на земле соделанные, по отделении ее от тела смертию преселяется в овцу, в корову или слона белого; в возмездия же за дела злые преселяется в свинью, тигра или другого хищного зверя. Древние египтяне также думали, что души их преходили в животных и растения и для того столь тщательно избегали убиения животных, дабы не убить отца своего или мать или не съесть их в тюре.

Сию гипотезу можно наравне поставить со всеми другими вымышлениями для награждения добрых дел и для наказания худых. Тартар и поля Елисейские⁶⁹ и Гурии⁷⁰ все одного суть свойства, бредни. Древние кельты чаяли в раю пить пиво из черепов своих неприятелей. Спроси русского простолюдина: каков будет ад? — Язык немеет, — скажет он в ответ: будем сидеть в кипячей в котле смоле. Все таковые воображения суть одного рода; разница только та, что одна

другой нелепее. Случалось вам видеть картину страшного суда — не Михаила Анжеля⁷¹, но продаваемую в Москве на Спасском мосту? Посмотрите на нее и в заключении своем не ошибетесь; и смело распространяйте оное на все изобретения, представляющие состояние души хуже нынешнего, хуже, нежели в сопряжении с телом.

Что иные люди бывали люди же прежде сего, тому находят будто правдоподобие имеющие доводы. Великие мужи, говорят они, суть всегда редки; нужны целые столетия, да родится великий муж. Но то примечания достойно, что великий муж никогда не бывает один. Всегда являются многие вдруг, как будто воззванные паки от мрака к бытию, как будто от сна восстают пробужденные, да воскреснут во множестве.

Если бы произведение великого мужа для природы было дело обыкновенное, то бы равно было для нее, да произведет его, когда бы то ни случилось, и тут и там, одно [го], двух. Но шествие ее не так бывает. Великий муж один не рождается, но если обрели одного, должны быть уверены, что имеет многих сопутников. И кажется, иначе тому быть нельзя; они всегда рождаются на возобновление ослабевающих пружин нравственного мира; рождаются на пробуждение разума, на оживление добродетели. Подобно, как то уверяют, что землетрясение есть нужное действие естественного строительства на возобновление усыпляющихся сил природы, так и великие люди, яко могущественные рычаги нравственности, простирая свою деятельность во все концы оная, приводят ее во благое сотрясение, да пробудятся уснувшие души качества и силы ее да воскреснут. Если же еще помыслим, что не прилежание, не старание, не воспитание делают великого мужа, но он бывает таков от природы врожденным неким чувствованием или высшим будто вдохновением, то не подумал ли помыслить, что почти невозможно единого жития течения на произведение великого мужа, но нужны многие, ибо известно всем, сколь мешкотно, сколь тихо бывает шествие наше в учении нашем, и распространение знаний не одним делается днем. Итак, можно вероятно заключить, что великий муж не есть новое произведение природы, но паки бытие, возрождение прежде быв-

шего, прежняя мысленность, в новые органы облеченная. Даже история сохранила примеры о воспоминавших о прежнем своем бытии. Пифагор помнил то ясно, Архий, Аполлоний Тианейский⁷²; и если б мнение таковое не было нашему веку посмеялищем, то можно подумать, что бы многие о таковом прежнего их бытия воспоминании дали бы знать свету, но паче сего можно сослаться на каждого собственное чувство, если только кто захочет быть чистосердечен. Не имели ли мы все или многие из нас напоминовения о прежнем состоянии, которое не знаем где вклеить в течение жизни нашей? В начальные дни жития нашего случалось бывать на местах, видать людей, о коих поистине сказать бы могли, что они уже нам известны, хотя удостоверены, что их не знаем. Откуда таковые напоминовения? Не из прежнего ли бытия, не прежняя ли жизни? Не для того ли они бывают иногда столь же сладостны, что уже были чувствуемы? Если всякий о сем воспоминать не может, то для того, что, прилепленный к телесности чрез меру, не может от нее отторгнуться. Но те, кои упражняются в смиренномудрии и мысленности, тем таковое напоминовение легко быть может, чему и дали примеры Пифагор, Аполлоний и другие. Такими-то доводами, любезные мои, стараются дать вид правдоподобия нелепости и смехотворному дают важность.

Колеблюся, нужно ли опровержение на таковые надутые доказательства, ибо известно, что нужно Пифагору было о себе сказать, что он был прежде Евфорий, для того, что он утверждал преселение душ. Можно было и Аполлонию говорить то же, ибо если мог делать чудеса, всеми зримые, то верили ему, что он облечен уже в новый образ. Но ныне успехи рассудка мыслить заставляют, что всякое чудо есть осмеяние всевышнего могущества и что всякий чудодеец есть богохульник. Вот для чего Шведенборг почитается вралем, а Сен-Жермень, утверждавший бессмертность в теле своем, есть обманщик. Какое пустое доказательство, что для произведения великого мужа прерождение нужно, да и в чем состоит таковая прерождения необходимость! Тот, кто может произвести великого мужа, может его произвести в один раз, равно как и в два. История свидетельствует, что

обстоятельства бывают случаем на развержение великих дарований; но на произведение оных природа никогда не коснеет, ибо Чингис и Стенька Разин в других положениях, нежели в коих были, были бы не то, что были; и не царь во Греции Александр был бы, может быть, Картуш⁷³. Кромвель, дошедши до протекторства, явил великие дарования политические, как-то: на войне великие качества военного человека, но, заключенный в тесную округу монашеския жизни, он прослыл бы беспокойным затейником и часто бы бит был шелепами. Повторим: обстоятельства делают великого мужа. Фридрих II не на престоле — остался бы в толпе посредственных стихосплетчиков и, может быть, ничего более.

Что многие великие мужи родятся вдруг, то естественно есть и быть так долженствует. Изъятия тому есть, но редкие. Редко возмогает тот или другой вознестися превыше своего времени, превыше окружностей своих. Уготовлено да будет место на развержение; великие души влекутся издалека, и да явится Ньютон, надлежало, да предшествует Кеплер. Естественно, говорю, чтобы великие мужи являлися вдруг, а не поодиночке. Малейшая искра, падшая на горячее вещество, произведет пожар великий; сила электрическая протекает везде непрерывно и мгновенно, где найдет только вожатого. Таково же есть свойство разума человеческого. Едва един возмог, осмелился, дерзнул изъятися из толпы, как вся окрестность согревается его огнем и, яко железные пылинки, летят прилепиться к мощному магниту. Но нужны обстоятельства, нужно их поборствие, а без того Иоган Гус издыхает во пламени, Галилей влечется в темницу, друг ваш в Илимск заточается. Но время, уготовление отъемлет все препоны. Лутер стал преобразователь, Декарт преобразователь, и, яко вследствие законов движения удар, данный единому шару, сообщается всем, на пути его стоящим, в едином ли то направлении или раздельно, так и электр души, возродяся единожды, изливается во все окрестности и стремится, подобно жидкостям, к равновесию (niveau) и уравниности.

Сколь тоще, сколь пусто доказательство, взятое из напоминовения, когда виды, новые предметы, ка-

жется, будто видим виденные! столь верно, что сие напоминовение происходит от виденных, но подобных, хотя не самых тех, сколь верно, что все наши понятия происходят от чувств наших. Сочетание мыслей наяву имеет то же шествие, как и во сне; разность только та, что рассудок останавливает уродливое сочетание; но если вдашься воображению своему, то все чудесности небывалого Элдорады будут скоро действительны. Та же сила, которая напоминает при воззрении на новые предметы, будто они уже суть виденные, сочетая воедино виденного по частям, та же сила могла произвести Армиду, солнышкина рыцаря, и в Потерянный рай⁷⁴ вместить все изящности и все нелепости. Кто наяву ссылается на воображение, находится в опасности, что скоро забредит.

Но если предыдущие две возможности о посмертном нашем бытии суть произведения детства, а может быть, и дряхлости рассуждения человеческого,— что столь же, кажется, нелепо думать, что я буду по кончине моей слон белый, как новый Чингис, Европы завоеватель,— возможность третья, то-есть что состояние наше посмертное удобриться долженствует, во всем нами прежде сказанном многие имела доводы, и, дабы ее утвердить паче и паче, войдем еще в некоторые подробности. Может быть, я заблуждаю, но блуждение сие меня утешает, подавая надежду соединиться с вами: подобно, как будто привлекательное какое повествование, в истинности никакой основательности не имеющее, но живостию своих изображений, блеском картин и сходствием своих начертаний удаляя, отгоняя даже тень печального, влечет воображение, а за ним и сердце в царство хотя мечтаний, но в царство веселий и утех.

. О, человек! когда, возгордившись паче меры, ты возлетаешь в чувствовании твоём, помысли, что знание твое, что наука твоя есть плод твоя речи, или, паче, что она есть собрание различных звуков, помысли — и усмирися.

Вот, возлюбленные мои, вот на чем основаны человеческие познания. Мысли наши суть токмо знаменья вещей, выражаемые произвольными звуками; следовательно, нет существенного сопряжения или союза между мыслию и словом, ибо все равно было:

назвать дурака дураком или вашим; в сем ни малейшего сомнения не может быть. Сколь скоро два языка кому известны, то сие явно. И се обильный источник наших заблуждений, ибо поелику во всех языках каждая вещь имеет уже название и все несложные мысли — свои знаменья, то когда возродится мысль новая, то * дают ей знамение, сложенное из прежних. Если ты разумеешь под знаменем то, что я, то мы друг друга разумеем; если же ты понимаешь иначе, то и выходит разгласие, вздор. Равно, как бы один говорил по-еврейски, а другой по-русски. Таковы-то, однакоже, суть большею частию все мнения философические, все исповедания. Один сказал: да,— другой разумел: нет, а третий — и то и другое: от чего случается, что от первого изрекшего знамение вещи оно хотя преходит в том же звуке заключенное чрез многие столетия, но мысль, с ним сопряженная, различествует от первой, как день от ночи. Таковы суть и были наипаче мнения человеческие о высшей силе. Люди назвали ее богом, не имея о ней ясного понятия. Вот как разум человеческий бродит, ищет истину, но вся мудрость его, все глубокомыслие заключены в утлом звуке, из гортани его исходимом и на устах его умираемом ⁷⁵.

.

Итак, добродетель имеет сама в себе возмездие, а пороки — наказание. Что может быть сладостнее, как быть уверену, что пребыли всегда в стезе, нам назначенной? Что превышает удовольствие, как знать, что ничем мы сами себе упрекнуть не можем? Если бы вознялася легкая мгла, затмевающая зеркало совести добродетельного человека, напоминовение соделанного добра разгонит мгновенно. Напротив того, злые принуждены ежечасно упрекать себе свои злодеяния, терзаться, казнитья среди благоденствия.— Почто искать нам рая, почто исходить нам во ад: один в сердце добродетельного, другой живет в душе злых. Как ни умствуй, другого себе вообразить не можно.

* * *
 * Доколе вещи не дано имя, доколе мысль не имеет знаменья, то она разуму нашему чужда, и он над нею не трудится. Дабы усвоить разуму какое-либо познание, нужно прежде всего ее ознаменовать.

Вольность

ОДА

1

О! дар небес благословенный,
Источник всех великих дел,
О, вольность, вольность, дар бесценный,
Позволь, чтоб раб тебя воспел.
Исполни сердце твоим жаром,
В нем сильных мышц твоих ударом
Во свет рабства тьму претвори,
Да Брут и Телль еще проснутся,
Седяй во власти да смятутся
От гласа твоего цари.

2

Я в свет исшел и ты со мною;
На мышцах нет моих заклеп;
Свободною могу рукою
Прияти данный в пищу хлеб.
Стопы несущу, где мне приятно;
Тому внимаю, что понятно;
Вещаю то, что мыслю я;
Любить могу и быть любимым;
Творю добро, могу быть чтимым;
Закон мой — воля есть моя.

3

Но что ж претит мѳей свободе?
Желаньям зрю везде предел;
Возникла обща власть в народе,
Соборной всех властей удел.
Ей общество во всем послушно,
Повсюду с ней единомушно;
Для пользы общей нет препон;
Во власти всех своей зрю долю,

Свою творю, творя всех волю;
Родился в обществе закон.

4

В середине злачняя долины,
Среди тягченной жатвы нив,
Где нежны процветают крины,
Средь мирных под сеньми олив,
Паросска мрамора белее,
Яснейших дня лучей светлее,
Стоит прозрачный всюду храм;
Там жертва лжива не курится,
Там надпись пламенная зрится:
Конец невинности бедам.

5

Оливной ветвию венчанно,
На твердом камени седяй,
Без слуха зрится хладнонравно,
Велико божество судяй;
Белее снега во хламиде,
И в неизменном всегда виде,
Зерцало, меч, весы пред ним ¹.
Тут истина стрежет десную,
Тут правосудие ошую;
Се храм закона ясно зрим.

6

Возводит строгие зеницы,
Льет радость, трепет вокруг себя,
Равно на все взирает лица,
Ни ненавидя, ни любя.
Он лести чужд, лицеприятства,
Породы, знатности, богатства,
Гнушаясь жертвенная тли ²;
Родства не знает, ни приязни;
Равно делит и мзду и казни;
Он образ божий на земли.

7

И се чудовище ужасно,
Как гидра, сто имея глав,
Умильно и в слезах всечасно,

Но полны челюсти отрав,
Земные власти попирает,
Главою неба досязает,—
Его отчизна там,— гласит;
Призраки, тьму повсюду сеет,
Обманывать и льстить умеет
И слепо верить нам велит.

8

Покрывши разум темнотою
И всюду вея ползкий яд,
Троякою обнес стеною
Чувствительность природы чад,
Повлек в ярмо порабощенья,
Облек их в броню заблуждения,
Бояться истины велел.
Закон се божий,— царь вещает;
Обман святой,— мудрец взывает,
Народ давить что ты обрел.

9

Сей был и есть, и будет вечной
Источник лют рабства оков:
От зол всех жизни скоротечной
Пребудет смерть един покров.
Всесильный боже, благ податель,
Естественных ты благ создатель,
Закон свой в сердце основал;
Возможно ль, ты чтоб изменился,
Чтоб ты, бог сил, столь уподлился,
Чужим чтоб гласом нам вещал.

10

Воззрим мы в области обширны,
Где тусклый трон стоит рабства.
Градские власти там все мирны,
В царе зря образ божества.
Власть царска веру охраняет,
Власть царску вера утверждает;
Союзно общество гнетут;
Одно сковать рассудок тщится,
Другое волю стерть стремится;
На пользу общую,— рекут.

11

Покоя рабского под сенью
Плодов златых не возрастет;
Где все ума претит стремленью,
Великость там не прозябет.
Там нивы запустеют тучны,
Коса и серп там несподручны,
В сохе уснет ленивый вол,
Блестящий меч померкнет славы,
Минервин храм ³ стал обветшалый,
Коварства сеть простерлась в дол.

12

Чело надменное вознесши,
Привя железный скипетр, царь,
На громном троне властно севши,
В народе зрит лишь подлу тварь.
Живот и смерть в руке имея:
«По воле,— рекл,— щажу злодея;
Я властью могу дарить;
Где я смеюсь, там все смеется;
Нахмурюсь грозно, все смятется;
Живешь тогда, велю коль жить».

13

И мы внимаем хладнокровно,
Как крови нашей алчный гад,
Ругаяся всегда бесспорно,
В веселы дни нам сеет ад.
Вокруг престола все надменна
Стоят коленапреклоненно;
Но мститель, трепещи, грядет;
Он молвит, вольность прорекая,
И се молва от край до края,
Глася свободу, протечет.

14

Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает,

В различных видах смерть летает
Над гордою главою паря.
Ликуйте, склепанны народы,
Се право мщенье природы
На плаху возвело царя.

15

И ноши се завесу лживой
Со треском мощно разодрав,
Кичливой власти и строптивой
Огромный истукан поправ,
Сковав сторучна исполина,
Влечет его как гражданина
К престолу, где народ воссел.
«Преступник власти мною данной!
Вещай, злодей, мною венчанной,
Против меня восстать как смел?»

16

Тебя облек я во порфиру
Равенство в обществе блюсти,
Вдовицу призирать и сиру,
От бед невинность чтоб спасти;
Отцем ей быть чадолюбивым,
Но мстителем непримиримым
Пороку, лжи и клевете;
Заслуги честью награждати,
Устройством зло предупредати,
Хранити нравы в чистоте.

17

Покрыл я море кораблями,
Устроил пристань в берегах,
Дабы сокровища торгами
Текли с избытком в городах;
Златая жатва чтоб бесслезна
Была оранию полезна;
Он мог вещать бы за сохой:
Бразды своей я не наемник,
На пажитях своих не пленник,
Я благоденствую тобой.

18

Своих кровей я без пощады
Гремящую воздвигнул рать;
Я медны изваял громады,
Злодеев внешних чтоб карать;
Тебе велел повиноваться,
С тобою к славе устремляться;
Для пользы всех мне можно все;
Земные недра раздираю,
Металл блестящий извлекаю
На украшение твое.

19

Но ты, забыв мне клятву данну,
Забыв, что я избрал тебя,
Себе в утеху быть венчанну
Возмнил, что ты господь, не я.
Мечем мои расторг уставы,
Безгласными поверг все правы,
Стыдиться истины велел;
Расчистил клевете дорогу,
Взывать стал не ко мне, но к богу,
А мной гнушаться восхотел.

20

Кровавым потом доставая
Плод, кой я в пищу насадил,
С тобою крохи разделяя,
Своей натуги не щадил.
Тебе сокровищей всех мало!
На что ж, скажи, их недостало,
Что рубище с меня сорвал?
Дарить любимца, полна лести,
Жену, чуждающую чести!
Иль злато богом ты признал?

21

В отличность знак изобретенный
Ты начал наглости дарить;
Злодею меч мой изошренный
Ты стал невинности сулить.
Сгружденные полки в защиту

На брань ведешь ли знамениту
За человечество карать?
В кровавых борешься долинах,
Дабы, упившись, в Афинах:
Герой! — зевав, могли сказать.

22

Злодей, злодеев всех лютейший,
Превзыде зло твою главу,
Преступник, изо всех первейший,
Предстань, на суд тебя зову!
Злодействы все скопил в едино,
Да ни едина прейдет мимо
Тебя из казней, супостат.
В меня дерзнул острить ты жало.
Единой смерти за то мало,
Умри! умри же ты сто крат!»

23

Великий муж, коварства полный,
Ханжа, и льстец, и святотать,
Един ты в свет столь благотворный
Пример великий мог подать.
Я чту, Кромвель, в тебе злодея,
Что, власть в руке своей имея,
Ты твердь свободы сокрушил;
Но научил ты в род и роды,
Как могут мстить себя народы,
Ты Карла на суде казнил.

24

Ниспослал призрак, мглу густую
Светильник истины поправ;
Личину, что зовут святую,
Рассудок с пагубы сорвал.
Уж бог не зрится в чуждом виде,
Не мстит уж он своей обиде,
Но в действьи распростерт своим;
Не спасшему от бед нас мнимых,
Отцу предвечному всех зримых
Победную мы песнь поем.

25

Внезапу вихри восшуме. ,
Прервав спокойство тихих вод,
Свободы гласы так взгремели,
На вече весь течет народ,
Престол чугунный разрушает,
Самсон ⁴ как древле сотрясает
Исполненный коварств чертог;
Законом строит твердь природы;
Велик, велик ты дух свободы,
Зиждителен, как сам есть бог!

26

Словив опор духовной власти,
И твердой мщениа рукой
Владычество расторг на части,
Что лжей воздвигнуто святой;
Венец трезубый затмевая
И жезл священства преломляя,
Проклятий молнии утушил;
Смеясь мнимого прещенья,
Подъял луч Лютер просвещенья,
С землею небо помирил.

27

Как сый всегда в начале века ⁵
На вся простерту мочь явил,
Себе подобна человека
Создати с миром положил,
Пространства из пустыней мрачных
Исторг — и твердых и прозрачных
Первейши семена всех тел;
Разруша древню смесь спокои;л;
Стихиями он все устроил
И солнцу жизнь давать велел.

28

И дал превыспренно стремленье
Скривленному рассудку лжей;
Внезапу мощно потрясенье
Поверх земли уж зрится всей;

В неведомы страны отважно
Летит Колумб чрез поле влажно;
Но чудо Галилей творить
Возмог, протекши пустотою,
Зиждительной своей рукою
Светило дневно утвердить.

29

Так дух свободы, разоряя
Вознесшейся неволи гнет,
В градах и селах пролетая,
К величию он всех зовет,
Живит, родит и созидает,
Препоны на пути не знает,
Вождаем мужеством в стезях;
Нетрепетно с ним разум мыслит,
И слово собственностью числит,
Невежства что развеет прах.

30

Под дровом, зноем упоенный,
Господне стадо пастырь⁶ пас;
Вдруг новым светом озаренный,
Вспрянув, свободы слышит глас;
На стадо зверь, он видит, мчится,
На бой с ним ревностно стремится,
Не чуждый вождь, брежет свое;
О стаде сердце не радело,
Как чуждо было, не жалело;
Но ныне, ныне ты мое.

31

Господню волю исполняя,
До востока солнца на полях
Скупую ниву раздирая,
Волы томилась на браздах;
Как мачеха к чуждоутробным
Исходит с видом всегда злобным,
Рабам так нива мзду дает.
Но дух свободы ниву греет,
Бесслезно поле вмиг тучнеет;
Себе всяк сеет, себе жнет.

32

Исполнив круг дневной работы,
Свободный муж домой спешит;
Невинно сердце, без заботы,
В объятиях супружних спит;
Не господу рукой надменна,
Ему для казни подаренна,
Невинных жертв чтоб размножал;
Любовию вождаем нежной,
На сердце брак воздвиг надежной,
Помощницу себе избрал.

33

Он любит, и любим он ею;
Труды — веселье, пот — роса,
Что жизненностию своею
Плодит луга, поля, леса;
Вершин блаженства достигают;
Горячность их плодом стягчают
Всещедре бога, в простоте,
Безбедны дойдут до кончины,
Не зная алчной десятины ⁷,
Птенцов что кормит в наготе.

34

Воззри на беспредельно поле,
Где стерта зверства рать стоит:
Не скот тут согнан поневоле,
Не жребий мужество дарит,
Не груда правильно стремится,—
Вождем тут воин каждой зрится,
Кончины славной ищет он.
О, воин непоколебимый,
Ты есть и был непобедимый,
Твой вождь — свобода, Вашингтон.

35

Двулична бога храм закрылся ⁸,
Свирепство всяк с себя сложил,
Се бог торжеств меж нас явился
И в рог веселий вострубил.
Стекаются тут громки лики,
Не видят грозного владыки,

Закон веселью кой дает;
Свободы зрится тут держава;
Награда тут едина слава,
Во храм бессмертья что ведет.

36

Сплетясь веселым хороводом,
Различности надменность сняв,
Се паки под лазурным сводом
Естественной встает устав;
Погрязла в тине властна скверность;
Едина личная отменность
Венец возможет восхитить;
Но не пристрастию державну,
Опытностью лишь старцу славну
Его довлеет подарить.

37

Венец, Пиндару возложенный,
Художества соткан рукой;
Венец, наукой соплетенный,
Носим Невтоновой главой;
Таков, себе всегда мечтаю,
На крыльях разума взлетая,
Дух бодр и тверд возможет вся;
[По всей вселенной пронесется;]
Миров до края вознесется:
Предмет его суть мы, не я.

38

Но страсти, изощряя злобу,
Враждебный пламенник стрясут;
Кинжал вонзится себе в утробу
Народы пагубно влекут;
Отца на сына воздвигают,
Союзы брачны раздирают,
В сердца граждан лиют боязнь;
Рождается несытна власти
Алчба, зиждущая напасти,
Что обществу устроит казнь.

39

Крутится вихрем громоносным,
Обвившись облаком густым,

Светилом озарясь поносным,
Сияньем яд прикрыт святым.
Зовя, прельщая, угрожая,
Иль казнь, иль мзду ниспосылая —
Се меч, се золото: избирай.
И сев на камени ехидны,
Лестей облек в взор миловидный,
Шлет молнию из края в край.

40

Так Марий, Сулла, возмутивши
Спокойство шаткое римлян,
В сердцах пороки возродивши,
В наемну рать вместил граждан,
Ругаяся всем, что есть свято,
И то, что не было отнято,
У Римлян откупить возмог;
Весы золотые мзды позорной
Предательству, убивству сродной,
Воздвиг нечестья средь чертог.

41

И се, скончав траждански брани
И свет коварством обольстив,
На небо простирая длани,
Тревожну вольность усыпив,
Чугунный скиптр обвил цветами;
Народы мнили — правят сами,
Но Август выю их давил;
Прикрыл хоть зверство добротой,
Вождаем мягкою душою,—
Но царь когда бесстрастен был!

42

Сей был и есть закон природы,
Неизменяемый никогда,
Ему подвластны все народы,
Незримо правит он всегда;
Мучительство, стряся пределы,
Отравы полны свои стрелы
В себя, не ведая, вонзит;
Равенство казнию восставит;

Едину власть, вселясь, раздавит;
Обидой право обновит.

43

Дойдешь до меты совершенство,
В стезях препоны прескочив⁹,
В сожитии найдешь блаженство,
Несчастных жребий облегчив,
И паче солнца возблистаешь,
О вольность, вольность, да скончаешь
Со вечностью ты свой полет:
Но корень благ твой истощится,
Свобода в наглость превратится,
И власти под ярмом падет.

44

Да не двинемся превращенью,
Которое мы в свете зрим;
Всеобщему во след стремленью
Некосненно стремглав бежим.
Огонь в связи со влагой спорит,
Стихия в нас стихию борит,
Начало тленьем тщится дать;
Прекраснейше в миру творенье
В веселии начнет рожденье
На то, чтоб только умирать.

45

О! вы, счастливые народы,
Где случай вольность даровал!
Блюдите дар благой природы,
В сердцах что вечный начертал.
Се хлябь разверстая, цветами
Усыпанная, под ногами
У вас, готова вас сглотить.
Не забывай ни на минуту,
Что крепость сил в немощность люту,
Что свет во тьму лъзя претворить.

46

К тебе душа моя вспаленна,
К тебе, словутая страна,
Стремится, гнетом где согбенна

Лежала вольность поправа;
Ликуешь ты! а мы здесь страждем!..
Того ж, того ж и мы все жаждем;
Пример твой мету обнажил;
Твоей я славе непричастен —
Позволь, коль дух мой неподвластен,
Чтоб брег твой пепл хотя мой скрыл ^{10!}

47

Но нет! где рок судил родиться,
Да будет там и дням предел;
Да хладный прах мой осенится
Величеством, что днесь я пел;
Да юноша, взалкавый славы,
Пришед на гроб мой обветшалый,
Дабы со чувствием вещал:
«Под игом власти, сей, рожденный,
Нося оковы позлащенны,
Нам вольность первый прорицал».

48

И будет, вслед гремящей славы
Направля бодрственно полет,
На запад, юг, восток державы
Своей ширить предел; но нет
Тебе предела ниотколе,
В счастливой ты ликуя доле,
Где ты явишься, там твой трон;
Отечество мое драгое,
На чреслах пояс сил, в покое,
В окрестность ты даешь закон.

49

Но дале чем источник власти,
Слабее членов тем союз,
Между собой все чужды части,
Всяк тяжесть ощущает уз.
Лучу, истекшу от светила,
Сопутствует и блеск и сила;
В пространстве он теряет мощь;
В ключе хотя не угасает,
Но бег его ослабеваает;
Ползущего глотает ночь.

50

В тебе когда союз прервется,
Стончает мненья крепка власть;
Когда закона твердь шатнется,
Блюсти всяк будет свою часть;
Тогда, растерзано мгновенно,
Тогда сложенье твое бренно,
Содрогшись внутренно, падет,
Но праха вихри не коснутся,
Животны семена проснутся,
Затускло солнце вновь даст свет.

51

Из недр развалины огромной,
Среди огней, кровавых рек,
Средь глада, зверства, язвы темной
Что лютый дух властей возжег,—
Возникнут малые светила;
Незыблемы свои кормила
Украсят дружества венцем,
На пользу всех ладью направят
И волка хищного задавят,
Что чтил слепец своим отцем.

52

Но не приспе еще година,
Не совершились судьбы;
Вдали, вдали еще кончина,
Когда иссякнут все беды!
Встрещат заклепы тяжкой ночи;
Упруга власть, собрав все мочи,
Вкатыся где потщится пасть,
Да грузным махом вся раздавит
И стражу к словеси приставит,
Да будет горшая напасть.

53

Влача оков несносно бремя,
В вертепе плача возревет.
Придет вожделенно время,
На небо смертность воззовет;
Направлена в стезю свободой,
Десную ополча природой,

Качнется в дол — и страх пред ней;
Тогда всех сил властей сложенье
[Придет во изнеможенье]
О день! избраннейший всех дней!

54

Мне слышится уж глас природы,
Начальный глас, глас божества;
Трясутся вечно мрака своды,
Се миг рожденью вещества.
Се медленно и в стройном чине
Грядет зиждитель наедине —
Рекл... яркий свет пустил свой луч,
И ложный плена скиптр поправши,
Сгущенную мглу разогнавши,
Блестящий день родил из туч.

Декабристы

В. Ф. Раевский

Владимир Федосеевич Раевский (1795—1872) — видный деятель раннего декабризма, поэт. Родился в семье помещика. Образование получил в Московском университетском пансионе. Участник Отечественной войны 1812 г. и зарубежных походов. В 1819 г. вступил в раннедекабристскую организацию «Союз благоденствия». Служа под началом члена союза генерала М. Ф. Орлова, В. Ф. Раевский ведет активную агитационную деятельность среди юнкеров и солдат в школах взаимного обучения, которыми он заведовал. На уроках истории, географии, русского языка он пропагандировал идеалы декабристов, рассказывал о древнерусских республиканских традициях, приводя в пример Новгород и Псков. В грамматические таблицы поместил имена античных тираноборцев — Брута и Кассия, а также деятелей американской, французской и испанской революций — Вашингтона, Мирабо, Кироги.

6 февраля 1822 г. В. Ф. Раевский был арестован и пробыл в заключении в различных крепостях (в том числе и в Петропавловской во время процесса над арестованными после 14 декабря 1825 г. декабристами) около шести лет. 15 октября 1827 г. Николай I утвердил решение суда, признавшего В. Ф. Раевского виновным в государственных преступлениях и приговорившего его к лишению чинов, наград, дворянства и ссылке в Сибирь на поселение. Лишь в 1856 г. В. Ф. Раевский был восстановлен во всех правах, но предпочёл остаться в Иркутской губернии.

Значительную часть творческого наследия В. Ф. Раевского составляют стихи, писать которые он начал еще в 1812 г. Кроме того, В. Ф. Раевский создал ряд произведений остропублицистического и философско-мировоззренческого характера, с антирелигиозной и антиклерикальной направленностью.

Элегия I¹

Раздался звон глухой... Я слышу скорбный глас,
Песнь погребальную вдали протяжным хором
И гроб, преследуем печальных лиц собором...
То юноша предвременно угас!

Смерть кровожадная невинного сразила,
За светлой радостью первоначальных дней,
С друзьями, с милыми и с миром разлучила
Для слез оставленных и милых и друзей.

Где ж истинный закон природы, путь прямой,

Кто в мире произведет устроенном возмог?
Ужель творец добра, ужели сильный бог?..
Как в разнозвучии ручей быстротекущий
Ревет в утесах гор, шумит в тени деревьев,
Рвет узы и, за собой оставя мрачный лес,
Стремится по полям, поит луга цветущи
И, в море падая, теряется в волнах,—
Так смертный, мыслями земной оставя прах,
Превыше суеты и слабосильных мнений
Возносится горé и гаснет в тьме сомнений!

О юноша! Твой век, как утренний восход
При отблеске лучей за тучею сокрылся,
Твой челн над бездною кипящей не носился
И путь окончен твой при бреге тихих вод!
Мир светлый, красотой весенней облеченный,
Увы! в последний раз в твоих очах сиял,
Природы прелестью, улыбкой оживленный,
Ты сладкою мечтой с надеждой исчезал!
Но рок неумолим, и суетность земная
Потухла для тебя с последнею звездой.
Так бурю грозную пловец предупреждая,
Счастлив, когда найдет и пристань и покой!
Сын вечности, воззри — в сей. бездне злоключений,
Порока, зависти и нелепых, слабых мнений —
Кто не завидует о участи твоей?
Мудрец начало зрит в причине разрушенья,
Один злодей дрожит о участи своей:
Бессмертие души есть казнь для преступленья!..
Что ж наши замыслы в юдоли треволнений,
Коль Лейбниц и Ньютон под гробовой доской!
Нет, нет! их тлен в земле, но светлою душой
И в будущих веках живет всеильный гений!
О смертный! не ропщи. Таинственный удел
Является уму картиною природы.
Мерцает бледный луч, волной взмутились воды,
Лист падает с дерев, последний цвет слетел;
День ночью сменится, за веком век пройдет,
Неизмеримое число переменяя,
И время, сильною рукою разрушая,
В природе тьмы существ еще произведет!

Элегия II²

Шумит осенний ветер, долины опустели!
 Унынье тайное встречает смутный взор!
 Луга зеленые, дубравы пожелтели,
 Склонясь под бурею, скрипит столетний бор!
 В ущельях гор гигант полночный ополчился
 И в воды пал с высот огнекрылатый змий...
 И вид гармонии чудесной пременился
 В нестройство зримое враждующих стихий.
 С порывом в берега гранитные плескает
 Свирепый океан пенистою волной!
 Бездонной пропастью воздушна хлябь зияет,
 День смежен с вечностью, а свет его —
 со тьмой!..

Такой движений ход, таков закон природы...
 О смертный! ты ль дерзнул роптать
 на промысл твой?
 Могущество ума, дух сильный, дар свободы —
 Не высят ли тебя превыше тьмы земной?..
 Скажи, не ты ль дерзнул проникнуть сокровенье?
 И Прометеев огонь³ предерзостно возжечь?
 Измерить разумом миров круговращенье,
 И силу дивную и огонь громов пресечь?
 По влаге гибельной открыть пути несчетны,
 В пространстве целого атом едва приметный,
 Взор к солнцу устремя, в эфире воспарить?
 И искру божества возжечь уразуменьем,
 До сил единого, до зодчего миров?
 О сколь твой дух велик минутным появленьем;
 Твой век есть миг, но миг — приметный
 в тьме веков;
 Твой глас струнами лир народам передастся
 И творческой рукой их мрак преобразит,
 Светильник возгорит!.. Гармония раздастся...
 И в будущих веках звук стройный отравит!..

Но кто сей человек, не духом возвышенный,
 Но властью грозною народа облечен?
 Зачем в его руках сей пламенный возженный,
 Зачем он стражею тройною окружен?
 Отец своих сынов не может устрашиться,

Иль жертв рыдающих тирану страшен вид?
Призрак отмщения в душе его гнездится,
Тогда как рабства цепь народ слепой теснит.
Так! раболепствуйте, то участь униженных!
Природы смутен взор: она и вам есть мать;
Чего вы ищете средь братий убиенных?
Почто дерзаете в безумии роптать
На провидение, на зло и трон порока?
Жизнь ваша — слепота, а смерть — забвенья миг
И к цели слабых душ ничтожеству дорога...
Безумцы дерзкие, не вы ль природы исказили лик...

Свирепствуй, грозный день!.. Да страшною грозою
Промчится не в возврат невинных скорбь и стон,
Да адские дела померкнут адской тьмою...
И в бездну упадет железный злобы трон!
И яростью стихий минутною нестройство
Устройство вечное и радость возродит!..
Врата отверзнутся свободы и спокойства —
И добродетели (и правды) луч ясный
возблестит!..

Смеюсь и плачу ⁴

(Подражание Вольтеру)

Смотря на глупости, коварство, хитрость, лесть,
Смотря, как смертные с холодной душою
Друг друга режут, жгут и кровь течет рекою
За громозвучну честь,
Смотря, как визири, пошевелия усами,
Простого спагиса ⁵, но подлого душой,
Вдруг делают пашой,
Дают луну, бунчуг ⁶ — и правит областями,
Как знатный вертопрах, бездушный пустослов,
Ивана á gebours ⁷ с Семеном гнет на двойку
Иль бедных поселян, отнявши у отцов,
Меняет на скворца, на пуделя иль сойку!
И правом знатности везде уважен он!..
Как лицемер-ханжа, презря святой закон,
В разврате поседев, гарем по праву власти
Творит из слабых жертв его презренной страсти,—

Когда невинных стон волнует грудь мою,—
Я слезы лью!

Но если на меня фортуна улыбнется,
И если, как сатрап персидский на коврах,
Я нежуся в Армидиных садах ⁸,
Тогда как вокруг меня толпою радость вьется,
И милая ко мне с улыбкою идет
И страстный поцелуй в объятиях дает
В награду прежних мук, в залог любви нежной,
И я вкушаю рай на груди белоснежной!..
Или в кругу друзей на вакховых пирах,
Когда суждения людей, заботы, горе
Мы топим в пуншевое море,
Румянец розовый пылает на щеках,
И взоры радостью блистают,
И беспристрастные друзья
Сужденью смелому, шумя, рукоплескают —
Тогда смеюсь и я!..

Взирая, как Сократ, Овидий и Сенека,
Лукреций, Тасс, Колумб, Камознс и Галилей
Погибли жертвою предрассуждений века,
Интриг и зависти, иль жертвою страстей!..
Смотря, как в нищете таланты погибают,
Безумцы ум гнетут, знать право воспрещают,
Как гордый Александр Херила ⁹ другом звал,
Как конь Калигулы ¹⁰ в сенате заседал,
Как в Мексике, в Перу, в Бразилии, Канаде
За веру предают людей огню, мечу —
На человечество в несноснейшей досаде
Я слезы лью!

Но после отдыха, когда в моей прихожей
Не кредиторов строй докучливых стоит,—
Но вестник радостный от девушки пригожей,
Которая «люблю! люблю!» мне говорит,
Когда печальный свет в мечтах позабываю
И в патриаршески века переношусь,
Пасу стада в венце, их скиптром подгоняю,
Астреи вижу век, но вдруг опять проснусь
И чудо новое: Хво (стова) сочиненья,
Я вижу, Глазунов за деньги продает ¹¹,

А к довершению чудес чудотворенья —
Они раскуплены, наш бард купцов не ждет!..
Иль Сумарокова, Фонвизина, Крылова,
Когда внимаю я — и вижу вокруг себя
Премудрость под седлом, Скотинина ¹²...
Тогда смеюсь и я!..

Сатира на нравы ¹³

Фрагменты

.
Никто не вразумил, что нас за гробом ждет:
Ни тысячи волхвов, ни книги Моисея, ¹⁴
Ни мужи дивные, гласящи дивный сброд!
Ни гений Лейбница в листах Феодицеи. ¹⁵
И червь, и я, и ты, и целый смертных род
Для будущих времен пройдет, как блеск Эиды.
Скажи мне, где народ обширной Атлантиды? ¹⁶
Вот связь — всех сущих здесь, и общий сей
закон,
Не испытующий в движениях премены!
А смертных глупый род, пуская глупый стон,
В веригах алчности, злодейств, убийств, измены,
Вседневно к алтарю Химеры ¹⁷ вопиет...
И мнит в пустой мольбе обрести свое спасенье,
Бессмертия то здесь, то там (в безвестном)
ждет
И гибнет жертвою скорбей и злоключенья...

* * *

Безумцы, оградясь обрядами, мольбой
И верой — следствием вериг предрассужденья,
Чем ближе шествуют над крышей гробовой,
Тем злоба их сильнее, тем чаще преступленья.
В груди с эхидною, с поникшею главой,
Со взором, алчущим неуголимой мести,
Слепцы под сединой
Идут порокам вслед, как вслед добра и чести!
Мой друг! Стекло вдали нам кажется светлей —
Приближен к оному — и мрак едва приметный,
Неровность, темнота, непрочность вдруг видней

Становятся. Так все для нас почти предметы.
О сколько я страшусь и бегаю обществ и судей,
Где слышу грозное пифическое мнение:

(— Он должен пасть под бременем скорбей,)

Где все против меня кричат с ожесточеньем:

«Не верит кошкам он, не верит чесноку,

Не верит мумии всеильной,

Не верить он дерзнул спасителю-быку

И храмы позабыл священные Мемфиса!..»¹⁸

Страшусь, мой друг! — пером простым

Не изобразить картину преступлений,

Века насильств и ужасов мегеры лютой,

Терзающей народ (под) жезлом постановлений!

И рабства гибельный ярем,

Кровавый пот с лица и смутный взор,

Согбенны рамена и впалые ланиты,

И дряхлость ранняя — и вокруг детей собор: —

(То раб) — истлевшим рубищем покрытый;

Шалаш от дождя и непогоды; и зимой

От вьюг и холода; — от Бури и ненастья,

Не защищаемый и кровлею простой,

И вокруг следы нужды, печалей и несчастья —

Суть признаки (судьбы) тех жертв, которые

в трудах

Свой век для гордых чад корысти сокращают!

И все сокровища из недр земли, в водах

Для расточения владельцев извлекают!

И в довершение — невинных дочерей

И юных жен — одно несчастных достоянье —

Влачит к растлению седой прелюбодей

И на уста кладет ударами молчанье!

Но полно, я боюсь, чтоб чувств свободный жар

Не сделал страшною столь важную картину,

Чтоб друга твоего несовершенный дар

Не выразил... ужасных зол причину!!

Возможно ль видеть бед ярмо и духом

не страдать?

Льзя ль в обществе невежд, средь зла

и преступленья,

Где добродетель есть, как злоехидный тать,

Где зависть черная под видом снисхожденья,

Где воздух заражен пороков смрадной мглою,

Возможно ль, говорю, довольным быть судьбою

И мизантропии одежду не носить?
Дитя и женщины бегут за мишурою,
А сердце робкое, нетвердый, слабый ум
Утешен призраком и тешится мечтою;
Но человек среди своих великих дум
Зреть должен — истину (без крова), прелестну
наготою.

Певец в темнице ¹⁹

О мира черного жилец!
Сочти все прошлые минуты;
Быть может, близок твой конец
И перелом судьбины лютой!

Ты знал ли радость? — светлый мир —
Души награду непорочной?
Что составляло твой кумир —
Добро иль гул хвалы непрочной?
Читал ли девы молодой
Любовь во взорах сквозь ресницы?
В усталом сне ее с тобой
Встречал ли яркий луч денницы?
Ты знал ли дружеский привет?
Всегда с наружностью холодной
Давал ли друг тебе совет
Стремиться к цели благородной?
Дарил ли щедрою рукой
Ты бедных золотом и пищей?
Почтил ли век под сединой
И посещал ли бед жилища?
Одним исполненный добром
И слыша стон престонародной,
Сей ропот робкий под ярмом,
Алкал ли мести благородной?
Сочти часы, вступя в сей свет,
Поверь протекший путь над бездной,
Измерь ее и дай ответ
Потомству с твердостью железной.
Мой век, как тусклый метеор,
Сверкнул в полночи незримый,

И первый вопль — как приговор
Мне был судьбы непримиримой.
Я неги не любил душой,
Не знал любви как страсти нежной,
Не знал друзей, и разум мой,
Встревожен мыслию мятежной,
Забавы детства презирал,
И я летел к известной цели,
Мечты мечтами истреблял,
Не зная мира и веселий.
Под тучей черной, грозовой,
Под бурным вихрем истребленья,
Средь черни грубой, боевой,
Средь буйных капищ развращенья
Пожал я жизни первый плод,
И там с каким-то черным чувством
Привык смотреть на смертных род,
Обезображенный искусством.
Как истукан, немой народ
Под игом дремлет в тайном страхе:
Над ним бичей кровавый род
И мысль и взор казнит на плахе,
И вера, щит царей стальной,
Узда для черни суеверной,
Перед помазанной главой
Смиряет разум дерзновенный.
К моей отчизне устремил
Я, общим злом пресытясь, взоры,
С предчувством мрачным вопросил
Сибирь, подземные затворы;
И книгу Клии ²⁰ открывал,
Дыша к земле родной любовью;
Но холодный пот меня объял —
Листы залиты были кровью!
Я бросил свой смущенный взор
С печалью на кровавы строки,
Там был подписан приговор
Судьбою гибельной, жестокой:
— «Во прах и Новгород и Псков! ²¹
Конец их гордости народной.
Они дышали шесть веков
Во славе жизнью свободной».
Погибли Новгород и Псков!

Во прахе пышные жилища!
И трупы добрых их сынов
Зверей голодных стали пища.
Но там бессмертных имена
Златыми буквами сияли:
Богopodobная жена,
Борецкая, Вадим ²² — вы пали!
С тех пор исчез, как тень, народ,
И глас его не раздавался
Пред вестью бранных непогод,
На площади он не собирался —
Сменять вельмож, смирать князей,
Слагать неправые налоги,
Внимать послам, встречать гостей,
Стыдить, наказывать пороки,
Войну и мир определять.
Он пал на край своей могилы,
Но рано ль, поздно ли — опять
Восстанет он с ударом силы!

Воспоминания ²³

Фрагмент

.....
Тяжела была жизнь в Петропавловской крепости. Тюфяк был набит мочалом, подушки также, одеяло из толстого солдатского сукна. Запах от кадочки, которую выносили один раз в сутки, смрад и копоть от конопляного масла, мутная вода, дурной чай и всего тяжелее дурная, а иногда несвежая пища и, наконец, герметическая укупорка, где из угла в угол было только 7 шагов.

Плац-майор Подушкин и один из плац-адъютантов — Трусов и Николаев — ежедневно осматривали тюрьмы наши. Когда я был заключен, в казематах считалось уже до 400 человек арестованных по разным куртинам Петропавловской крепости.

Через 5 или 6 дней ко мне явился священник для увещания. С духовными лицами я всегда охотно разговаривал, а в каземате я даже обрадовался его приходу. Этот был протопоп Казанского собора. Он

начал с того, что государь сказал: «Если бы эти люди просили у меня конституции не с оружием в руках, я бы посадил их по правую руку у себя».

— Послушайте,— сказал я,— здесь в казематах до 400 человек. Неужели все с оружием в руках требовали конституции? И до сих пор посадил ли государь хоть одного человека по правую руку у себя?

Священник мой замолчал. Разговор не клеился. Я был уже опытный арестант. Он вышел.

Это ты зубами бешеного пса
 Сеешь повсюду смерть, горящую в его крови.
 (Даруемая тобой роковая красота
 Нередко превращает в палача самого нежного
 друга.)

Это ты для обмана беззащитной жертвы
 Спрятал под вероломным бархатом кошачий
 коготь.
 Все обречено на страдание — на суше, в воде
 и в воздухе.
 Акула пожирает живые существа, населяющие
 моря.

Дальнозоркий ястреб кровавыми когтями
 Раздирает в воздухе трепещущую голубку,
 А голубка в свою очередь невинным клювом
 Инстинктивно давит стонущее насекомое.
 А оно — силой того же инстинкта — своим
 крохотным жалом

Пронизывает живой атом, невидимый взору.
 Отвратительный паук, покрытый бархатистой
 шерстью,

Отмеряет свою ловкость мерой своей
 прожорливости;

Из неравных кругов сотканная им прозрачная
 паутина

Обманывает беспечный полет насекомого.
 Чудовище, прыгнув на него, сжимает его в своих
 объятиях

И, не внемля его столам, упиваясь его медленной
 смертью,

Гложет его зубами и, напоив его ядом,
 Высасывает капля за каплей и его кровь и его
 жизнь.

Пусть мудрец видит волю божества в этом
 сплетении,

Мое же сердце отрицает божество за такую
 жестокость.

Воистину, в чем слава для небесного владыки,
 Что живое существо может жить лишь за счет
 жизни другого?

Так, когда солнце, поднявшись на небе,
 Океаном огня заливают вселенную;
 Когда гром, раскатываясь в мрачном просторе,

Низвергается с небес на потрясенные горы;
Когда поток молний освещает весь горизонт,—
Необъяснимый ужас заставляет признавать твое
имя.

И когда темная ночь расстилает свой обширный
покров,

Я читаю твое величие на челе звезд,
Но крик птицы, умирающей в острых когтях,
Вдруг отталкивает тебя от моего подавленного
сердца.

Жестокий инстинкт кошки, несмотря на величие
твоего творения,

Опровергая благость твою, опровергает твое
существование.

«Остановись, дерзкий судья»,— скажут мне.—
«Ты хочешь своим законам подчинить твоего
собственного творца!

Если он заботливо сохраняет существование всей
огромной вселенной,

То что значит убыль скольких-то живых созданий?

Непрерывно все оживляя, его щедрая рука,

Ничего не уничтожая, могла бы все уничтожить.

Чтобы сохранить жизнь всей природе в целом,

Он освобождает материю от избытка жизни.

Если удел всякого живого существа — увы! —
смерть,

Не все ли равно, в конце концов, великому
целому.

В лоне смерти бесконечно рождается жизнь».

Не в силах остановить его расточительность,

Жестокость должна ограничивать его доброту.

И твой столь щедрый бог, которым восхищается
разум,

Расточает жизнь, чтобы ее уничтожить.

.
Не может ли он, приостановив эти мрачные
благодеяния,

Ограничить развитие каждого рода жизни

И, не вооружая нас бешенством и яростью,

Остановить в зародыше избыток жизни?

Если он этого не может, ты должен, полагая его
благим,

Ограничить его предвидение или связать его
 волю.
 Видя, как он направляет точки отдаленнейших
 солнц,
 Сверкающие центры невидимых миров,
 Ты считаешь его слишком могущественным и
 слишком величественным,
 Чтобы услышать стон страдающего насекомого.
 Глупец, твой рассудок, окутывая его пеленой,
 Измеряет его могущество числом звезд.
 «Остановись, если он существует, и уважай его
 имя:
 И для сотворения какой-то козявки нужен же
 был бог!
 И если этот бог создал ее, неизмеримое божье
 могущество
 Должно же сосчитать мгновения ее хрупкой жизни.
 Атом, столь же, как и земной шар,
 свидетельствует о его великолепии,
 И не размеры являют его величие».

О, откуда берется, что этот бог предписывает
 вселенной,
 Чтобы поклонялись его имени, чтобы считали
 его правым?
 Это естественный результат воспитания.
 Ах, я видал не одного мудреца, который
 отрекался от разума,
 Как только чувствовал, что эти страшные
 небылицы
 Ударяли по слишком чувствительным фибрам
 его мозга.
 Усилием разума, усилием воли
 Тщетно старается он потрясти заблуждение.
 Но впечатление остается при нем — и возраст
 или болезнь
 Возвращают его к предрассудку, баюкавшему
 его детство.

Увы! Кто из нас, осуждая эти заблуждения,
 Не любил и не лелеял эти пустые страхи?
 Сколько раз, (в детстве), утомленные играми,
 Сплоченные дружбой и невинным возрастом,

Мы прибегали послушать страхи старой сказки
И чувствовали, как кровь неистово колотится
в детском сердце.
Здесь у потухающего огня болтливая старушка
Своей волшебной сказкой отгоняла от нас сон.
Вот святой, преследуемый окровавленным
привидением...
В страхе мы прижимались друг к другу...
Итак — все происходило от страха или
от волшебных сказок.

Но, допуская бога

То, что страх сжимает наше сердце сильнее,
чем зло,—
Это и есть колыбель людских заблуждений.

О, разобьем алтарь, которого он не заслужил,
Он благ, но не всемогущ, или всемогущ, но
не благ,
Вникните в природу, спросите историю —
И вы поймете, наконец, что во имя его
собственной славы,
Видя столько зла, покрывающего весь мир,—
Если бы бог даже существовал,— надо его
отвергнуть.

Н. А. Крюков

Николай Александрович Крюков (1800—1854) родился в богатой дворянской семье. Обучался сначала в Московском университетском пансионе, затем в военной школе колонновожатых. В 1819 г. направлен на службу при штабе 2-й армии в Тульчин. В 1820 г. вступил в «Союз благоденствия», впоследствии — член Южного общества. После ареста и суда был приговорен к лишению чинов и дворянства и каторжным работам на 20 лет. С 1835 г. на поселении в Сибири.

Мировоззрение Н. А. Крюкова формировалось под влиянием идей французского Просвещения. Постепенно от религиозного сомнения он переходит к атеистическому материализму. Основной целью своих философских исследований Н. А. Крюков ставит создание науки о человеке, которая должна быть теоретическим фундаментом идеальной социальной организации. В Петропавловской крепости Н. А. Крюков обращается к православию, а в Сибири становится одним из ревностнейших членов «конгрегации» П. С. Бобрищева-Пушкина.

Философские записи ¹

Фрагменты

ПИСЬМО II

С тех пор как общества достигли той степени образования, что собственность и личность каждого оградились законами и появились искусства и художества для услаждения человеческой жизни, появились также и философы, кои стали размышлять о благоденствии народном. Стали наблюдать человека; но как для сего потребно познаний, которые были тогда еще в колыбели, и большая опытность, коея плоды никем еще не были собраны, то немудрено, что мудрецы сии во многом заблуждались. Мало-помалу науки усовершенствовались, опытность увеличилась цельными веками; тогда люди получили о вещах яснейшие понятия, а вместе с тем узнали также, в чем состоит и счастье.

Человек, коего вся жизнь протекала бы в беспрепятственных удовольствиях, без сомнения, может называть-

ся счастливым. Я разумею здесь такие удовольствия, которые не влекут за собою никакого вреда.— Но что такое удовольствие и что может подать к оному повод? — Есть два рода удовольствий: одни суть чувственные, т. е. такие, которые мы ощущаем при удовлетворении необходимых естественных потребностей и вообще при услаждении какого-либо из внешних чувств. Другие можно назвать умственными, потому что они суть пища нашего воображения или вообще умственных способностей, ибо при ощущении оных ни одно из внешних чувств наших не поражается впечатлением внешних предметов. Мы ощущаем удовольствие при воспоминании какого-либо приятного происшествия, при ожидании будущего наслаждения.— Свидание с другом, с хорошим родственником после долгой разлуки приводит нас в живейший восторг.— Мы утешаемся, помогая несчастному; чувствительная душа радуется благополучию ближнего. Нас восхищает всякий великодушный поступок. Все такого рода ощущения суть внутренние и отнюдь не проистекают от услаждения какого-либо из внешних чувств.

Итак, вот все роды удовольствий, какие только предоставлены человеку. Если мы найдем, почти каждый может вкушать их, то увидим препятствия, могущие сему воспротивиться. Для сего взглянем на образ жизни людей всякого сословия, составляющих общество.

Те, которые имеют средства удовлетворять своим потребностям, в минуты удовлетворения оных, без сомнения, чувствуют удовольствие. Это в природе человеческой.

.....

О ЧУВСТВЕННОСТИ И ЧУВСТВОВАНИЯХ

Теперь мы исчислили все состояния нашей чувственности и видели, что всякое сотрясение одной или нескольких нерв приводит в движение мозг, возбуждает нашу чувствительность. Если прервать сообщение между мозгом и нервами, тогда мы перестанем чувствовать. Напр/имер/, если крепко перевязать руку, тогда чувство руки ослабеваает или совсем прекращается.

Итак, если бы мы не имели ни нерв, ни мозга или если бы они не имели свойства соделывать нас чувствительными, тогда бы мы были твари бесчувственные, как, напр/имер/, камни, металлы и проч.

Каким образом движение нерва и мозга производит чувствительность? Мы этого не знаем, потому что это не может показать нам ни опыт, ни наблюдение; но мы уверены в том, что мы имеем чувствительность. Мы замечаем ее в подобных себе по многим признакам, только не знаем, так ли они чувствуют, как мы, или слабее, или сильнее, потому что не можем чувствовать чужими органами. Мы замечаем более или менее чувствительности также и в других животных, смотря по тому, более или менее они имеют средств оную обнаруживать.

Имеют ли чувствительность растения и минералы? Этого мы не знаем, потому что они не обнаруживают оной; однакож не можем утверждать, чтоб они совсем ее не имели, ибо кто может сказать, чтоб растение не чувствовало боли, когда его срывают или когда не имеет оно пищи; также чтоб кислот (acide), который всегда ищет соединиться с щелочью (alkali) ², не чувствовал приятности в сем соединении. Я не хочу сим замечанием заставить предполагать чувствительность во всех тех предметах, которые не обнаруживают оной, ибо во всяком точном изыскании предположения могут только ввести нас в заблуждение. Но хочу показать этим, что в рассуждении сего мы находимся в совершенном невежестве.

.

Маршал Таван ³, храбрый военачальник, был до такой степени фанатик, что, будучи уже на смертном одре, восхищался подвигами Варфоломеевской ночи (1572 — августа 24) как самыми лучшими в своей жизни.— Он был один из тех, кои советовали истребить гугенотов. Во время побоища Таван, бегая по улицам, кричал католикам: не щадите крови! в августе так же здорово отворять жилы, как и в сентябре! (Его совесть не упрекала перед смертью).

Если бы маршал Таван был бы очищен от предрасудков, то увидел бы, что, поощряя католиков к убийству протестантов, он делал величайшее зло; и тогда

совесть упрекнула бы ему в его злодействе. *Следовательно*, чтобы быть справедливой и добродетельной, должно быть просвещенной; в таком случае упреки совести будут справедливы.

.....
Попробуйте заговорить в нашем обществе о политике или о философии, и вы увидите, как все эти молодые люди, которые, как сказал Вольтер, не находят в самых серьезных вещах ничего, кроме предложения поострить, начнут насмехаться над вами; вы увидите, как женщины оставят вас как человека, который хочет показать, что он без предрассудков и которого добродетельная женщина должна избегать. И лицемеры ополчатся на вас изо всех сил, чтобы постараться убедить всех, что вы человек опасный, что вы переполнены пороков, что для вас — по их выражению — закон и вера ничто, наконец, что вы человек погибший, которого надо сторониться, чтобы избежать столь опасного примера, потому что, говорят они, свободомыслие прельщает больше всего тем, что оно дает полный простор всем страстям. Люди, говорят они, для того именно, чтобы предаваться порокам, отвергают всякую религию, единственную опору, какую мы имеем в нашей слабости, — как если бы религиозные обряды достаточны были для того, чтобы наставить нас на путь добродетели, как если бы добродетель состояла только в слепых верованиях...

.....
Не устроившись хорошенько на земле, т. е. не обеспечив свое существование на всю жизнь, невыгодно и не должно парить под облака.

.....
Все способности душевные заключаются в способности чувствовать.

Душа сама по себе в нас не действует, но действует лишь посредством чувств, и мы действий, собственно душе принадлежащих, не знаем и знать не можем.

Показания на следственной комиссии

Фрагмент ⁴

До выпуска моего в офицеры я мало занимался чтением, ибо все мое время употреблено было на изучение преподаваемых мне наук. Когда же был произведен в офицеры и прислан в Главную Квартиру 2-й Армии, то начал помышлять о лучшем себе образовании; но как сначала имел весьма небольшое знакомство, то должен был довольствоваться кой-какими книгами, изредка лишь попадавшимися мне. Вскоре после того поехал в отпуск, где занемог, и во время болезни прочитав несколько книг, между прочими Руссо и Делиля Дессалля, я получил страсть к занятиям. Тут родилось во мне желание познать человека и то, что может служить к его счастью. Сообразно с сею целью старался добывать таких авторов, которые бы обогатили мой ум познаниями философическими и политическими. Тогда в разные времена прочел я Вейса, Филанджиери, Монтескье, Бюрламаки, Лакретеля и других. пылая любовью к человечеству, но нетвердый в христианской религии, я смело шел вперед, стараясь опровергать мало-помалу все, что находил в ней несогласным с тогдашним образом моих мыслей. Во-первых, отверг многие богослужебные обряды как нелепые обычаи, питающие лишь суеверие. Потом стал сомневаться в ипостасной троице ⁵ как неудобопостижимой для ума человеческого. Всевышний, думал я, одарил нас разумом для распознавания добра и зла, следовательно, это есть единственный светильник, которым должны мы руководствоваться в жизни сей, а потому первый долг наш состоит в том, чтобы просветить свой разум, очистив его от вредных предрассудков. Таким образом оправдывая все то, в чем хотел себя уверить, я отверзал двери к свободомыслию. Наконец, вступил в тайное общество и чрезвычайно радовался, что могу сим средством содействовать к благополучию моего отечества. С этих пор я совершенно посвятил себя учению, дабы скорее приобрести нужные для меня познания и притом опасаясь, как бы не сделаться простым орудием каких-либо честолюбцев, могущих оказаться между нами впоследствии времени. Главнейшими моими занятиями сделались науки

политические и история, как необходимо нужные для предположенной мною цели; между тем не упустил и философических сочинений, как нужных для лучшего узнания людей. Тут прочел я в разные времена: Беккария, Траси, Гельвеция, Бентама, Кондильяка, Сейя, Гольбаха, Васселя, Смитта, Макиавеля и других. Помощью всех сих авторов утвердился еще более в прежних моих мнениях, согласился на ложное правило, что средства облагораживаются целию, и получил яснейшее понятие об устройстве правления представительного. На съемке Подольской губернии увидел я, до какой степени простирается угнетение крестьян помещиками и жидами. Чувствуя вполне бедственное состояние рабства и невежества, более и более убеждался в том, что одно лишь общее просвещение может соделать государство благополучным, и негодовал на религиозные предрассудки, препятствовавшие распространению оного. Надежда на будущую жизнь, думал я, отвращает от просвещения, питает эгоизм, способствует угнетению и мешает людям видеть, что счастье может обитать и на земле. И так религия казалась уже мне более вредною, нежели полезною. Притом, видя, что люди в поведении своем не руководствуются оною, но увлекаются страстями и привычками, точно, сказал я, *la raison nous eclaire, mais ne nous conduit pas*⁶, а все зависит от воспитания, доброго примера и хорошего законодательства. Долго не решался я отвергнуть бога; наконец, оживотворив материю и приписав все существующее в природе действию случая, потушил едва мелькавший свет чистой религии, мною самим составленной. Однако же я никогда не мог совершенно убедить себя в этом ложном мнении, ибо часто встречал сильные доказательства противу оного, на которые не находил никакого ответа. Но полагал, что мое сомнение происходит от долговременной привычки мыслить противным образом, потому что как дух, так и материя равно для меня были непостижимы. Таким образом, тихий огонь любви моей к человечеству возжег во мне страсть к просвещению, которая, не быв озарена светом христианской религии, превратилась наконец в адский пламень вольнодумства, соделавший меня виновником несчастья почтенных родителей моих, сестры, а может быть, и целого семейства. Так как я опасаясь, что

таковым моим поведением навлек, может быть, подозрения на христианина, отца моего, то не могу не упомянуть об одном случае, который оправдывает его. Однажды, когда я был в отпуске, он заметил некоторые мои мнения, несогласные с образом его мыслей, и весьма огорчился, но я успокоил его, стараясь уверить в противном. Совесть тогда говорила мне: смотри! ты обманываешь отца своего! Но как я полагал совесть совершенно зависящею от образа мыслей и долгом поставляя презреть все блага для блага общего, то не послушал гласа ее. Здесь только в крепости я образумился. Здесь только ум мой, не будучи обременен непрерывным чтением и увлекаем разными мечтаниями, начал свободнее рассуждать сам собою. Здесь только увидел я мое заблуждение. Здесь только усмотрел вред безверия. Здесь наконец, вникнув с должным вниманием в святое Евангелие и послания святых апостолов, я обратился к христианству.

П. И. Борисов

Петр Иванович Борисов (1800—1854) — активный участник движения декабристов. Дворянин. Получил домашнее образование. Основатель Общества соединенных славян (1822), целью которого являлось создание федеративной всеславянской республики путем распространения просвещения, улучшения нравственности и развития промышленности. В 1825 г. эта организация присоединилась к Южному обществу декабристов. После 14 декабря 1825 г. П. И. Борисов был арестован и осужден на пожизненную каторгу. В 1839 г. оставлен на вечное поселение в Сибири.

Мировоззрение П. И. Борисова сложилось под влиянием французской философии. Как явствует из воспоминаний ссыльных декабристов (А. П. Беляев, И. Д. Якушкин и др.), он до конца жизни остался убежденным материалистом и «догматическим безбожником».

Рецензия

на книгу А. А. Дейхмана «Мысли об основании землеиспытательной науки. Спб., 1829.

Сочинение действительного члена Санкт-Петербургского Минералогического общества. Издано иждивением оного общества»¹.

Сочинение «Мысли об основании землеиспытательной науки», напечатанное иждивением императорского Минералогического общества; но, к удивлению нашему, при нем не приложено никакого суждения этого общества касательно весьма замечательной теории г-на Д. Мы не осмеливаемся входить в подробное исследование, но, не обинуясь, излагаем размышления, которые возбудило в нас чтение этой книжки, и в сем случае готовы отдать на суд европейских ученых.

Из всех предположений о происхождении земного шара и других подобных тел самое вероятнейшее есть предположение, что вначале первоначальные атомы, составляющие нашу планету, были рассеяны в неизмеримых пространствах, что вследствие непреложного закона природы они совершали поступательные и вращательные движения, что, приблизясь один к дру-

гому на такое расстояние, на котором обнаруживается влияние притягательной силы, они слеплялись вместе и составляли известные сочетания; это продолжалось до тех пор, пока однородные и разнородные атомы, имеющие между собою сродство, вошли в новые сочетания и образовали различные тела, которые также двигались и обращались вокруг самих себя и, наконец встретившись вместе, по силе притяжения составили какую-нибудь планету². Должно думать, что эти тела имели фигуру сфероидов, ибо, не принимая даже, что во время своего образования все тела были в жидком состоянии, мы необходимо должны принять, что сфероидная форма есть форма первоначальная; мы встречаем ее в первоначальных атомах, составляющих кристаллы и все тела, доселе разложенные химиею; они же поражают наши взоры и в беспредельном пространстве эфира, где около огромного огненного шара кружатся с быстротою бурного ветра планеты-сфероиды, более или менее сжатые. Таким образом, система г-на Д. кажется нам весьма удовлетворительной, она соглашает науки математические с естественными.

Некоторые ученые не без основания полагают, что комета Энке³, которой орбита, видимо, уменьшается, со временем упадет к солнцу и составит с ним одно тело. Правда, некоторые наблюдения дают право думать, что почти все вообще кометы не имеют плотности, потому что при прохождении своем в весьма близком расстоянии от планет и спутников их они не производят ощутительных возмущений в орбитах этих небесных тел; однако же нельзя отрицать, что и кометы состоят из частей матерьяльных и движение их претерпевает значительные возмущения от тяготения планет, подле которых они проходят; точно так же мнение о мировом происхождении аэролитов, принятое многими учеными мужами нашего века, — мнение, которое каждый день становится вероятнейшим, подтверждает некоторым образом вышеизложенную гипотезу.

Кажется, что *Палласово железо*⁴ свидетельствует нам, что образование новых тел из рассеянных в пространстве эфира первоначальных частиц еще продолжается и, вероятно, будет продолжаться вечно, даже, может быть, наше солнце с окружающими его

планетами со временем соединится с какою-нибудь звездой Геркулесова созвездия, к которому оно несется, составит новый мир и даст бытие новым существам. Сомнительно, но не невероятно, что наша земля и другие планеты произошли от соединения небесных тел, уже населенных разного рода животными и растениями, которые погибли при сем соединении.

Принимая в соображение прогрессивное увеличение планетных орбит по мере удаления их от солнца, остроумный Галилей предсказал, что между Марсом и Юпитером должна непременно находиться еще планета. По прошествии почти двух веков Ольберс⁵, Пиадун и Гардинг открыли четыре телескопические планеты, которые многие астрономы почитают обломками некогда существовавшей в сем месте большой планеты. Известно, что это мнение основывается на угловатой фигуре планет, на слишком большом угле наклона их орбит к эклиптике и на разноцентристности и перепутанности их путей; но нельзя ли с таковой же вероятностью предположить, что эти четыре планеты суть приготовительные части новой будущей, которая должна занять место Весты и таким образом пополнить промежуток правильной прогрессии в расстоянии планет от солнца. Надобно знать, что предположение угловатой фигуры телескопических планет основано на быстром изменении их света, но такие изменения, может быть, происходят от неизвестных еще нам причин.

Во всех отраслях наших знаний мы находим первоначальные частицы шарообразными; возьмем химию: новейшие опыты и наблюдения заставляют предполагать первоначальные атомы шаровидными. Микроскопические наблюдения показывают нам в физиологии и анатомии, что части крови и других влаг шарообразны, а физика парообразные и текущие жидкости принимает за тела, состоящие из маленьких шариков; в ботанике атомы плодотворной пыли и сперулы имеют сферическую фигуру; в геологии был пробел, который пополняет теория г-на Д.; теперь и череп земли состоит из сфероидов. Если бы тщательные наблюдения над понижением пластов и не доказывали с математической точностью такового состава земного черепа, то и тогда должно бы было принять это предположение, следуя одним только умственным выводам,

потому что все тела, от малейшего атома до солнца и до величайшей из неподвижных звезд⁶, представляют нам шарообразную фигуру, которой величина может возрастать в правильной, но бесконечной для нас прогрессии в беспредельном пространстве вселенной.

Впрочем, на каждую гипотезу можно иметь два возражения. Можно говорить против нее, можно говорить и в ее пользу, но вообще все софисты, если они добросовестны, то, наверное, знания их поверхностны, ибо нельзя защищать гипотезу, когда мы знаем, что есть другие, вероятнейшие. Еще более нельзя отвергать ее, видя превосходство ее над другими.

И. Д. Якушкин

Иван Дмитриевич Якушкин (1793—1857) — один из учредителей ранних декабристских организаций — «Союза спасения» и «Союза благоденствия», а с 1821 г. — член Северного общества. Дворянин. Образование получил в домашнем пансионе А. Ф. Мерзлякова и Московском университете. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. Арестован 9 января 1826 г. в Москве и доставлен в Петропавловскую крепость, где содержался особенно строго — в ручных и ножных кандалах — по личному распоряжению Николая I, раздраженного стойкостью декабриста на первом допросе.

И. Д. Якушкин был одним из немногих декабристов, открыто признавших свое свободомыслие и неправославность. Отвечая на вопрос следственной комиссии, он писал: «С 1812 году на исповеди я не был, не имея истинного убеждения в таинстве причастия, не почитал я себя в праве приступить к оному...» (см.: Восстание декабристов. Материалы. Т. III. М. — Л., 1927, с. 48).

Приговорен к смертной казни ввиду ставшей известной следственной комиссии готовности И. Д. Якушкина в 1817 г. убить императора Александра I. Смертный приговор был заменен 20-летней каторгой. С 1835 г. Якушкин жил на поселении в Сибири. В 1856 г. вернулся в Москву.

Философские взгляды И. Д. Якушкина представляют собой разновидность материализма.

Что такое человек? ¹

Человек, которому тесно в толпе потому ли, что у него мозоль на ноге или печень его отделяет излишнее количество желчи и он не совсем добрый малый, или потому, что ему запало в голову или под пятое ребро что-нибудь такое, до чего толпе дела нет, — такому человеку стоит только посторониться, и он издали взглянет на теснившую его толпу и будет прислушиваться к ее говору с таким же чувством, с каким ему, может быть, случалось, стоя на берегу моря, любоваться на пенистые волны, догоняющие одна другую, и прислушиваться к их говору.

Какая сила из отдельных капель воды образовала огромную пучину морскую, и с какою целью она

приводит эту пучину в движение? На это еще ученые могут дать какой-нибудь ответ; но как определить, какая сила столпила людей и движет толпы и сближает их и как будто стремится соединить их в одно целое и какая цель такого соединения?

Ничего нет труднее, как составить точное и полное определение чего бы то ни было. Что такое человек? Как известно всем и каждому, Платон определил, что человек есть животное двуногое, без перьев. Из такого определения не трудно заключить, что человек есть не более и не менее как ощипанный петух². Конечно, никто никогда не верил и не поверит, чтобы петух, даже ощипанный, был человек или чтобы человек был какого бы ни было вида петух; но со всем тем между человеком и петухом много есть тождественного. И тот и другой при случае задорные драчуны, примерные супруги и пр. Не помяная при этом особенного свойства, которым одарены только петух и студент и про которое гласит латинская поговорка,— а самое большое сходство между человеком и петухом состоит в том, что человек живет и петух живет, и потому они неоспоримо оба животные.

В чем же состоит существенное различие между животным, зовомым человеком, и животным, зовомым петухом? Или вообще чем отличается человек от прочих животных?

Ответ на такой нехитрый вопрос слышится со всех сторон. Ребенок, затвердивший краткий катехизис наизусть, и даже тот, который не затвердил его и не умеет читать, знает, что человек имеет в собственности бессмертную душу, каковой не имеется ни у одного из прочих животных. Преданье старины глубокой.

Несколько столетий тому назад один смельчак из смельчаков французов, наскучив жить в драгунах, рубить и колоть врагов Франции, поднял собственный свой стяг против врагов человеческого разума³. Неприятель, застигнутый врасплох, был разбит наголову; но так как цель всякой войны — мир, то между враждующими силами были заключены мирные условия, вследствие которых средневековая премудрость утратила много своей власти, стереть же ее с лица земли было тогда не по силам Декарта и даже не входило в его собственный расчет, точно так же как не входит теперь

в расчет великих держав стереть с лица земли турецкое кочевье в Европе...

В лице Декарта человеческий разум, получивши права гражданства в прекрасном божием мире, вздернул нос, как отпущенник холоп, и, присвоив одному человеку духовное начало, он овеществил всю остальную природу. Вследствие картезианского учения все божии твари, кроме человека, стали ничего более, как с особенным искусством устроенные куклы, которых сложный снаряд приводится в движение впечатлениями на них извне, как репетир приводится в движение давлением пальца на особенную пуговку часов. Кому случалось по наступлении весны любоваться первым прилетевшим гостем — скворцом, когда он, сидя на коньке кровли, подымая и опуская крылышки, выпрямив голову и обращаясь то на ту, то на другую сторону, весело распевает свою сладкозвучную песню, тому могло прийти желание разгадать смысл этой песни. Но, увы, какой может быть смысл в песне животного, куклы-скворца? В ней столько же смысла, как и в звуках эоловой арфы, когда воздух скользит по ее струнам, или в голосе кукушки, ежечасно кукующей в светлице волостного писаря. Человек, возвращающийся домой, чувствует особенную приязнь к своему любимому псу, когда этот пес, вертя хвостом и ласкаясь, приветствует его радостным визгом; тот же человек ощущает болезненное чувство, слыша вой своей любимой собаки, которую бьют. Вот и тут неуместная чувствительность. Собака — бездушная тварь, и лает, и воет, и визжит, не ощущая ни боли, ни удовольствия; все эти бессознательно производимые звуки собакой-куклой подобны тем звукам, какие когда-то и производила так же бессознательно Мемнонова статуя при появлении лучей солнца, падающих на ее поверхность.

В силу такого учения человек был взгроможден выше всего сущего. Земля со всеми тварями на ней была отдана ему на службу Твердь небесная со всеми своими светилами и тьмами миров, вращающихся в бесконечном пространстве, существовала для его только потехи. Но человек, этот обладатель Вселенной, был отрезанный ломоть и в сущности отчужден от всей природы — положение хоть и почетное, но не совсем

отрадное. Разум человеческий, освобожденный от пут схоластики и видя, что в его построении не все ладно, принялся поверять собственные свои определения.

Всякому небезызвестно, что человек, не имеющий ни о чем никакого понятия,— скотина или даже еще хуже скотины, а мистер Локк доказал, как дважды два пять⁴, что все наши понятия приобретаются только через внешние впечатления, и потому все наши побуждения происходят извне. За Локком вся ватага философов всех мастей и разрядов запела на тот же лад, и окончательно человек был низведен с высоты своего величия на степень, равную со всеми животными. Тем, что он человек, обязан он внешним обстоятельствам; вылупись он из яйца, был бы он, может быть, петух; зародись он в луже или в океане, он мог бы принять вид комара или кита. В последнем случае его сросшиеся нижние члены, то есть ноги, образовали бы ласт; сокращенные плечи и предплечья вместе с ручными кистями, облеченные сухожильной перепонкой, развились бы в огромные плавательные перья; желудок разросся бы в несколько желудков, селезенка разрослась бы в несколько селезенок, и недостаток мозга в огромной головизне человека-кита пополнился бы спермацетом.

Все это так просто и ясно, что бросается в глаза всякому верующему в учение Кабанисов⁵, Борн Ст. Венсенов и прочей собратии. При таком широком разгуле разума многие обветшалые средневековые здания, подрытые под самое основание, попадали с треском. На развалинах феодальных замков воздвигались и исчезали воздушные замки как мыльные пузыри.

Разум человеческий, уставший после таких разрушительных подвигов и тщетных усилий создать из самого себя что-нибудь прочное, почил; а немец Кант в хитросплетенных категориях в свою очередь доказал, как дважды два четыре, что чистый разум — большой хвостун и часто берется не за свое дело, которое ему не под силу.

После многих треволнений человек должен был убедиться, что, не бывши альфой и омегой мироздания, он составляет только звено бесконечной цепи творений и что ему не суждено оглашать одному Вселенную своим однозвучным пением, но что его голос должен сливаться с голосами всех прочих существ и

всего сущего в многозвучную и вечно стройную песнь. Что, бывши в непрерывных сношениях с природой, дело его разума — неослабно следить за всеми проявлениями в природе и, беспрестанно поверяя свои понятия одними другими, приводить их все более и более в согласие между собой; изучая же проявления в природе, стараться определить их взаимные отношения, отношения их к человеку и отношения человека к природе. И таким способом все более и более уяснять человеку, что такое человек. Одно из самых важных и любопытных проявлений в природе, конечно, проявление жизни вообще и проявление жизни человека в особенности.

Человек живет, и петух живет, и если бы не жил петух, то жизнь человека в первичных своих проявлениях была бы менее известна, нежели известна теперь: большая часть исследований над развитием зародыша вообще была производима над куриным яйцом. Исследования ученых свидетельствуют — и в этом случае нам, людям полуученым, остается только верить, — что все живущее выходит из яйца, разумеется не из куриного, которое само образуется из небольшого пузырька, заключенного в перепончатом мешочке яичника курицы. Прозрачная влага в этом пузырьке мутится, желтеет, и количество ее увеличивается по мере того, как увеличивается самый пузырек; достигнув полного объема желтка, он разрывает перепонки, заключающие его в яичнике; в то же время заключенный в нем животный, или первичный, пузырек разверзается и оставляет на поверхности желтка под перепонкой, его облекающей, белое пятнышко или рубчик, означающий место, где начнется развитие зародыша. Отделившись от яичника, желток спускается винтообразно по яйцепроводу, причем он покрывается белком, и окончательно на наружную перепонку белка оседает известь, составляющая скорлупу... В этом виде яйцо является на свет, и так заключается пролог развития будущего цыпленка...

Яйцо, заключающее в себе условия жизни будущего цыпленка, может оставаться некоторое время не изменяясь, точно так же как могут оставаться не изменяясь семена, заключающие в себе условия жизни будущих растений. Для пробуждения жизни в семенах

необходимы тепло и влага, для пробуждения жизни в яйце нужно только тепло, по той причине, что в нем самом содержится уже достаточно влаги для полного развития зародыша.

В оплодотворенном яйце, если положить его под наседку или вообще в теплое место, постоянно происходят значительные изменения. В первый день посредине удлиненного рубчика, между обеих перепонок желтка, замечается беловатая черточка с утолщениями на концах и окруженная перепончатой складкой; эта черточка — зачаток головохребетного мозга, из которого разовьется весь мозговой, или чувственный, снаряд. На другие сутки первоначально появляется, отдельно от мозгового снаряда, одна полость сердца, левое ушко; вскоре потом образуется левый желудочек, после чего ушко разделяется кольцеобразной перепонкой на две полости; по прошествии трех суток становится явственным правый желудочек, но сердце бьется прежде полного своего образования и содержит тогда бесцветную жидкость; красная же кровь, с своими шариками, появляется первоначально в сосудах, образовавшихся поодаль от зародыша, в перепонках желтка; сосуды эти, распространяясь и переплетаясь между собой, прогоняют кровь к сердцу.

Вскоре после появления головохребетного мозга около него появляется несколько пар точек, означающих зачатки позвонков.

В тот же день из перепончатой складки, окружающей зачаток головохребетного мозга, образуется голова и задняя часть цыпленка, а затем появляется нитевидная трубочка, протянутая от головы до хвоста и означающая собою зачаток желудка и кишек. Во время насиживания белок постепенно смешивается с желтком, и эта жидкость первоначально всасывается сосудами, образовавшимися в перепонках желтка, а потом желудком и кишками. После появления головы постепенно образуются все другие наружные части цыпленка; но часть живота, сначала бывши совершенно открыта, восполняется мало-помалу и только в двадцатый день, вобравши внутрь остатки жидкости, совершенно покрывается, после чего не с большим через сутки цыпленок пробивает скорлупу и появляется на свет.

Развитие ребенка происходит не совсем тождественно с развитием цыпленка, вылупившегося из куриного яйца, в котором содержится весь нужный запас для образования и полного развития зародыша; образование же зародыша ребенка совершается в утробе матери, и все нужное для его питания и развития доставляется кровеносными ее сосудами. После оплодотворения яйцо в виде пузырька, заключенное в перепончатом мешочке яичника женщины, несколько увеличивается и, разорвавши внешний покров яичника, по трубе, к нему прилежащей, спускается в матку, где оно остается свободным в продолжение некоторого времени. После трех недель беременности появляется первый признак развития зародыша в виде черточки с утолщениями по обоим концам, из которых одно сообщается посредством пуповинки с внутренней мышечной оболочкой яйца, против того места внешней оболочки, которое прикрепляется к матке. В течение второго месяца яйцо увеличивается в объеме, и его наружная кожистая оболочка покрывается нитями, часть которых, разветвившись, внедряется в матку и образует детское место. Внутри яйца содержится белковатая жидкость, среди которой развивается зародыш. Питание его и дальнейшее образование совершаются посредством пуповинки, состоящей из трех кровеносных сосудов, которые разветвились в перепончатых оболочках яйца и... соприкасаются с кровеносными сосудами матки.

Человек в зародышном своем развитии принимает все виды существования животных. Яйцо, отделившись от яичника женщины, существует столь же самостоятельно, как существуют и животные низшего разряда, у которых нет ни мозга, ни кровообращения, и вообще ни одного из орудий жизни, отдельно и явственно образовавшихся, но которые, по-видимому, одарены произвольным движением. При образовании сердца у зародыша ребенка оно первоначально состоит из одной полости, как сердце земляного червя, потом из одного ушка и одного желудочка, как сердце рыб, затем из двух ушков и одного желудочка, как сердце лягушки, и окончательно из двух ушков и двух желудочков, как сердце птиц и млекопитающих.

При некотором подобии человека в зародышевом своем состоянии с другими животными и он и каждое из них достигает той степени развития, которой определяется способ будущего их существования, а вместе с тем и все животные и человек, по непремennomу закону природы, рождаются от существ, себе подобных. Из оплодотворенной икры щуки никогда не разовьется другое животное, кроме щуки с сердцем об одном ушке и одном желудочке, как у всех рыб вообще, но с некоторыми особенностями, свойственными только щуке. Из икры лягушки выходит первоначально головастик, похожий на рыбу, но скоро потом, по образованию в нем легких, жабры его исчезают, и он превращается в лягушку, которая, при способе своего кровообращения, имеет возможность жить на земле, дыша воздухом, и оставаться на долгое время под водой. Из яйца курицы выходит всегда цыпленок. В утробе женщины, при всех постепенных изменениях зародыша и многосложном его развитии, всегда образуется ребенок, а не какое-нибудь другое животное. И цыпленок, вылупившийся из яйца, и ребенок, вышедший из утробы женщины, в своем зародышевом развитии получают уже собственно им одним принадлежащее образование, отличающее их от всех прочих цыплят и всех прочих ребят.

Итак, наблюдения над зародышем очевидно доказывают, что первичное образование всех животных совершается вообще одним и тем же порядком, но что при этом каждое из них в подробностях и степени своего развития разнообразно до бесконечности и что каждое животное существует отдельно от всех животных как неделимое и вместе с тем составляет собой звено неразрывной цепи всех существ.

Рассматривая каждое животное отдельно как неделимое, естественно является вопрос: кто это неделимое и под чьим влиянием началось его зарождение и совершились все чудеса его развития? На такой вопрос положительная наука, основанная единственно на опыте, не дает ответа, и тут каждому мыслящему человеку, ученому и неученому, предоставляется решить задачу по крайнему своему разу-

мнению. При этом, как и при всех действиях нашего мышления, необходимо только, чтобы понятие, какое мы составим себе об этом предмете, не было бы в противоречии с прочими нашими понятиями, не подлежащими сомнению.

Чувства наши через впечатления на них извне доставляют нам только понятия о телах и их движении. Тела, занимая пространство, имеют протяжение и потому уже делимы; части, составляющие тело, как и оно, занимая пространство, имеют протяжение, как и оно, подразделяются и потому суть также тела. Перемещение тела в пространстве мы называем движением. Тела и части их могут иметь более или менее протяжения, и движение может совершаться с большей или с меньшей скоростью и по различным направлениям. Разность в протяжении тел, ее разность в скоростях движения и в его направлении разнообразит до бесконечности видимые нами предметы.

Разум, признав протяжение в телах, деля их на части и подразделяя эти части на меньшие частицы, стремится от многочисленности к единице; допустив существование единиц, далее неподразделимых, он заключает, что такие единицы составляют сущность тел и что чувствам нашим представляются только образы предметов, беспрестанно преходящие.

Видимые нами тела представляются нами или в движении, или в спокойствии; и тут разум наш опять выводит заключение о существовании причины того или другого состояния тел. Причину эту, приводящую тела в движение или движущиеся тела приводящую в спокойствие, называют *силою*.

Никто из смертных не видал в глаза ни собственно единицы, ни собственно силы, точно так же как никто из смертных не видал собственными глазами ушей своих, а между тем всякий знает, что у него есть уши, и никто не сомневается в существовании своего Я как единицы, обладающей жизненной силой и силой мышления, которые обе суть одна и та же сила в разных степенях своего развития.

Наше Я как единица совмещает в себе одновременно только единичные ощущения. Бесчисленное множество световых лучей, отраженное бесчис-

ленным множеством точек какого-нибудь отдельного предмета и собранное снарядам нашего зрения, изображает этот предмет на сетчатых оболочках двух наших глаз, и при всем том мы видим только один предмет. Сотрясение бесчисленного множества частиц воздуха сообщается в обоих ушах наших слушательным нервам, и тут опять слышим мы только один звук, и несколько стройных звуков, доходящих до нашего слуха, ощущаются нами как один аккорд.

Вообще многосложные впечатления сосредоточиваются нашим Я в одно ощущение, подобно как многочисленные лучи, проведенные от окружности, сосредоточиваются посредине круга в одну точку.

Если бы каждое из отдельных наших ощущений сменялось только в нас другим, также отдельным ощущением, как сменяются разные изображения в зеркале, в котором отражается каждый новый предмет, не оставляя никакого следа предметам, отразившимся в нем прежде, то мы, не имея возможности сравнить один предмет с другим предметом и отличить частности, составляющие исключительную принадлежность какого-нибудь отдельного предмета, не имели бы решительно ни о чем никакого понятия. Наше существование, при каждом новом ощущении составляя новое Я, распадалось бы на части, не имеющие ничего между собой общего; но, имея возможность сознавать переход от одного ощущения к другому ощущению; наше Я по тому уже самому имеет и возможность непрерывно сознавать самого себя, и, отличая одни наши ощущения, производимые в нас впечатлениями извне, от других подобных ощущений, мы получаем понятие о предметах, вне нас существующих.

Собственная деятельность нашего Я беспрестанно проявляется при сношениях своих с внешним миром, и не все впечатления, передаваемые нам нашими чувствами, равносильно ощущаются нашим Я. Находясь в многочисленной шумной беседе, мы произвольно обращаем внимание на речи того или другого из собеседников, не слушаем остального говора.

Каждое ощущение в нас сопровождается сознанием этого ощущения и вместе с тем сознанием

некоторых прежде бывших ощущений, и, сознавая разность одного ощущения от другого, прежде бывшего ощущения, мы приходим к познанию разнообразия предметов, производящих разные впечатления на наши чувства. Имея возможность обращать исключительно внимание и на части предметов как на отдельные предметы, части эти производят в нас отдельные ощущения. И тут наше Я опять сознает подобие или разность своих ощущений, и мы, сперва признавши подобие и различие предметов, и теперь, опять признавая подобие и различие частей их, получаем более полное познание о том, что составляет тождественность и разность в предметах, нами наблюдаемых. На небосклоне виднеется что-то темное, отличное от неба и земли. Приближаясь к этому предмету и вглядываясь в него, мы видим сплошной лес и над ним темно-сизую тучу; приблизясь еще к нему, мы начинаем отличать отдельные деревья, которые издали все вместе казались сплошной толщею; вблизи совсем от леса мы видим, что одни из деревьев имеют белый ствол, повисшие сучья и листья, приходящие в движение при небольшом ветре; другие деревья с зеленоватою корой на стебле, с сучьями почти распростертыми и листьями еще более подвижными. Третьи деревья имеют ствол темный, листья игловидные, сидячие пучками на сучьях, повисших и на конце приподнятых, и мы узнаем, что первые из этих деревьев — березы, вторые — осины, а третьи — ели. В двух листках, сорванных с березы, при всем их сходстве между собой найдутся признаки, по которым их легко отличить один от другого. Очертание их будет не совсем одинаково; на окраинах одного будет более или менее зубчиков, чем на окраине другого, и самые зубчики будут не все равно глубоко вырезаны. При самых подробных наблюдениях какого бы то ни было предмета мы получаем только более или менее полное понятие о признаках, отличающих этот предмет от других предметов или которую-нибудь его часть от других его частей; но то, что составляет самую сущность предмета, единицы, образовавшие его своим сочетанием, недоступны нашим опытным наблюдениям. Кристалл, или растение, или животное, видимые нами,

могут быть размельчены химическими приемами до такой степени, что дробнейшие их части, столько же положительно существующие, как и прежде, сделаются совершенно не ощутительны для нашего зрения. Не все колебания в воздухе производят впечатления на наш слух, и вообще не всякое движение ощутительно для наших внешних чувств. И кристалл, и растение, и животное образуются движением частиц, сочетающихся в определенном порядке; но при этом явлении самые единицы и движение их для нас не ощутительны, и посредством внешних чувств мы узнаем только о существовании предметов, имеющих каждый свои отличительные признаки.

Единица в спокойном состоянии, как и математическая точка в спокойствии, не имеет никакого протяжения⁶ и потому ничего общего с предметами, о которых мы знаем через внешние наши впечатления, но та и другая в движении становятся доступны нашему понятию как начала, образующие видимые нами предметы. Движущаяся точка может образовать черту, черта — плоскость, плоскость — тело, имеющее уже все три протяжения. Все единицы в мире, не имея протяжений, ничем не могут различаться одна от другой, как только движением, которое может разнообразиться до бесконечности своим направлением и степенью скорости, с какою совершается самое движение. Каждая единица в определенное время имеет свой определенный способ движения, ей свойственный, которым она возбуждает определенное движение в ближележащих единицах, свойственное им в это время; вследствие чего единицы или сближаются в каком-нибудь порядке и могут образовать из себя что-нибудь ощутительно для нас целое, или удаляются одна от другой и остаются для нас неощутительными.

Все это совершается подобно тому, что происходит, когда звуки, истекающие из натянутых струн, или сливаются в один аккорд, или производят нестройное разногласие. Все явления в природе, подлежащие нашим наблюдениям, происходят от движения и сочетания единиц в каком-нибудь порядке, ощутительном для наших чувств; причина же всякого движения называется силою, заключается в самих

единицах, имеющих способность приходить в движение и возбуждать движение в окольных единицах. Малейшая песчинка на нашей Земле настолько же тяготит к Солнцу, насколько Солнце тяготит к этой песчинке; железный опилок притягивается магнитом ровно с такой же силой, с какой притягивается магнит опилком; стекло, натертое сукном, притягивает или отталкивает легкие тела с такой же силой, с какой легкие тела притягивают или отталкивают стекло. Все части тела, образуемого сцеплением, равно обладают этой силой. Причину явлений, происходящих всегда в одном и том же порядке, называют особенным наименованием; так, говорят: сила тяготения, сцепления, тепла, света, электричества, магнитности, жизни, мышления, и во всех этих случаях слово «сила» означает только особый способ и порядок движения единиц. Постепенные, но быстрые движения единицы сливаются для нас в одно целое, точно так же как постепенные, но быстрые колебания струны сливаются для нас в один звук. Одна и та же струна, более или менее натянутая, в одно и то же время совершает большее или меньшее число колебаний и производит такой или другой звук, который отзывается не на всех струнах стоящего тут инструмента, а на той только струне, которая способна производить одинаковое число колебаний со струной, производившей первоначальный звук; точно так же каждая единица в природе, соответственно двигательной своей силе, в данное время может совершать определенные движения по побуждению первичной движущей ее единицы, сочетаться с парными ей единицами и участвовать в образовании или какого-нибудь кристалла, или какого-нибудь растения, или какого-нибудь животного.

Простые и вообще неорудные тела, образовавшиеся сочетанием единиц, обладающих уже силою сцепления, имеют собственные им свойства; каждое из них может соединиться с другим телом только в определенном и ощутительном для нас порядке. Негашеная известь состоит всегда из одного и того же количества металла, известковых и кислорода; углекислый газ, производящий угар, всегда состоит из определенного количества углерода и кислорода;

негашеная известь соединяется с углекислым газом и всегда в определенном количестве того и другого; углекислая известь образуется в кристаллы всегда определенного вида; та же известь, распущенная в воде, может быть всосана корешками какого-нибудь растения и, поступив в состав этого растения, участвовать в проявлениях его жизни; потом это растение может быть принято в пищу каким-нибудь животным, и известь, вошедшая в состав этого растения, может оплодотвориться и принять участие в жизни животного. Во всех этих случаях одни и те же единицы проявляют в себе разного рода силы, или, что все равно, принимают участие в проявлениях разного рода. Тела, образовавшиеся силою сцепления, при химических своих сочетаниях соединяются с некоторыми другими такими же телами, преимущественно перед прочими, и это свойство, называемое сродством, составляет особенность этих тел, точно так же, как то, что называют права[ми] растений и животных, составляет их особенность.

В природе беспрестанно все движется. Земля наша быстро совершает свое суточное движение, но еще с большей быстротой обращается около Солнца. Некоторые тела небесные, как наша Земля, имеют свои суточные движения и также обращаются около Солнца. Само Солнце имеет явное движение. Единицы, еще не сочетавшиеся между собой и наполняющие пространство Вселенной, беспрестанно приводятся в движение светилами небесными. При этом всеобщем движении единиц происходящие от него проявления бесчисленно разнообразны, но не все единицы одинаково участвуют в каждом из этих проявлений; те из них, в которых уже возбуждена сила сцепления и которые своими сочетаниями образовались в простые тела, не все в равной степени проявляют участие в проявлениях тепла, света, электричества, магнетизма, и самая сила сцепления не в одинаковой степени возбуждена во всех простых телах; и эта сила, при разных обстоятельствах, в одном и том же теле может иметь большую или меньшую степень развития. Точно так же жизнь при своих проявлениях, от гриба и до человека, имеет свои степени развития, и, как при высокой степени

тепла проявляется свет, точно так же при высшем развитии жизни проявляется мышление.

Какой-нибудь кристалл, образовавшийся силою сцепления в продолжение тысячелетий, может оставаться не изменяясь, не претерпевая никакого явного влияния от предметов, его окружающих, и не оказывая на них никакого действительного влияния. Во всех его частях равно распределена сила сцепления, сохраняющая его от разрушения. В растении, образовавшемся сочетанием единиц, возбужденных к жизни, происходит беспрестанное движение и изменение; части его, исполнившие свое назначение, извергаются им или отпадают от него; и в то же время оно поглощает новые начала из среды, его окружающей, из почвы, на которой оно растет; беспрестанно новые единицы, возбужденные им к жизни, входят в состав его; но не все части растения принимают равное участие в движении, в нем происходящем, в некоторых из них более напряжения силы жизни, нежели в других.

При образовании цветка и потом плода нередко истощается самое растение. Всякая почка, отделившись от растения отводком, может жить собственной жизнью и при благоприятных обстоятельствах образовать растение, подобное тому, которого она прежде была только частью. Вообще растения, имея около себя все нужное для полного своего развития, остаются прикрепленными к почве на том месте, где началось их прозябание; размножению же растений содействуют и вода, и свет, и животные, разнося семена их на дальние расстояния.

Образования животных, находящихся на низкой степени развития, менее сложны, нежели образования растений, которые состоят из различных частей, исполняющих особые, определенные им отправления. Речной полип весь состоит из студенистого мешка, внутренняя сторона которого служит ему орудием питания. Жизнь в нем мало сосредоточена, и он плодится, отделяя от себя отростки в виде мешочков, которые, вырастая, становятся подобными своим родителям. Но тут начинаются явления, каких не замечается при развитии жизни в растениях. Речной полип, это животное, мешок-желудок, совершает

произвольные движения, чего не совершает ни одно растение. Животные низшего разряда во многих отношениях мало разнятся от растений. Все лучистые живут в воде или как чужеядные внутри других животных; усваивая из среды, их окружающей, все нужное для своего питания, они растут и плодятся отпрысками, подобно растениям, и тем ограничиваются их сношения с природой. Восходя от этих животных к животным высших разрядов, жизнь разнообразится в своих проявлениях, и отдельные снаряды, имеющие особые определенные назначения, все более и более получают явное и полное развитие и все более и более подчиняются общей жизни животного. Кольчатые имеют уже кровь красную и довольно сложный прибор для кровообращения, хотя и не имеют сердца; движения их правильные и разнообразнее движений, какие совершают лучистые, но и тут в некоторых из них, как в растениях и лучистых, жизнь еще мало сосредоточена. Каждая часть разрезанного червя может жить собственной жизнью и образовать из себя полное, живое тело.

В животных низшего разряда жизнь растительная и жизнь животная, проявляющиеся при питании и произвольных движениях, сливаются вместе за отсутствием особых орудий для таких отличных одно от другого проявлений. В животных же более полного образования жизнь растительная и жизнь животная проявляются посредством отдельных снарядов.

При развитии мышечного снаряда, посредством которого животное совершает свои движения, образуется отдельный снаряд мозговой, или чувствительный, посредством которого животное вступает в более полное сношение с природой. С развитием мозгового снаряда животное движется не только произвольно, но и совершает преднамеренные движения. Паук, раскинувший паутину и в засаде ожидающий свою добычу, поступает так же преднамеренно, как и пластун, запавший в тростник и ожидающий своего врага. Причина таких особенных явлений — та же жизнь, но в своем высшем развитии и переходящая уже в мышление. У суставчатых и мягкотелых мозговой снаряд не имеет еще полного развития; у пиявицы, паука, рака и пчелы он состоит только из

узлов, соединенных нитями и лежащих в два ряда, от головы до конца брюшной полости, а у устрицы и вообще у мягкотелых, имеющих кровообращение более правильное, нежели все животные низших рядов, мозговые узлы окружают в виде ожерелья пищеприемник, отделяя от себя узловую нить. Только у позвоночных мозговой снаряд получает свое окончательное развитие. Тут головохребетный мозг заключен в позвонках; одна крайняя часть его значительно утолщена и облечена черепом, и в ней находится исходная точка произвольных движений и действий мышления. Посредством парных мозговых нитей, состоящих в сообщении с головным мозгом, животное получает ощущение извне и производит движение по воле своей, причем происходит необходимое сотрясение в мозговом снаряде. Мышление, находясь в непосредственной зависимости от этого снаряда, проявляется вследствие развития жизни; но самые проявления мышления столько же отличны от проявлений жизни, как и проявления света отличны от проявлений тепла, хотя тепло и свет могут проявляться вместе в одном и том же предмете. Самое же слово «жизнь», собственно, означает только особый способ и порядок единиц, вследствие которого образуется растение или животное. И то и другое образуется под влиянием единицы, из которой сила жизни, как из средоточия, действует на окольные единицы и возбуждает их к жизни. Каждая единица, возбуждаемая к жизни, получает новую силу для сочетания своего с другими единицами, с которыми она образует живое существо, и для сопротивления разрушительному действию посторонних единиц. В этом отношении и человек, и петух, и устрица, и гриб подчиняются одному и тому закону и ничем не разнятся между собой. Как ни сложно образование зародыша ребенка и всех его снарядов жизни, он и в этом отношении не разнится от зародыша цыпленка.

Цыпленок, только что вылупившийся из яйца, бегаёт и находит себе пищу, и в этом отношении ребенок несколько не похож на цыпленка; родившийся младенец едва шевелится, и нередко приходится учить его взять грудь матери. Все животные при

самом своем рождении имеют способность удовлетворять всем потребностям жизни, или эта способность проявляется в них вполне спустя некоторое время после их рождения. Способность эту называют инстинктом животных, который в сущности нечто другое, как врожденное умение действовать согласно целям природы, давшей каждому животному определенное назначение в его жизни. И тут человек решительно разнится от всех животных. При своем рождении он не имеет никакого умения и потом, приобретая его, то, что он добывает собственным своим опытом, весьма незначительно в сравнении с тем, что передают ему другие, и тем, что достается ему по наследству от прежде живших поколений.

Взятый отдельно, он самое ничтожное существо из всех существ в мире; но отдельно он никогда не существует. При самом рождении он уже член семейства, с которым сливается его существование. Семейство это мало-помалу передает ему свое умение, добытое им тем же порядком от прежде живших поколений и дополненное собственным опытом.

Пчела, только что вышедшая из своей ячейки, имеет уже способность использовать все многосложные работы, необходимые для существования пчел в улье по предназначенному им порядку. Умение пчелы, только что увидевшей свет, столько же совершенно и замкнуто, как и умение всякой другой пчелы. Семейство пчел, для своего существования не имея никакой надобности общаться с другими пчелами, составляет в своем улье отдельный мир, и в этом улье один и тот же порядок, какой был и есть во всех других ульях.

Семейство человека само по себе слишком слабо, чтобы противодействовать враждебным силам, его окружающим; по необходимости оно соединяется с другими семействами, чтобы увеличить свои средства для удовлетворения потребностей жизни. Человек, это слабое животное существо при своем рождении и по своей природе и тем самым поставленный в необходимость сближения с себе подобными, в совокупности с ними приобретает огромные силы, беспрестанно возрастающие, вследствие чего народы сближаются с народами, люди все более и более тол-

пятая и все человечество стремится к соединению в одно целое,— и этим самым человек решительно разнится от всех животных вообще и от петуха в особенности.

Записки ⁷

Фрагменты

На другой день по заведенному в рavelине порядку⁸ поутру явился комендант рavelина в сопровождении унтер-офицера и ефрейтора. Он спросил о моем здоровье и отправился далее по казематам. Все утро я не вставал с постели; часов в 12 услышал я приближающиеся к двери шаги и сделанный почти шепотом вопрос: «Кто здесь сидит?» На этот вопрос отвечено: «Дмитриев». Дверь растворилась, и вошел рослый, старый и белый, как лунь, протопоп Петропавловского собора Стахий. Я с ногами сидел на кровати. Он взял стул и, проговорив что-то насчет моего жалкого положения, сказал, что его прислал государь. Затем начался формальный допрос и увещание:

— Всякий ли год бываете у исповеди и святого причастия?

— Я не исповедовался и не причащался 15 лет.

— Конечно, это случилось потому, что вы были заняты обязанностями службы и не имели времени исполнить этого христианского долга?

— Я уже восемь лет как в отставке и не исповедовался и не причащался потому, что не хотел исполнять это как обряд, зная, что в России более, нежели где-нибудь, оказывают терпимость к религиозным мнениям; словом, я не христианин.

Стахий увещевал меня как умел и наконец напомнил о том, что ожидает меня на том свете.

— Если вы верите в божественное милосердие,— сказал я ему,— то вы должны быть уверены, что мы все будем прощены: и вы, и я, и мои судьбы.

Этот старик был добрый человек; он заплакал и сказал мне, что ему очень жалко, что не может быть мне полезен. Тем наше свидание и кончилось

Стахий вышел. Воображение мое разыгрывалось более и более и по временам доходило до какой-то восторженности; когда появился Стахий, он мне напомнил собой инквизитора в «Дон-Карлосе»⁹, но после разговора я узнал в нем весьма простого русского попа.

На третий день поутру (16 генваря) взошел ко мне с обыкновенной свитой плац-адъютант Трусов. Кроме священника, все должны были входить в каземат в сопровождении ефрейтора и унтер-офицера. Трусов принес мне трубку и табак. Узнавши от меня, что они не принадлежат мне, он унес их назад. В то время я никак не догадался, что это было что-то вроде искушенья. В тот же день вечером неожиданно распахнулись двери, и ко мне вошел еще более рослый, чем Стахий, протопоп Казанского собора П. Н. Мысловский. Приемы его были совсем другие: он бросился ко мне на шею, обнял меня с нежностью и просил, чтобы я переносил свое положение с терпением и чтобы я помнил, как страдали апостолы и первые отцы церкви.

— Батюшка,— спросил я его,— вы пришли ко мне по поручению правительства?

Это его несколько озадачило.

— Конечно, без позволения правительства я не мог бы посетить вас,— отвечал он,— но в вашем положении вы бы, вероятно, обрадовались, ежели каким-нибудь образом забежала к вам даже собака, и потому я полагал, что мое посещение не может быть излишним.

— Конечно, в моем положении посещение человека, который бы пришел ко мне побеседовать, могло быть для меня очень приятно; но вы священник, и поэтому я почитаю своею обязанностью на первый раз нашего знакомства объясниться с вами откровенно. Как священник, вы не можете доставить мне никакого утешения, тогда как для некоторых из моих товарищей посещения ваши могут быть очень утешительны, и вы можете облегчить их положение.

— Мне нет дела,— отвечал Мысловский,— какой вы веры; я знаю только, что вы страдаете, и очень буду счастлив, ежели мои посещения не как священ-

ника, а как человека могут быть для вас хоть сколько-нибудь приятны.

После такого объяснения я подал ему руку и поблагодарил его.

.....
Наступил великий пост; у меня спросили, что я буду есть — постное или скоромное. Я отвечал, что мне все равно, и меня целый пост кормили щами со снятками. Мысловский по-прежнему навещал меня, но никогда не заводил со мной религиозного разговора. Однажды мне случилось сказать ему почему-то, что правительство наше не требует ни от кого православного исповедания. Мысловский отвечал, что правительство действительно ничего не требует, но что многих людей, которые были крещены в православной вере и которые оказались впоследствии неправославными, ссылали... на заключение.

Этими словами Мысловский отворил мне еще один выход к соблазну. Я начал рассуждать очень основательно, что ежели правительство требует от православных, чтобы они всегда оставались православными, то, следовательно, оно требует только одного соблюдения обрядов.

На шестой неделе поста я прямо сказал Мысловскому, что желаю исповедаться и причаститься. «Любезный друг, — отвечал он мне, — я сам хотел давно предложить вам это, но, зная вас, никак не смел». Было положено, что он придет ко мне в вербное воскресенье с дарами¹⁰, и в самом деле в этот день он явился ко мне в эпитрахили¹¹. Он хотел было начать формальностью, но я прямо сказал, что он знает мое мнение на этот счет. После этого он только спросил у меня, верю ли я богу. Я отвечал утвердительно. Он пробормотал про себя какую-то молитву и причастил меня.

Впоследствии я узнал, что этот день был для казанского протопопа днем великого торжества. В моем каземате он вел себя как самый простой, очень неглупый и весьма добрый человек, но зато вне стен крепости он вел свои дела не совсем для себя безвыгодно. Он не мог удержаться от искушения и рассказал всем, что он обратил в христианство самого упорного безбожника.

Примечания

А. Н. Радищев

«Житие Федора Васильевича Ушакова с приобретением некоторых его сочинений. В Санктпетербурге, в императорской типографии. 1789 года»

После первой публикации «Житие...» перепечатывалось в изданиях:

Собрание оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева, чч. 1—6. М., 1807—1811 (ч. 5, 1811);

Полное собрание сочинений Александра Николаевича Радищева, в 3-х томах, под ред. С. Н. Тройницкого. СПб., 1907 (т. I);

Полное собрание сочинений Александра Николаевича Радищева, в 2-х томах, под ред. В. В. Каллаша. М., 1907 (т. I);

Полное собрание сочинений Александра Николаевича Радищева, в 2-х томах, под ред. А. К. Бороздина. СПб., 1907—1909 (т. I);

Радищев А. Н. Избранные философские сочинения. М., 1949.

Книга была издана анонимно, но авторство А. Н. Радищева ни для кого не составляло секрета. Об этом знала, например, кн. Е. Р. Дашкова — президент Российской Академии, гр. А. Р. Воронцов — покровитель Радищева, благоволивший к нему даже в период сибирской ссылки, а затем, после смерти Екатерины II, добившийся для него амнистии. Книга посвящена другу А. Н. Радищева — Алексею Михайловичу Кутузову, который так отзывался о ней: «Признаюсь, что большую часть его положений касательно религии и государственного правления нашел совершенно противоположно моей системе... Книга наделала много шума. Начали кричать: «Какая дерзость, позволительно ли говорить так!» и проч. и проч. Но как свыше молчали, то и внизу все умолкло. Нашлись и беспристрастные люди, отдававшие справедливость сочинителю» (*Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века*. М., 1915, с. 65—66).

Фрагменты из «Жития...» печатаются по: *Радищев А. Н. Избранные философские и общественно-политические произведения*. М., 1952. Текст сверен по изданию: *Радищев А. Н. Полное собрание сочинений*, в 3-х томах. М.—Л., 1938—1941.

¹ Федор Васильевич Ушаков, как и А. Н. Радищев, находился в числе тех 18 молодых дворян, которые в конце 1766 г. были отправлены в Лейпциг для получения университетского образования.

² Сухопутный кадетский корпус основан в царствование Анны Иоанновны. Ф. В. Ушаков учился в нем в 1760—1764 гг.

³ Г. Н. Теплов — крупный сановник екатерининской эпохи. Согласно «Табели о рангах», т. е. закону о порядке государствен-

ной службы, изданному Петром I в 1822 г., все чиновники гражданской, военной и придворной служб разделялись на 14 классов. Тайный советник — чиновник гражданской службы 3-го класса.

⁴ *Титулярный советник* — гражданский чиновник 9-го класса.

⁵ *Коллежский ассессор* — гражданский чиновник 8-го класса.

⁶ Кроме А. Н. Радищева в 1766 г. из России на учебу в Лейпцигский университет были посланы еще 17 молодых дворян.

⁷ «Гофмейстером» при русских студентах был назначен майор Егор Федорович Бокум.

⁸ А. Н. Радищев подразумевает книгу французского философа-материалиста К. А. Гельвеция «Об уме», и в первую очередь главу XVII «О стремлении всех людей к деспотизму, о средствах его достижения и об опасности от деспотизма для государей».

⁹ Духовником при русских студентах состоял иеромонах Павел.

¹⁰ Правильно — клирос, т. е. небольшое возвышение в церкви справа и слева от алтаря, предназначенное для певчих.

¹¹ Существует предположение, что А. Н. Радищев скрыл за инициалом Ф... гр. Ф. Г. Орлова — младшего из четырех братьев Орловых, фаворитов Екатерины II.

¹² Барон Фридрих Мельхиор Гримм, известный немецкий литератор, входил в круг энциклопедистов, был близко знаком с Д. Дидро и П. Гольбахом.

¹³ А. Н. Радищев имеет в виду книгу французского философа-рационалиста Р. Декарта «Метафизические размышления», где приводится высказывание Архимеда.

¹⁴ Ф. В. Ушаков умер 7 июня 1770 г. в Лейпциге.

¹⁵ А. Н. Радищев цитирует римского историка I в. н. э. Корнелия Тацита, который этими словами начал 43-ю главу «Жизнеописания Юлия Агриколы».

«Путешествие из Петербурга в Москву»

Книга вышла в Петербурге анонимно в 1790 г. Отпечатана в домашней типографии А. Н. Радищева (разрешение на публикацию было получено от Управы благочиния 22 июля 1789 г.). В дальнейшем перепечатывалась в следующих изданиях:

О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. Лондон, 1858 (с пред. А. И. Герцена);
А. Н. Радищев и его книга: Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1868 (с цензурными купюрами);

Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Лейпциг, 1876.

Отдельные издания «Путешествия...» выходили в Петербурге в 1888, 1903, 1905, 1906 (трижды) годах. «Путешествие...» включалось в Полн. собр. соч. А. Н. Радищева, вышедшее в Москве и в Петербурге (дважды) в 1907 г.

В советское время «Путешествие...» переиздавалось многократно, в том числе в таких изданиях:

Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву, т. 1—2. М.—Л., Academia, 1935;

Радищев А. Н. Избранные философские сочинения. М., 1949.

Фрагменты из «Путешествия...» печатаются по: *Радищев А. Н. Избранные философские и общественно-политические произведения*. М., 1952. Текст сверен по изданию: *Радищев А. Н. Полное собрание сочинений*, в 3-х томах. М.—Л., 1938—1941.

¹ Эпиграфом к книге А. Н. Радищев избрал строку из поэмы В. К. Тредиаковского «Тилемахида» (1766), в которой описан трехглавый Цербер — персонаж древнегреческой мифологии. А. Н. Радищев цитирует неточно (по-видимому, сознательно) — у Тредиаковского чудище не «стоzewно», а «с триzewной».

² Как и «Житие Федора Васильевича Ушакова», книга посвящена А. М. Кутузову.

³ В этом посвящении А. Н. Радищев конспективно излагает основные идеи «Предисловия автора» из книги П. Гольбаха «Система природы».

⁴ *Кутейкин* — персонаж комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль». О своем обучении в семинарии он говорит: «...ходил до риторики, да богу изволившу, назад воротился» (действ. II, явл. 5). В духовных семинариях в то время классы разделялись по предметам. В 1-м изучали грамматику, во 2-м — риторику, в 3-м — философию.

⁵ *Блэкстон Уильям* (1723—1780) — английский юрист. Трехтомный перевод его книги «Истолкование английских законов» на русский язык был осуществлен С. Е. Десницким в 1780—1782 гг.

⁶ Специальная комиссия по составлению «Плана университетов и гимназий в разных местах империи заводимых», начавшая работу в 1786 г., проектировала создание университетов в Пскове, Чернигове и Пензе. Проект не был осуществлен.

⁷ *Мартинисты* — мистическая секта, основанная в XVIII в. Мартинесом Паскалисом. Мартинистами также именовались масоны, последователи системы маркиза Луи Клода Сен-Мартена (1743—1803), как она изложена в его сочинении «Des egreurs et de la verité» (1775). Русский перевод — «О заблуждениях и истине» (1785).

⁸ А. Н. Радищев намекает на масонские и мистико-теософские сочинения, широко распространившиеся в конце XVIII в., в том числе и в России.

⁹ *Магомет*, точнее, *Мухаммед* — один из первых проповедников ислама, почитаемый мусульманами как величайший пророк, посланник аллаха.

¹⁰ А. Н. Радищев имеет в виду «Словарь исторический и критический» П. Бейля.

¹¹ *Холмград* — в скандинавских сагах центр страны Гардарики, расположенной к востоку от Скандинавии.

¹² *Перун* — бог грома, молнии и дождя восточнославянского языческого пантеона.

¹³ *Иегова* — одно из имен бога в ветхозаветном иудаизме. *Юпитер* — бог-громовержец, верховный бог римской мифологии.

Брама — один из главных богов в индуизме наряду с Вишну и Шивой.

Авраам, Моисей — библейские ветхозаветные персонажи.

¹⁴ Цитата из трагедии английского писателя Д. Аддисона «Катон» (1713). А. Н. Радищев называет ее «Смерть Катона», видимо, по ассоциации с известной ему трагедией «Умиравший Катон» И.-Хр. Готтшеда, профессора Лейпцигского университета.

¹⁵ Описанная Радищевым сцена расставания некоего «крестичского дворянина» с сыновьями в данной главе наиболее ярко обнаруживает его пренебрежительное (по меньшей мере) отношение к христианской — и вообще религиозной — морали. В своей прощальной речи дворянин излагает сыновьям кодекс просветительской морали «разумного эгоизма», основными постулатами которой являются утверждение позитивности природы человека («корень страстей благ») и принцип личной пользы. В эту речь А. Н. Радищев включил также прямой выпад против государства и церкви — «небреги закона гражданского и священного, столь святые в обществе вещи, буде исполнение оных отлучает тебя от добродетели». В речи дворянина обнаруживается влияние философских и педагогических идей Д. Локка, Ж. Ж. Руссо и К. А. Гельвеция. В соответствии с ломоносовской теорией «трех штилей» Радищев написал это поучение возвышенным стилем, предполагающим активное использование церковно-славянской языковой архаики.

¹⁶ *Эгид*, точнее, Эгида — в древнегреческой мифологии атрибут Зевса, Афины и Аполлона. В произведениях искусства Эгида изображалась в виде кожаного щита со змееподобными узорами.

¹⁷ Т. е. средним путем, соблюдая во всем меру.

¹⁸ Обвиненный в отрицании официальных богов и «развращении юношества», Сократ был приговорен к смерти Афинским ареопагом и должен был выпить кубок с ядом.

¹⁹ Согласно легенде, римский юноша Марк Курций принес себя в жертву подземным богам, бросившись в пропасть, разверзшуюся посреди форума.

²⁰ Здесь А. Н. Радищев вспоминает античную легенду о Геро, жрице богини любви Афродиты, которая каждую ночь зажигала огонь на своей башне, чтобы указать путь своему любовнику Леандру, переплывавшему Дарданеллы. Однажды в непогоду свет погас, и Леандр, сбившись с пути, утонул. Утром, найдя его мертвым на берегу, Геро утопилась.

²¹ *Нума Помпилий* — по преданию, второй римский царь, преемник Ромула, правивший в 715—672 гг. до н. э. Античная традиция сообщает о нем, что в важных делах он пользовался советами нимфы Эгерии.

²² *Манко Капак* — легендарный основатель государства Перу.

²³ *Ариман* — злой бог в парсизме, противник бога добра Ормузда.

²⁴ Указ, разрешающий открывать типографии частным лицам, был издан 15 января 1783 г. Однако выпуск книг в свет требовал разрешения Управы благочиния.

²⁵ *Митрофанушка* — персонаж комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль».

²⁶ А. Н. Радищев выборочно излагает основные идеи

сочинения И. Г. Гердера «О влиянии правительства на науки и наук на правительстве» (1780).

²⁷ В 1767 г. была создана Комиссия по составлению нового уложения, включавшая представителей всех сословий, за исключением крепостных помещичьих крестьян. Екатерина II адресовала Комиссии свой «Наказ» — обширное сочинение-инструкцию по составлению государственного законодательства, используя популярный в XVIII в. идеал просвещенной монархии.

²⁸ Этот трактат представляет собой компиляцию из различных сочинений XVIII в. Основным источником для А. Н. Радищева является: *Beckmann. Beiträge zur Geschichte der Erfindungen. Bd. I—V. L., 1780—1805* (Приложение к истории открытий. Лейпциг, 1780—1805).

²⁹ *Претор* — официальная должность в Риме, связанная с исполнением судебных функций.

³⁰ *Авгуры* — древнеримские жрецы, толковавшие волю богов на основании ауспий, т. е. наблюдений за поведением птиц, метеорологическими явлениями и т. п.

³¹ Т. е. триумвиры, от слова «триумвират», обозначавшего переходную форму власти в Риме в период от смерти Юлия Цезаря и до начала правления императора Октавиана Августа. В данном случае А. Н. Радищев упоминает «второй триумвират» — Октавиана, Марка Антония и Лепида.

³² *Никейский собор* — первый собор христианской церкви, который признается Вселенским как православной, так и католической церквями. Состоялся в 325 г. в г. Никее (Византия).

³³ *Халкидонский собор* — признается IV Вселенским лишь православной церковью. Состоялся в 451 г. в г. Халкидоне (Византия).

³⁴ «Пандекты» византийского императора Юстиниана (правил в 527—565) — извлечения из работ римских законоведов.

³⁵ *Апокалипсис* — заключительная книга Нового завета, содержащая пророчество о конце мира.

³⁶ По-видимому, термином «иллюминаты» А. Н. Радищев пользуется для обозначения масонства вообще. Собственно «Орден иллюминатов» был основан в Баварии Адамом Вейсгауптом в 70-х годах XVIII в. Но уже в 1784 г. он был запрещен.

³⁷ В современной транскрипции — Маффео Герардо.

³⁸ *Иоганн Гутенберг* (ок. 1400—1468) — немецкий изобретатель и создатель книгопечатания. Отпечатал первую книгу (так называемую 42-строчную Библию) в г. Майнце.

³⁹ «Codex diplomaticus...» in lucem preduxit baro de Gudemus, t. IV, 1758.

⁴⁰ *Павел* — один из наиболее авторитетных в христианской традиции апостолов. Его послания вошли в Новый завет.

⁴¹ *Бакалавр, лицензиат и доктор* — ученые степени в западноевропейских университетах.

⁴² *Булла* — послание папы римского. У А. Н. Радищева ошибочно вместо 1501 стоит 1507 г. Папа Александр VI умер в 1503 г.

⁴³ Имеется в виду учрежденный в Англии в 1468 г. административно-судебный трибунал, в функцию которого входило рассмотрение политических преступлений, а также надзор за книгопечатанием.

⁴⁴ «Долгий парламент» заседал с 1640 по 1653 г.

⁴⁵ А. Н. Радищев называет «переменной» компромисс между аристократией и буржуазией в 1688 г., приведший к смене династии Стюартов и восшествию на английский престол голландского штатгальтера Вильгельма Оранского.

⁴⁶ Античные мифологические персонажи: Аргус — стоглазое чудовище, Бриарей — сторукий великан, сын морского бога Посейдона.

⁴⁷ С 1765 г. соправителем императрицы Марии-Терезии являлся ее сын Иосиф II.

⁴⁸ В этой главе А. Н. Радищев, описывая аукцион по продаже целой семьи дворовых людей, обличает как институт крепостничества, так и «недостойных своего сана» православных священников, профанирующих таинство брака.

⁴⁹ На аукционе покупал товар (в данном случае — людей) тот, кто давал большую цену. Объявление цены сопровождалось ударами молотка.

⁵⁰ *Квакеры* — христианская протестантская секта, возникшая в XVII в. в Англии и затем получившая распространение в Америке.

⁵¹ В главе «Тверь» помещены отрывки из оды «Вольность», которая представляет собой самостоятельное произведение, создававшееся А. Н. Радищевым в 1781—1783 гг. В «Путешествие...» ода включена с заменой многих стрóf прозаическим пересказом. При жизни автора и вплоть до 1905 г. ода полностью не публиковалась. Ввиду особой ее важности для характеристики мировоззрения А. Н. Радищева она в данном издании публикуется полностью.

⁵² *Марк Юний Брут* (I в. до н. э.) — убийца Юлия Цезаря и *Вильгельм Телль* — легендарный борец за свободу Швейцарии (XIX в.) символизируют здесь тираноборца.

⁵³ Остров Парос в Эгейском море славился белоснежным мрамором.

«О человеке, о его смертности и бессмертии»

Трактат написан А. Н. Радищевым в Илимской ссылке (1792—1796). Впервые напечатан в «Собрании оставшихся сочинений покойного А. Н. Радищева» (ч. II и III, 1809). В дальнейшем трактат публиковался в Поли. собр. соч. А. Н. Радищева, выходящем под ред. В. В. Каллаша (М., 1907, т. 2) и под ред. А. К. Бороздина (СПб., 1909, т. 2), а также в издании: *Радищев А. Н. Избранные философские сочинения*. М., 1949.

При написании трактата А. Н. Радищев использовал следующие философские источники: *Гердер И. Г.* Идеи к философии истории человечества (1784—1791) и О переселении душ (1785); *Пристли Дж.* Исследования о материи и духе (1777); *Гельвеций К. А.* Об уме (1758) и О человеке (1773); *Гольбах П.* Система природы (1770); *Смит А.* Теория нравственных чувств (1759); *Мендельсон М.* Федон, или О бессмертии души (1764).

Трактат состоит из четырех книг. В настоящем издании только публикуются книги 1-я и 2-я, а также фрагменты из 4-й книги. Печатаются по: *Радищев А. Н. Избранные философские и общественно-политические произведения*. М., 1952. Текст сверен

по изданию: *Радищев А. Н.* Полное собрание сочинений, в 3-х томах. М.—Л., 1938—1941.

¹ «Настоящее чреватое будущим» (франц.) — Лейбниц. Это высказывание встречается во многих работах Г. В. Лейбница (в «Теодицее», «Монадологии») и приведено А. Н. Радищевым по памяти.

² Речь идет о так называемой кунсткамере, начало которой было положено Петром I.

³ В XVIII в. наиболее распространенными были две теории, объяснявшие формирование организма. Первая была разработана Ш. Бонне в работах «Созерцание природы» (1764—1765) и «Философский палингенез» (1783). Ее основное положение — тезис о предсуществовании организма в зародыше (преформизм).

Вторая теория — так называемого эпигенеза, согласно которой организм развивается через новообразования, принадлежит немецкому зоологу К. Вольфу (1734—1794). Именно этой теории и следует А. Н. Радищев.

⁴ Данный и предыдущий абзацы представляют собой пересказ основных идей второй главы 5-й книги гердеровских «Идей» (*Гердер И. Г.* Иден к философии истории человечества. М., 1977, с. 119—122). В дальнейшем будут указаны лишь страницы цитируемого произведения Гердера.

⁵ «Возможно, что стремление тел к соединению повинуются законам магнетической или электрической силы, может быть, допустимо предположить, что это стремление при помощи посредствующих звеньев является всеобщим. Если существуют двойные соединения, не могут ли существовать тройные и т. д.» (франц.) Источник цитаты не определен.

⁶ Это примечание представляет собой буквальный перевод фрагмента из 3-й книги «Идей» Гердера (с. 57).

⁷ Очевидно, А. Н. Радищев имеет в виду книгу французского философа Ж. Ламетри «Человек-растение» (1748).

⁸ Представления о процессах развития неорганического мира А. Н. Радищев почерпнул из книги французского философа Ж.-Ф. Робине (1735—1820) «О природе» (1766).

⁹ «Растение, если можно так сказать, все целиком — один рот» — Гердер (с. 53).

¹⁰ Этот и предыдущий абзацы — изложение Гердера (с. 53—54).

¹¹ Пересказ Гердера (с. 77—78).

¹² Пересказ Гердера (с. 103—105).

¹³ *Пинеальная железа* — шишковидная железа головного мозга человека.

¹⁴ Этот и предыдущие два абзаца — пересказ Гердера (с. 81—94).

¹⁵ Та же мысль высказана Гельвецием в первой книге трактата «Об уме».

¹⁶ *Маркети Матильда* (ум. 1826) — известная итальянская певица. *Мара* — возможно, А. Н. Радищев имеет в виду французского музыканта и композитора Марена Маре (Marais), жившего в 1656—1728 гг.

¹⁷ «*Пресображение*» — картина на евангельский сюжет выдающегося итальянского художника эпохи Возрождения Рафаэля Санти (1483—1520) Находится в Ватикане.

¹⁸ Этот и предыдущие пять абзацев — пересказ Гердера (с. 94—96).

¹⁹ «Один английский писатель» — Монбоддо Джеймс Бернетт (1714—1799), автор книги «Происхождение и развитие языка» (1773), которая в 1784 г. вышла в немецком переводе с предисловием Гердера.

²⁰ *Аббат Эне* (Ch.-M. de l'Épée) — популярный в Европе в конце XVIII в. педагог, основатель первой школы для глухонемых, автор книги «Обучение глухонемых при помощи системы знаков» (1776).

²¹ Этот и предыдущий абзацы — пересказ Гердера (с. 96—98).

²² А. Н. Радищев намекает на существовавший в России обычай (узаконенный во время царствования Петра I и широко применявшийся в XVIII в.) уродовать лицо осужденного преступника посредством клеймения и вырывания ноздрей.

²³ Пересказ Гердера (с. 111).

²⁴ А. Н. Радищев вспоминает образы известных мизантропов (человеконенавистников). *Альцест* — герой комедии Мольера «Мизантроп». *Тимон* — реальное историческое лицо, афинянин, которого изобразил Лукиан в диалоге «Тимон, или Мизантроп».

²⁵ *Фирс* (в современном произношении — тирс) — жезл, увитый плющом и виноградными листьями, атрибут Диониса — бога вина и веселья в древнегреческой мифологии.

²⁶ Этот и предыдущий абзац — пересказ Гердера (с. 108—109).

²⁷ Знаменитая античная мраморная группа, изображающая троянского жреца-прорицателя Лаокоона с двумя сыновьями, удушаемых двумя гигантскими змеями. Этой каре он подвергся за попытку вопреки воле богов спасти Троию.

²⁸ *Маврикий* — так А. Н. Радищев называет маршала Морица Саксонского, изображение которого, выполненное скульптором Пигаллем, находится на могиле маршала в церкви св. Фомы в Страсбурге.

²⁹ *Мерона* — героиня одноименной трагедии Вольтера, по ошибке едва не убившая собственного сына Эгиста.

³⁰ *Зопир* и *Сеид* — главные персонажи трагедии Вольтера «Фанатизм, или Магомет Пророк». Фанатично преданный Магомету Сеид убивает Зомира, после чего узнает, что это был его отец.

³¹ *Ричард III* — английский король, герой одноименной трагедии Шекспира.

³² *Макбет* — герой одноименной трагедии Шекспира. «Нет у него детей» — слова Макдуффа о Макбете.

³³ *Капитолий* — один из семи холмов, на которых расположен Рим. Здесь находился главный храм города.

³⁴ Месмеров магнетизм, животный магнетизм, месмеризм — явление, названное так по имени Месмера. Месмер считал, что некоторые люди обладают особой «магнетической» энергией, способной оказывать целительное воздействие на различные заболевания человека. Пользовался огромной популярностью в Европе в конце XVIII в.

³⁵ Три последних абзаца — пересказ Гердера (с. 107—108).

³⁶ Два последних абзаца — пересказ Гердера (с. 110—111).

³⁷ Этот и два предыдущих абзаца — пересказ Гердера (с. 111—113).

³⁸ Данное примечание, видимо, сделано редакторами и издателями трактата — А. Ф. Мерзляковым или сыновьями А. Н. Радищева.

³⁹ А. Н. Радищев не принимает тезиса Гельвеция о равенстве умственных способностей всех людей при рождении, развитый в книгах «Об уме» и «О человеке».

⁴⁰ Положение, направленное против тезиса английского философа Дж. Беркли (1685—1783) «существовать — значит быть воспринимаемым».

⁴¹ А. Н. Радищев неточно передает следующую фразу Гердера: «Даже великого Монтестье упрекали в том, что климатический дух законов он основал на обманчивом опыте с «бараньим языком»» (с. 178). Суть «опыта» Монтестье (о котором говорится в гл. II кн. XIV «Духа законов») состояла в том, что замораживался бараний язык, у которого при этом уменьшались и меняли вид вкусовые рецепторы — сосочки. Из этого Монтестье делал вывод, что в странах с холодным климатом люди менее чувствительны, чем в странах с климатом умеренным и теплым.

⁴² *Habeas corpus* — в переводе с латыни «доставь личность». Это выражение является частью формулы приказа об освобождении заключенного. Так стал обозначаться закон о личной неприкосновенности, изданный в Англии в 1679 г.

⁴³ «Гюлистан» (Розовый сад) — поэма крупнейшего персидского поэта Саади (XIII в.).

⁴⁴ *Омир* — так в русской письменности вплоть до XIX в. принято было писать имя Гомера, легендарного древнегреческого поэта, автора «Одиссеи» и «Илиады».

⁴⁵ *Оссиан* — легендарный кельтский певец (бард). Написанные в конце XVIII в. Дж. Макферсоном «Оссиановы песни» нередко воспринимались как подлинный памятник кельтского эпоса.

⁴⁶ *Один* — верховный бог древнегерманской мифологии.

⁴⁷ *Церера* — в древнеримской мифологии богиня земледелия, сестра и жена Юпитера. Взятла на воспитание Триптолема, сына элевзинского царя Келея, и открыла ему секреты земледельческой науки.

⁴⁸ С начала абзаца и до сих пор — пересказ Гердера (с. 206—211, ос. с. 210—211).

⁴⁹ А. Н. Радищев дает в сокращенном переводе одно из положений кн. 1-й работы Руссо «Эмил, или О воспитании» (1762).

⁵⁰ Имеется в виду книга известного в XVIII в. французского врача С.-А. Тюссо в переводе на русский язык (1793).

⁵¹ *Аристотелевы категории* — сущность, количество, качество, отношение, место, время, состояние, обладание, действие, страдание (см.: *Аристотель*. Сочинения в четырех томах, т. 2. М., 1978). Скепсис А. Н. Радищева вызван, очевидно, тем, что средневековая схоластическая философия, в значительной степени опиравшаяся на логику Аристотеля и его учение о категориях, была объектом постоянных нападок философов эпохи Просвещения.

⁵² А. Н. Радищев имеет в виду характерное для алхимии учение о взаимопревращении элементов и веру в возможность превращать любые металлы в золото с помощью так называемого «философского камня».

⁵³ *Флогистон* — «огненная материя», согласно господствовавшему в XVIII в. представлению заключенная во всех горючих веществах и выделяемая ими при горении.

⁵⁴ Начиная с этого места и до слов «Итак, показав неосновательность мнения о бездействии вещественности...» А. Н. Радищев ведет изложение в соответствии с первыми двумя главами книги Дж. Пристли «Исследование о материи и духе» (см.: Английские материалисты XVIII в. Собрание произведений в трех томах, т. 3. М., 1968, с. 166—179).

⁵⁵ В вопросе о делимости материи автор расходится с Пристли, утверждавшим, что «материя бесконечно делима» (там же, с. 218).

⁵⁶ Как отмечено Г. А. Гуковским, А. Н. Радищев имеет в виду М. Коста, переводчика на французский язык книги Дж. Локка «Опыт о человеческом разуме» (1758), снабдившего это издание своим примечанием относительно того, как Локк представлял себе акт творения материи богом. Согласно Косту, тот способ творения, который воспроизведен А. Н. Радищевым, принадлежит не Локку, а Ньютону.

⁵⁷ А. Н. Радищев подразумевает следующие слова Аякса, ахейского полководца, обращенные к Зевсу:

Мраком покрыты глубоким и ратные мужи, и кони!
Зевс всемогущий, избавь от ужасного мрака данаев!
Дню возврати его ясность, дай нам видеть очами,
При свете губи нас, когда погубить ты желаешь!
(Илиада, песнь XVII, стихи 644—677, пер. Н. Н. Гнедича.)

⁵⁸ *Лейденская скляница*, или Лейденская банка, — разновидность электрического конденсатора. Изобретена в 1745 г. немецким физиком Э. Клейстом и голландским физиком П. ван Мушенбруком независимо друг от друга.

⁵⁹ Так у А. Н. Радищева.

⁶⁰ Так у А. Н. Радищева.

⁶¹ *Икар* — в древнегреческой мифологии сын мастера Дедала, с которым они поднялись в небо на восковых крыльях. Икар вопреки воле отца поднялся высоко, солнце растопило крылья, и он упал в море.

⁶² Пристли приводит этот пример в X главе (возражение 15-е) «Исследования о материи и духе» (1782).

⁶³ А. Н. Радищев ссылается на то место из книги Дж. Локка «Опыт о человеческом разумении» (1690), где английский философ утверждает: «Я полагаю, если внимательно наблюдать за происхождением наших понятий, то мы обнаружим, что даже самые темные идеи, какими бы далекими от чувства или от какого-нибудь действия нашего ума они ни казались, являются только такими, какими их строит для себя разум посредством повторения и соединения идей, полученных им или от объектов чувств, или от своих собственных действий в отношении их; так что даже самые широкие и отвлеченные идеи происходят от ощущения или рефлексии, будучи только тем, что ум может достигать и достигает обычным применением своих способностей в отношении идей, полученных от объектов чувств или от наблюдаемых в себе действий в отношении их» (Дж. Локк. Сочинения в 3-х томах, т. I. М., 1885, с. 215).

⁶⁴ *Эол* — бог ветров в античной мифологии.

⁶⁵ *Армида* — персонаж поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим». Волшебством удерживала в своих садах рыцаря-крестоносца Ринальдо.

⁶⁶ Принадлежность трагедии «Троянки» римскому философу Луцию Аннею Сенеке проблематична. А. Н. Радищев в сокращении приводит отрывок из II акта (хор троянок).

⁶⁷ *Гимнософисты* — «нагие мудрецы» в переводе с греческого. Так античные греки называли индийских йогов.

⁶⁸ *Бракманы (брахманы)* — жреческая каста в древнеиндийском обществе.

⁶⁹ *Тартар* — преисподняя, ад, согласно представлениям древнегреческой мифологии.

Елисейские поля — обитель блаженных в древнегреческой мифологии.

⁷⁰ *Гурии* — вечно юные и прекрасные обитательницы рая в мусульманской мифологии.

⁷¹ А. Н. Радищев имеет в виду фреску «Страшный суд» (Сикстинская капелла, Ватикан) Микеланджело Буонарроти (1475—1564) — выдающегося скульптора, художника, архитектора и поэта эпохи Возрождения.

⁷² *Архий* — вероятно, Архит Тарентский (V—IV вв. до н. э.) — философ-пифагореец.

Аполлоний Тианский (I в. н. э.) — неопифагореец.

Эти примеры заимствованы А. Н. Радищевым из первого диалога Гердера «О переселении душ» (1785).

⁷³ *Картуш* — известный парижский вор начала XVIII в.

⁷⁴ «*Потерянный рай*» — произведение английского поэта Джона Милтона (1608—1674).

⁷⁵ Пересказ Гердера (с. 236—237).

Ода «Вольность»

Написана в 1781—1783 гг. Первоначальный вариант оды, содержащий 54 строфы, при жизни А. Н. Радищева опубликован не был. В 1872 г. сын А. Н. Радищева Павел Александрович предоставил полный текст оды издателю П. А. Ефремову, который включил ее в двухтомное Собрание сочинений А. Н. Радищева, уничтоженное по распоряжению цензуры. Однако корректурные листы сохранились и были впоследствии переданы П. А. Ефремовым С. Н. Тройницкому, который опубликовал оду в первом томе Поли. собр. соч. А. Н. Радищева (СПб., 1907).

Полностью ода неоднократно издавалась в советское время, в том числе в изданиях:

Радищев А. Н. Избранные философские сочинения. М., 1949.

Радищев А. Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1952.

Печатается по: *Радищев А. Н.* Полное собрание сочинений, т. I. М.—Л., 1938.

¹ Традиционные атрибуты божества правосудия, символизирующие всезнание, неотвратимость кары и справедливость.

² Т. е. гнушаясь даров и жертвоприношений этого — тленного — мира.

³ *Минерва* — богиня знания и мудрости в древнеримской мифологии.

⁴ *Самсон* — ветхозаветно-библейский герой, прославившийся своими подвигами в борьбе с филистимлянами — поработителями его народа.

⁵ Эта строфа и первые две строки 28-й строфы рисуют ту картину творения мира, которая соответствует деистической «естественной религии».

⁶ Ода, как произведение возвышенного и особо торжественного поэтического жанра, написана А. Н. Радищевым по канонам ломоносовской теории «трех штилей». Поэтому ее язык, требующий «высокого штиля», насыщен церковнославянизмами. Здесь и далее «господь» — не синоним бога, а означает «господин, хозяин». Соответственно «пастырь» — не священник, а пастух.

⁷ В католических странах крестьяне должны были десятую часть своих доходов отдавать в пользу церкви.

⁸ Храм римского божества Януса, два лица которого смотрели в противоположные стороны, был открыт только в период войны.

⁹ Снова «высокий штиль». На современном языке можно было бы сказать — «преодолев препятствия на пути».

¹⁰ Строфа посвящена славной (словутой) стране Америке, ведшей в 1776—1783 гг. войну с Англией за освобождение от колониальной зависимости.

Декабристы

В. Ф. Раевский

Публикуемые произведения В. Ф. Раевского даются по изданию: *Раевский В. Ф. Сочинения.* Ульяновск, 1961.

¹ Написано в 1819 г. Впервые опубликовано: Новое о В. Ф. Раевском. Пушкинский юбилейный сборник. Ученые записки Ульяновского педагогического института. Ульяновск, 1949.

² Написано приблизительно в 1819—1820 гг. Впервые опубликовано: Новое о В. Ф. Раевском. Пушкинский юбилейный сборник. Ученые записки Ульяновского педагогического института. Ульяновск, 1949.

³ *Прометей* — в античной мифологии один из титанов, похитивший огонь у богов и принесший его людям. В наказание за это был прикован Зевсом к скале, к которой ежедневно прилетал орел и клевал его пень.

⁴ Написано приблизительно в 1818—начале 1821 г. Впервые опубликовано: Новое о В. Ф. Раевском. Пушкинский юбилейный сборник. Ученые записки Ульяновского педагогического института. Ульяновск, 1949.

⁵ *Спагис* — всадник в турецкой коннице.

⁶ *Паша* — почетный титул визирей и правителей провинций в Османской империи до середины XIX в. Луна и бунчук — символы власти паши.

⁷ Термин карточной игры. В. Ф. Раевский имеет в виду весьма распространенный случай, когда помещики выплачивали карточный проигрыш своими крепостными.

⁸ *Сады Армиды* — см. прим. на с. 251.

⁹ *Александр Великий* (356—323 до н. э.) — македонский царь, прославившийся военными походами и завоеваниями. О его отношении к современнику-поэту Херилу в бумагах В. Ф. Раевского имеется такая запись: «Херил. 2646. Здесь упоминается о том, который, несмотря на грубость его стихов, без вкуса, без красоты, был любим и уважаем Александром; от него он был так много одарен, как бы наилучший стихотворец» (см.: *Раевский В. Ф. Сочинения*, с. 251).

¹⁰ *Калигула* — римский император, печально известный жестокостью и сумасбродством. Имеются свидетельства, что он назначил консулом своего коня и под этим предлогом ввел его в сенат.

¹¹ *Хвостов* Дмитрий Иванович (1757—1835) — русский поэт. *Глазунов* Иван Петрович (1762—1831) — издатель и книго-торговец, в магазинах которого продавались книги Д. И. Хвостова.

¹² *Скотинин* — персонаж комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль».

¹³ Написана приблизительно в 1819—1820 гг. Впервые опубликована: Новое о В. Ф. Раевском. Пушкинский юбилейный сборник. Ученые записки Ульяновского педагогического института. Ульяновск, 1949.

¹⁴ *Пятикнижие Моисея* — часть Ветхого завета.

¹⁵ «*Теодицея*» — произведение Г. В. Лейбница, посвященное апологии бога с точки зрения его непричастности к наполняющему мир злу.

¹⁶ *Атлантида* — согласно античному преданию, сохранившемуся в диалогах Платона, большой остров-государство, некогда существовавший в Атлантическом океане.

¹⁷ *Химера* — в античной мифологии огнедышащее чудовище с головой льва, туловищем козы и змеиным хвостом. Здесь подразумевается бог.

¹⁸ *Мемфис* — столица Древнего Египта.

¹⁹ Стихотворение написано в 1822 г. в Тираспольской тюрьме. Впервые опубликовано с некоторыми цензурными сокращениями в журнале «Русская старина», 1887, № 10. Целиком оно было опубликовано в «Литературной газете», 1935, № 54.

²⁰ *Клио* — в античной мифологии одна из девяти муз — муза истории.

²¹ *Новгород* и *Псков* — феодальные республики. Для декабристов они служили символом и идеалом свободного государства.

²² *Марфа Борецкая* — вдова новгородского посадника Исаака Борецкого, возглавившая борьбу Новгородской республики против московского великого князя Ивана III (1462—1505).

Вадим — согласно летописным известиям, предводитель восстания новгородцев против князя Рюрика (IX в.).

²³ Отдельные главы написаны в 1841, 1858 и 1864 гг. Впервые опубликованы: Литературное наследство. М., 1934, № 16/18.

А. П. Барятинский

¹ Написано в 1824 г. Впервые опубликовано: Восстание декабристов. Материалы, т. X. М., 1953. Подстрочный перевод

с французского М. В. Нечкиной и М. А. Сыромятниковой печатается по этому изданию.

Н. А. Крюков

¹ Написаны в период 1820—1825 гг., обнаружены следственной комиссией. Впервые опубликованы в книге «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. II. М., 1951, и по этой публикации воспроизводятся в данном издании.

² *Алкалия*, в современном написании — алкалоид — органическое вещество растительного происхождения.

³ *Таванн, Гаспар де* (1509—1573) — маршал Франции. Вражда с лидером гугенотов (французских протестантов, сторонников учения Кальвина) адмиралом Колиньи закрепила за ним славу фанатичного врага гугенотов и участника Варфоломеевской ночи.

Варфоломеевская ночь — ночь на 24 августа 1572 г., когда католиками было убито около 2 тыс. гугенотов. Вслед за резней в Париже произошли массовые избиения гугенотов и в других городах Франции, во время которых погибло еще около 30 тыс. человек.

⁴ Впервые опубликованы: Восстание декабристов. Документы, т. XI. М., 1954. В настоящем издании печатается с исправлениями в соответствии с современными нормами орфографии и синтаксиса. Предлагаемый читателю фрагмент является ответом Н. А. Крюкова на следующий вопрос следственной комиссии: «С которого времени и откуда заимствовали первыя вольнодумческия и либеральныя мысли, т. е. от внушений ли других или от чтения Книг и каким образом мнения сего рода в уме вашем укоренялись?» (Восстание декабристов, т. X, с. 370).

⁵ *Ипостасная троица* — догмат христианской религии, согласно которому божество едино и нераздельно, но состоит при этом из трех неслиянных лиц: отца, сына и святого духа.

⁶ Разум просвещает нас, но не руководит нами (франц.).

П. И. Борисов

¹ Рецензия написана в начале 40-х годов XIX в. Впервые под названием «О происхождении планет» она опубликована в «Избранных социально-политических и философских произведениях декабристов», т. III. М., 1951, по которому и печатается в настоящем издании.

² Речь здесь идет о космогонической гипотезе, выдвинутой независимо друг от друга И. Кантом («Всеобщая естественная история и теория неба», 1755) и И. Ламбертом («Космологические письма», 1761). Кант писал: «Я представляю себе материю Вселенной в состоянии всеобщего рассеяния и полного хаоса. Я вижу, как на основе всем известных законов притяжения начинает формироваться вещество и как благодаря отталкиванию видоизменяется движение материи» (Соч. в шести томах, т. I. М., 1963, с. 122).

³ Комета Энке-Баклунда открыта в 1818 г. французским астрономом Ж. Понсом.

⁴ Метеорит, найденный русским ученым П. С. Палласом (1741—1811) под Красноярском.

⁵ Немецкий астроном Г. В. Ольберс (1758—1840) первый высказал предположение о том, что известные тогда под названием Паллада и Веста малые планеты являются обломками одной большой планеты, погибшей в результате катастрофы. Два других имени написаны П. И. Борисовым неразборчиво.

⁶ Представление о том, что одна из небесных сфер является сферой «неподвижных звезд», было характерно для античных космологических учений.

И. Д. Якушкин

¹ Работа написана в середине 30-х годов XIX в. Впервые была опубликована в журнале «Вопросы философии», 1949, № 3. Так названа автором одна из двух известных нам рукописей (черновая, карандашная). На 7-й странице рукописи имеется заголовок «Что такое жизнь?». Беловой вариант заголовка не имеет. С. Я. Штрайх, помещая эту работу в издании «Записки... И. Д. Якушкина», а также в «Избранных социально-политических и философских произведениях декабристов», т. I, счел возможным изменить авторское название и дал работе заголовок «Что такое жизнь». В настоящем издании работа публикуется под авторским названием по: Записки, статьи и письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951.

² Определение человека как двуногого животного без перьев содержится в трактате псевдо-Платона «Определения». На ощипанного петуха в качестве животного, соответствующего такому определению, указал киник Диоген. И. Д. Якушкин опирается, видимо, на свидетельство об этом эпизоде Диогена Лаэртского (см.: *Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и сочинениях знаменитых философов*. М., 1979, с. 246).

³ И. Д. Якушкин имеет в виду тот факт, что Р. Декарт в 1617—1628 гг. служил во французской армии и был участником нескольких сражений.

⁴ Эта ирония обнаруживает отношение автора к сенсуалистической доктрине. Признавая ее пользу при разрушении «обветшалых средневековых зданий», он отказывается принять ее основную аксиому, целиком выводящую сознание из чувственности.

⁵ П.-Ж. Кабанису принадлежит «Трактат о физической и моральной природе человека», в котором все явления психической жизни человека сведены к физиологии.

⁶ Это учение И. Д. Якушкин заимствовал у Р. И. Бошковича (1711—1787) — хорватского философа, физика, математика и астронома, избранного в 1760 г. почетным членом Петербургской Академии наук. Теорию «динамического атомизма», базирующуюся на аналогии атома и математической точки, Бошкович развил в трактате «Теория натуральной философии, приведенная к единому закону сил, существующих в природе» (1758).

⁷ Написаны во 2-й половине 30-х годов. Впервые небольшие отрывки из «Записок» были опубликованы А. И. Герценом в «Полярной звезде на 1862 год» (Лондон, 1861, кн. 7, вып. I). Первые две части изданы А. И. Герценом отдельной книгой, в серии «Записки декабристов». Лондон, 1862, вып. I. С некоторыми

цензурными сокращениями «Записки» вышли в Москве в 1905 г. Полностью опубликованы в 1925 г. Печатаются по изданию: Записки, статьи и письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951.

⁸ И. Д. Якушкин содержался в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, предназначенном для особо опасных государственных преступников.

⁹ Персонаж трагедии немецкого писателя Ф. Шиллера.

¹⁰ *Вербное воскресенье* — день входа в Иерусалим Иисуса Христа, празднуемый христианской церковью в последнее воскресенье перед пасхой.

¹¹ *Эпитрахиль* — наплечное покрывало священника.

Указатель имен

- Абеляр Пьер* (1079—1142) — французский философ, теолог и поэт, один из основателей схоластического метода. Не принимая выводов наиболее распространенных средневековых философских доктрин — реализма и номинализма, Абеляр создал свое учение — концептуализм 71
- Август* (до 27 до н. э. Октавиан) (63 до н. э.—14 н. э.) — римский император с 27 до н. э. 68, 69, 89, 185
- Агрикола Гней Юлий* (40—93) — римский полководец и государственный деятель 37
- Аддисон Джозеф* (1672—1719) — английский писатель 45
- Альбани Франческо* (1578—1660) — итальянский художник болонской школы 114
- Аполлоний Тианский* — древнегреческий философ (I в. н. э.) 170
- Арий* (250—336) — основатель одной из самых значительных раннехристианских ересей — арианства, центральным положением которого является замена ортодоксального догмата «единосущия» первых двух лиц христианской троицы на положение об их «подобосущии». Арианство было квалифицировано как ересь на I Вселенском соборе (Никея, 325 г.), однако получило распространение в варварских королевствах (у готов, лангобардов и др.) 70
- Арий Монтан* — испанский теолог XVI в. 69
- Аристотель* (384—322 до н. э.) — древнегреческий философ и ученый. Ученик Платона, учитель Александра Македонского 39, 141
- Арнобий* (ум. ок. 327 г.) — раннехристианский богослов и ритор, автор книги «Против язычников» 69
- Архимед* (ок. 287—212 до н. э.) — древнегреческий ученый 34
- Бейль Пьер* (1647—1706) — французский философ-скептик, последователь М. Монтеня. Автор книги «Словарь исторический и критический». Своей борьбой с католичеством оказал влияние на французских просветителей XVIII в. 43
- Беккариа Чезаре* (1738—1794) — итальянский публицист, правовед и политэконом, автор широко известного трактата «О преступлениях и наказаниях» (1764) 214
- Бентам Иеремия* (1748—1832) — английский юрист и философ, занимавшийся проблемами этики. Его этическая концепция, изложенная в книге «Деонтология, или Наука о морали» (1834), получила название «утилитаризм» 214
- Блэкстон Уильям* (1723—1780) — английский юрист. Трехтомный перевод его книги «Истолкование английских законов» на русский язык

- был осуществлен С. Е. Десницким в 1780—1782 гг. 40
- Бюффон Жорж Луи Леклерк* (1707—1788) — французский естествоиспытатель 107
- Вашингтон Джордж* (1732—1799) — первый президент США (1789—1797) 183
- Вейсс Франциск-Рудольф* (1751—1818) — швейцарский политический деятель и писатель, ученик Ж. Ж. Руссо 213
- Вергилий Марон. Публий* (70—19 до н. э.) — римский поэт 39
- Вольтер* (настоящее имя — Мари Франсуа Аруэ) (1694—1778) — французский писатель и философ-просветитель 41, 78, 114, 196
- Вольф Христиан (Кристиан)* (1679—1754) — немецкий философ-идеалист, представитель рационализма 91
- Гайдн Франц Йозеф* (1732—1809) — австрийский композитор, основатель классического стиля инструментальной музыки 110
- Галилей Галилео* (1564—1642) — итальянский астроном, физик и механик, один из основоположников точного естествознания 171, 182, 197, 218
- Галлер Альбрехт фон* (1708—1777) — швейцарский физиолог, естествоиспытатель, писатель и дидактический поэт 97, 107
- Гельвеций Клод Адриан* (1715—1771) — французский философ-материалист, идеолог революционной французской буржуазии XVIII в. 31, 34, 109, 120, 127, 128, 214
- Гердер Иоганн Готфрид* (1744—1803) — философ, крупнейший представитель немецкого Просвещения, суперинтендант протестантской церкви в Веймаре 64
- Гершель Уильям* (1738—1822) — английский астроном 110
- Глюк Кристоф Виллибальд* (1714—1787) — немецкий композитор, реформатор оперы XVIII в. 110
- Гоббс Томас* (1588—1679) — английский философ-материалист 118
- Гольбах Поль Анри* (1723—1789) — французский философ-материалист, атеист, идеолог революционной буржуазии. Принимал участие в «Энциклопедии» Д. Дидро. Наиболее известное сочинение — «Система природы, или О законах мира физического и мира духовного» (1770) 214
- Гораций Флакк, Квинт* (65—8 до н. э.) — прославленный римский поэт 39
- Гроций Гуго де Гроот* (1583—1645) — голландский государственный деятель, автор трактата «О праве войны и мира», основатель философии права и международного права 40
- Гус Ян* (1371—1415) — профессор и ректор Пражского университета, вождь чешского реформационного движения. Сожжен на костре как еретик по приговору католического Констанцкого собора 171
- Д'Аламбер Жан Лерон* (1717—1783) — французский математик, механик и философ-просветитель 37
- Декарт Рене* (1596—1650) — французский философ и математик, один из родоначальников рационалистической философии 34, 70, 171, 221, 222

- Делиль Жак* (1738—1813) — французский поэт и переводчик 213
- Диоклетиан Гай Аврелий Валерий* (243 — ок. 313) — римский император в 284—305 гг. Известен как гонитель христиан 69
- Евтихий* (510—582) — константинопольский патриарх. Председательствовал на V Вселенском соборе в Константинополе в 553 г., где настаивал на осуждении последователей Нестория 70
- Екатерина II* (1729—1796) — российская императрица с 1762 г. 27
- Зороастр (Заратуштра)* (между X и 1-й половиной VI в. до н. э.) — пророк и реформатор древнеиранской религии, получившей название зороастризма 44
- Кабанис Пьер Жан Жорж* (1757—1808) — французский литератор, врач и философ 223
- Калигула Гай Цезарь* (12—41) — римский император с 37 г. Прославился своей жестокостью и сумасбродством 167, 197
- Камознс Луиш ди* (1524—1580) — португальский поэт, создатель национального эпоса — «Лузнады», посвященной мореплавателю Васко да Гаме 197
- Кампер Петер* (1722—1789) — голландский врач и анатом 108
- Кант Иммануил* (1724—1804) — немецкий ученый, родоначальник немецкой классической философии, разносторонний ученый, автор космогонической гипотезы, известной под названием «гипотеза Канта — Лапласа». Основные философские работы: «Критика чистого разума», «Критика практического разума» и «Критика способности суждения» 223
- Карл I Стюарт* (1600—1649) — английский король с 1625 г., низложенный и казненный в ходе английской буржуазной революции 78, 89, 180
- Карл II Стюарт* (1630—1685) — английский король с 1660 г. 78
- Кассий Север* (?—42 до н. э.) — один из организаторов убийства Цезаря 69
- Катон Марк Порций* (Утический, или Младший) (95—46 до н. э.) — римский политический деятель, противник Цезаря 45, 59, 134
- Кауфман Ангелика* (1741—1807) — немецкая художница, представительница классицизма 114
- Кеплер Иоганн* (1571—1630) — немецкий астроном 71, 171
- Колумб Христофор* (1451—1506) — знаменитый португальский мореплаватель 71, 182, 197
- Кондильяк Этьенн Бонно де* (1715—1780) — французский философ-просветитель, сторонник сенсуализма, один из основателей ассоциативной психологии. В XVIII — начале XIX в. особенно популярной была логика Кондильяка, которая трактовалась им как общая грамматика всех языков 214
- Константин I Великий* (ок. 285—337) — римский император с 306 г., прекративший гонения на христиан. Перенес столицу империи в г. Византий, переименованный в 330 г. в Константинополь (соврем. Стамбул, Турция) 70
- Конфуций* (ок. 551—479 до н. э.) — в современном написании Кун Цю, Кун Чжунни или Кун-цзы, т. е. учитель Кун. Древнекитайский

- философ. Философское учение, использовавшее его труды, — конфуцианство — впоследствии стало составной частью религиозной системы 44
- Коперник Николай* (1473—1543) — польский астроном, создатель гелиоцентрической системы мира 71
- Корреджо* (Антонио Аллегри) (ок. 1489—1534) — итальянский художник эпохи Возрождения 114
- Кремуций Корд* — римский историк I в. н. э. 69
- Кромвель Оливер* (1599—1658) — деятель английской буржуазной революции, в ходе которой был низложен и казнен король Карл I Стюарт 89, 171, 180
- Крылов Иван Андреевич* (1769—1844) — русский писатель, драматург и баснописец 198
- Лакретель Пьер Луи* (1751—1824) — французский юрист и писатель 213
- Лафайет Мари Жозеф* (1757—1834) — деятель французской буржуазной революции 80
- Лафатер Иоганн Каспар* (1741—1801) — швейцарский мыслитель, пастор в Цюрихе, друг и единомышленник И. Г. Гердера, И. Г. Гамана и Ф. Г. Якоби. В своем наиболее известном сочинении «Физиогномические фрагменты...» попытался обосновать физиогномику, как науку определения человеческого характера по чертам лица 108
- Левенгук Антони ван* (1632—1723) — нидерландский биолог, один из основоположников научной микроскопии 110
- Лейбниц Готфрид Вильгельм* (1646—1716) — немецкий философ-рационалист, математик, физик, юрист, историк, языковед 92, 194, 198
- Ливий Тит* (59 до н. э.—17 н. э.) — римский историк 39, 68
- Линней Карл* (1707—1787) — шведский ботаник, зоолог и классификатор 95, 104
- Локк Джон* (1632—1704) — английский философ-сенсуалист 146, 162, 223
- Ломоносов Михаил Васильевич* (1711—1765) — первый русский ученый-естествоиспытатель мирового значения, поэт, историк и филолог 91, 92
- Луcretий Кар, Тит* (ок. 99—55 до н. э.) — римский поэт и философ. В своей философской поэме «О природе вещей» развивает идеи, близкие к материалистической системе Эпикура 164
- Лютер Мартин* (1483—1546) — немецкий мыслитель, вдохновитель и глава немецкого реформационного движения, направленного против римско-католической церкви, основатель немецкого протестантизма — лютеранства 41, 70, 77, 181
- Магомет*, точнее, *Мухаммед* (570?—632) — основатель ислама, одной из трех (наряду с буддизмом и христианством) мировых религий 42, 62
- Макиавелли Никколо* (1469—1527) — итальянский политический мыслитель и историк. Наибольшую известность принесло ему сочинение «Государь», в котором разрабатывается теория создания сильного государства и сформулирован тезис, согласно которому политическими целями оправдываются любые средства 214
- Марий Гай* (ок. 157—86 до н. э.) — римский полководец и

- государственный деятель 89, 185
- Марк Аврелий Антонин** (121—180) — римский император, философ-стойк, последователь Эпиктета 44
- Месмер Ф.** (1734—1815) — австрийский врач. Выдвинул теорию, согласно которой солнце и луна через посредство эфира оказывают воздействие на живые организмы с помощью «животного магнетизма» 116
- Метагастазио Пьетро** (1698—1782) — итальянский поэт и драматург 114
- Микеланджело Буонарроти** (1475—1564) — итальянский скульптор, художник, архитектор и поэт 169
- Мольер** (псевдоним, настоящее имя Жан Батист Поклен) (1622—1673) — французский драматург-комедиограф эпохи классицизма 114
- Монтескьё Шарль Луи** (1689—1755) — французский мыслитель, автор широко известных в XVIII и XIX вв. произведений «Персидские письма» и «О духе законов» 37, 40
- Моцарт Вольфганг Амадей** (1756—1791) — австрийский композитор 110
- Нерон (Клавдий Нерон Тиберий)** (37—68) — римский император с 54 г. 167
- Несторий** — патриарх константинопольский, основатель крупнейшей христианской ереси — несторианства, со временем превратившейся в самостоятельную церковь. Согласно учению Нестория, божественная и человеческая природа в Христе сосуществуют, не взаимодействуя. Несторий осужден как еретик на Эфесском (431) и Халкидонском (451) соборах 70
- Никон** (в миру Никита Минов) (1605—1681) — патриарх русской церкви (московский и всея Руси) с 1652 г. В 1658 г. оставил патриаршество. Собор 1666—1667 гг. снял с него сан патриарха. Инициатор церковных реформ, вызвавших раскол 61
- Нума Помпилий** (715—673/72 до н. э.) — согласно античной традиции, второй царь Др. Рима, правил в 715—673/672 до н. э. Сабинянин 62, 68
- Ньютон Исаак** (1643—1727) — английский математик, астроном и физик. Основной труд — «Математические начала натуральной философии» (1687) 71, 148, 149, 171, 184, 194
- Овидий Назон, Публий** (43 до н. э.—ок. 18 н. э.) — римский поэт 197
- Паизиелло Джованни** (1740—1816) — итальянский композитор, в 1776—1783 гг. был придворным капельмейстером итальянской оперы в России 110
- Пиндар** (ок. 518—442 или 438 до н. э.) — древнегреческий поэт, мастер жанра хоровой лирики 184
- Пифагор** (VI в. до н. э.) — древнегреческий философ 170
- Платон** (428 или 427—348 или 347 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист 221
- Пристли Джозеф** (1733—1804) — английский химик, открывший кислород, философ, пытавшийся соединить материалистическое учение о душе с верой в богооткровенную истину 147, 162
- Протагор** из Абдеры (ок. 480—ок. 410 до н. э.) — древнегреческий философ, основатель школы софистов 68

- Разин Степан Тимофеевич* (ок. 1630—1671) — донской казак, предводитель Крестьянской войны 1670—1671 гг. Казнен в Москве 171
- Расин Жан* (1639—1699) — поэт и драматург-трагик, крупнейший представитель французского классицизма 114
- Рафаэль Санти* (1483—1520) — итальянский живописец и архитектор 97
- Руссо Жан Жак* (1712—1778) — французский мыслитель и писатель, видный представитель идеологии Просвещения 117, 127, 131, 213
- Сведенборг Эмануэль* (1688—1772) — шведский мистик и теософ 41, 170
- Светоний Транквилл, Гай* (ок. 70 — ок. 140) — римский историк и писатель 68
- Сей Жан Батист* (1767—1832) — французский экономист, популяризатор экономической теории А. Смита 214
- Сенека Луций Анней* (ок. 4 до н. э.—65 н. э.) — римский политический деятель, писатель и философ-стоик 68, 69, 166, 197
- Сен-Венсан Борн де* (1780—1846) — французский натуралист и путешественник 223
- Смит Адам* (1723—1790) — шотландский экономист, представитель классической буржуазной политической экономии, философ 214
- Сократ* (470/469—399 до н. э.) — древнегреческий философ 44, 56, 68, 168, 197
- Спиноза Бенедикт (Барух)* (1632—1677) — нидерландский философ-материалист, пантеист и атеист 118
- Страффорд Томас Уэйтворт* (1593—1641) — английский государственный деятель, сторонник королевской династии Стюартов. Казнен во время английской буржуазной революции 78
- Сулла Луций Корнелий* (138—78 до н. э.) — римский полководец, диктатор в 82—79 гг. 89, 185
- Сумароков Александр Петрович* (1717—1777) — русский писатель, поэт и драматург 198
- Сципион Публий Корнелий (Африканский)* (ок. 185—129 до н. э.) — римский полководец 115, 116
- Тассо Торквато* (1544—1595) — итальянский поэт, автор эпической поэмы «Освобожденный Иерусалим» о времени крестовых походов. Вел скитальческую жизнь, умер в тюрьме 197
- Тацит Публий (?) Корнелий* (ок. 58 — ок. 117) — римский писатель-историк 37, 39, 69
- Тиберий Клавдий Нерон* (42 до н. э.—37 н. э.) — римский император с 14 г. 69, 167
- Фонвизин Денис Иванович* (1744 или 1745—1792) — русский драматург и публицист-сатирик 198
- Фридрих II* (1712—1786) — прусский король с 1740 г. 41, 80, 171
- Цезарь Гай Юлий* (102 или 100—44 до н. э.) — римский диктатор, полководец. Им завершается республиканский период истории Рима и начинается эпоха императоров 58, 134
- Цицерон Марк Туллий* (106—43 до н. э.) — римский оратор, писатель, философ и государственный деятель 68
- Чингисхан (Темучин)* (ок. 1155—1227) — основатель Монгольской империи 171

Шекспир Уильям (1564—1616) — английский драматург и поэт 114

Эпикур (341—270 до н. э.) — древнегреческий философ-материалист, продолжатель

атомистической традиции Левкиппа и Демокрита 164

Яков I Стюарт (1566—1625) — английский король с 1603 г. 78

Словарь архаизмов, встречающихся в произведениях А. Н. Радищева

- Адамант* — алмаз, бриллиант
Аки — как
Алкалический — щелочной
Алкать — чувствовать голод
Алою — алоэ
Алчба — голод, желание
Амо — куда, где
Ассия — Азия
Афеист — атеист
- Багряница* — порфировая ткань
Блуждение — заблуждение
Бо — ибо
Болван — статуя
Брашно — пища
Буде — если
Былие — растение
- Василиск* — змей
Велеречие — красноречие
Вервь — веревка
Вертеп — ущелье, пещера
Верящее письмо — доверенность
Веси — знай
Весь — селение
Ветрила — паруса
Вещественность — вещество
Взалкавый — сильно пожелавший
Вина — причина
Витийство — красноречие
Вития — оратор
Внезапу — внезапно
Вождасть — руководить
Возглавие — изголовье
Возниченный — вертикальный
Возовик — тяжеловоз
Волчец — сорная трава
Воньмут — будут слушать, внимать
Воскрайе — край
Воспящать — запрещать, препятствовать
- Восхищать* — похищать
Восшествие казистое — стройная, красная фигура, походка
Времяточные — эпоха
Восток — восток
Въемлище — вместилище
Выя — шея
- Глагол* — слово
Глаголати — говорить
Горé — вверху, кверху
Горничный — комнатный
Горячность — любовь, страсть
Градодержатель — городничий
Гремление — грохот, шум
Гудок — народный струнный музыкальный инструмент
- Даждь* — дай
Дееписатель — историк
Десная — правая рука
Диспейстория — описание леккарств
Днесь — сегодня
Довлеет — является достаточным
Долу — вниз
Долбня — обух
Дондеже — до тех пор пока
Досязать — достигать
Дохновение — дуновение
Дска — доска (обложка книги)
- Егда* — когда
Единожитие — индивидуальная жизнь
Единственник — индивид
Еже — которое
Елень — олень
Елико — сколько
Естество — природа
Естествослов — естествовед, натуралист

Жадать — жаждать, сильно желать

Жалобница — жалоба, прошение

Железы — оковы, цепи

Живот — жизнь

Жилье — этаж

Завернуться — попасть, очутиться

Заклепанный — закованный

Заклепы — оковы

Зане — ибо, потому что

Запутнение — запутанность

Затмение — смущение

Зиждитель — основатель, строитель

Зрак — глаз

Зыбление — волнение, колебание (воды)

Избыточество — изобилие

Извет — донос, клевета

Излечение — лень

Изражение — выражение, изображение

Ирой — герой

Исступающий — выступающий, проступающий

Исторгнуть — выйти

Источиться — вытечь

Ифика — этика

Каляка — калека

Капище — языческий храм

Клас — колос

Ключимый — заключенный

Книгопечатница — типография

Колико — сколько, как

Коликократно — сколько раз

Колоний — одеколон

Колообразно — кругообразно

Копоткий — медлительный

Косвенное хождение — порочное поведение

Кошки — плети с несколькими хвостами

Крайчий — кравчий, прислуживающий за обеденным столом

Краесловие — рифма

Крин — лилия

Куколь — сорняк

Ладья — лодка, челн

Ланита — щека

Ласкательство — лесть

Ласкать — льстить

Ласкаться — льстить себя надеждой

Лепота — красота

Лествица — лестница

Линек — плеть с узлами

Личина — маска

Лобное место — помост на площади

Ловитва — охота

Любление — привязанность, любовь

Любомудрие — философия

Любомщение — мстительность

Любоострастие — сладострастие, чувственность

Любостяжание — корыстолюбие

Любочестие — честолюбие

Льзя — можно

Мах — удар, взмах

Мерзительный — отвратительный

Мерзить — испытывать отвращение

Меркурий — ртуть

Мета — цель

Мрежи — сети

Мукиийский — музыкальный

Мусса — муза

Мышца — сила, рука

Наглый — внезапный, неожиданный

Наикраснейший — прекраснейший

Наследят — унаследуют

Наченшееся — начавшееся

Небрегу — пренебрегаю

Ненасытец кровей — кровопийца

Несть — нет

Неуповательно — сомнительно, едва ли

Неуподобительные — неподражаемые, невиданные

Ниже — ни

Николи — никогда

Нудить — принуждать

Оберегательность — защита, сохранность

Обесстудел — потерял стыд
Обрящет — найдет
Обещиваться — обязываться, обещать
Облый — круглый, толстый
Обыдут — обманут, обойдут
Огневица — лихорадка
Одесную — справа
Окружие — колесо
Окрест — вокруг
Опречь — кроме
Орание — пахота
Оратай — пахарь
Особенник — деятель, избранник
Отжену — отгоню
Отишие — тихое убежище, за-тишье
Отмены — различия, изменения
Отриновен — отстранен, отвергнут
Оттоманы — жители Оттоманской империи, турки
Отчинник — владелец вотчины, помещик
Ошую — слева

Паки — опять
Палица — жезл, палка
Паче — более
Пекися — заботься
Перси — грудь
Перст — палец
Песнослове — духовная песнь
Плена — пелена
Плещут — аплодируют
Плододеяние — оплодотворение
Поборник — защитник
Подвизать — побуждать
Поженет — уничтожит
Подножность — основание
Позорище — зрелище, театр
Позыбнутся — поколеблются
Позыв — призыв
Полдень — юг
Полуденный — южный
Ползкий — низкопоклонный, угодливый
Ползущество — низкопоклонство, угодливость
Полукружие — полушарие
Поносный — постыдный, позорный

Поноровка — поблажка, попу-шение
Понт — море
Право мщное — право мще-ния
Праг — порог
Предрассуждение — пред рассу-док
Препинать — препятствовать
Преследовать — следовать
Претить — запрещать, угрожать
Прещение — запрещение, угроза
Призариться — позариться
Призирать — заботиться
Приличать — уличать
Прилучиться — случиться
Присно — всегда
Пристанище — пристань
Приять — принять, взять
Прозябать — произрастать
Произволение — произвол
Произносить — приносить
Произрастение — растение
Произречение — речь
Пролубь — прорубь

Разве — если, если не
Рамена — плечи
Распростертие — распростране-ние, осуществление
Рачение — усердие, старание
Рачитель — радетель, воспита-тель
Рдеть — краснеть
Реци — говорить, сказывать
Риза — одежда
Ристалище — место состязания, арена
Рогатка — железный ошейник
Родшая — родившая, мать
Розыск — судебное следствие, пытка
Розыскатель — исследователь
Селитьба — населенное место
Сиделец — торгующий в лавке по доверенности купца
Сице — так
Сладкопение — благозвучие, лесь
Скаредный — гнусный, гадкий
Скосырь — щеголь, наглец
Словеса — слова
Слово — речь, язык

Словутый — знаменитый
Слюз — шлюз
Соборный — соединенный, общий
Соглядать — видеть, наблюдать
Согнительное воскипение — гнойное воспаление
Согруждение — плотность
Соитие — совокупление, совпадение
Соплощать — соединять
Состав — сустав
Сочетование — сочетание
Средодалящаяся сила — центробежная сила
Стезя — тропа, путь
Стрекальный — подстрекающий
Во сретение — навстречу
Стончекает — стачивает, делает тонким
Строгий — острый
Струг — рубанок
Стяжание — нажива, богатство
Стяжать — добывать, наживать
Сугубый — удвоенный
Суций в животе — живущий, живой
Сый — существующий, пребывающий вечно

Тать — вор
Твердь — опора
Телеса — тела
Тимпан уха — ушная барабанная перепонка
Титло — титул
Тля — тление
Той — тот
Токмо — только
Толико — так, столько
Томный — печальный
Тошета — худоба
Тракт — договор
Тук — жир
Тщаться — пытаться

Убо — ибо, поэтому
Угобжать — удобрять, утучнять
Ударение — воздействие
Удомовить — приручить
Уды — органы тела
Уподоблю — изложу подробно
Устерсы — устрицы
Утцетить — сделать напрасным

Фамилия — семья
Феатр — театр

Хвильый — хилый, слабый
Хижина уничижения — дом бедняка
Хил — питательная жидкость
Хина — хинин
Хины — китайцы
Хлябь — бездна
Храмина — комната

Ценовка — циновка
Цуг — упряжка в несколько пар лошадей

Чесатель — парикмахер
Чиньосостояние — сословие
Чрезъестественный — сверхъестественный
Чресла — поясница
Чувственница — мимоза
Чуждоутробный — пасынок

Шелепы — плети
Шественик — идущий, путешественник

Элаборация — претворение
Эскимы — эскимосы

Яко — так
Ям — почтовая станция
Япанча — епанча, верхняя одежда

Содержание

- 3 Первые русские революционеры
и их атеистические взгляды
- 25 *А. Н. Радищев*
- 27 Житие Федора Васильевича Ушакова, с приобщением неко-
торых его сочинений (фрагменты)
- 38 Путешествие из Петербурга в Москву (фрагменты)
- 92 О человеке, о его смертности
и бессмертии (фрагменты)
- 174 Вольность (ода)
- 191 *Декабристы*
- 192 В. Ф. Раевский
- 192 Элегия I
- 195 Элегия II
- 196 Смеюсь и плачу (Подражание Вольтеру)
- 198 Сатира на нравы (фрагменты)
- 200 Певец в темнице
- 202 Воспоминания (фрагмент)
- 204 А. П. Барятинский
- 204 [Атеистическое стихотворение]
- 209 Н. А. Крюков
- 209 Философские записи (фрагменты)
- 213 Показания на следственной комиссии (фрагмент)
- 216 П. И. Борисов
- 216 Рецензия на книгу А. А. Дейхмана
«Мысли об основании землеиспытательной науки».
СПб., 1829

- 220 И. Д. Якушкин
- 220 Что такое человек?
- 238 Записки (фрагменты)
- 241 Примечания
- 257 Указатель имен
- 264 Словарь архаизмов, встречающихся в произведениях А. Н. Радищева

Р 15 **А. Н. Радищев и декабристы: Из атеистического наследия первых русских революционеров/** Редкол.: А. Ф. Окулов (пред.) и др.; Сост. и авт. комментариев и указат. Л. В. Поляков; Авт. вступ. ст. А. Д. Сухов.— М.: Мысль, 1986.— 259 с.

В пер.: 1 р. 20 к.

В сборник включены произведения родоначальника революционной традиции в России, писателя, философа-материалиста А. Н. Радищева и деятелей декабристского движения — В. Ф. Раевского, А. П. Барятинского, П. И. Борисова, Н. А. Крюкова, И. Д. Якушкина. В публикуемых работах излагаются их атеистические взгляды.

Книга рассчитана не только на специалистов и пропагандистов научного атеизма, но и на широкий круг читателей, интересующихся историей русского освободительного движения.

Р $\frac{0400000000-012}{004(01)-87}$ 72-87

ББК 86.1

**А. Н. Радищев
и декабристы**

Из атенстического наследия
первых русских
революционеров

Заведующий редакцией
Ю. И. Аверьянов

Редактор
Ю. И. Аверьянов

Младший редактор
Л. М. Михайлова

Оформление художника
А. А. Кузнецова

Художественный редактор
А. Б. Николаевский

Технический редактор
Ж. М. Голубева

Корректор
С. С. Новицкая

ИБ № 3281

Сдано в набор 20.03.86. Подписано
в печать 09.12.86. А 09000. Формат
84×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 2
Литерат. гарн. Высокая печать. Уш.
печатных листов 14,28. Усл. кр.-отт.
14,49. Учетно-издательских листов
14,18. Тираж 65 000 экз. Заказ
№ 731. Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Мысль». 117071.
Москва, В-71, Ленинский про-
спект, 15.

Набрано в ордена Октябрь-
ской Революции и ордена Трудового
Красного Знамени МПО «Первая
Образцовая типография» имени
А. А. Жданова Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли. 113054, Мос-
ква, Валовая, 28

Отпечатано с готовых диапозитивов в
Московской типографии № 11 Союзпо-
лиграфпрома при Государственном коми-
тете СССР по делам издательств, поли-
графии и книжной торговли. Москва,
113105, Нагатинская ул., д. 1

Уважаемые читатели!

Наиболее полную информацию о готовящихся к выпуску книгах издательства «Мысль» по экономике, философии, истории, демографии, географии можно получить из ежегодных аннотированных тематических планов выпуска литературы, имеющихя во всех книжных магазинах страны.

Сведения о выходящих в свет изданиях регулярно публикуются в газете «Книжное обозрение».

По вопросам книгораспространения рекомендуем обращаться в местные книготорги, а также во Всесоюзное государственное объединение книжной торговли «Союзкнига».

1920 г.

А. Н. Радищев и декабристы

